

Пролетарии всех
стран,
соединяйтесь!

Вся власть
Советам!

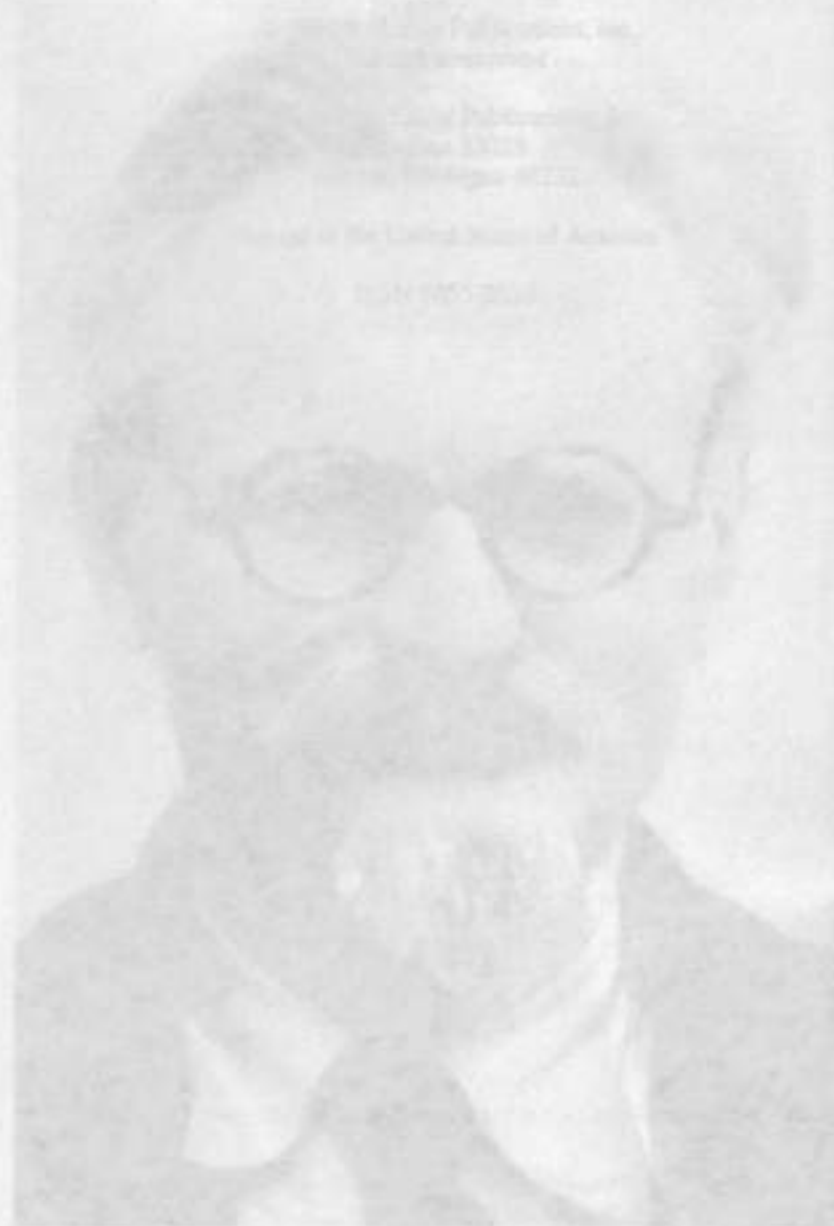
Бюллетень Четвертого Интернационала

Опубликован Интернациональным Комитетом
Четвертого Интернационала

5, сентябрь 1991

Цена \$ 5.00

Бюллетень Четвертого Интернационала

5, сентябрь 1991

Уроки августовского путча и задачи советского рабочего класса.....	1
Против империалистической войны и колониализма.....	8
Борьба против оппортунизма в Четвертом Интернационале.....	30
Клифф Слотер отрекается от марксизма.....	30
Эрнест Мандель обнажает свое банкротство.....	58
Троцкова „Преданная революция“, нетленный вклад в научную мысль.....	65
Статьи Л. Д. Троцкого.....	94
Экс-радикальная интеллигенция и мировая реакция.....	94
Еще о „кризисе марксизма“.....	96
Основание Четвертого Интернационала.....	97
Капитализм.....	100
Безработный рабочий убивает свою семью, кончает с собой.....	100
Соседние семьи выражают соболезнование.....	104
Война, чума, голод, смерть: четыре всадника капитализма.....	105
Экономические „нелепости“ и американский капитализм.....	108
Отдел писем.....	110

Редакционная коллегия:

Давид Норт – США
Петер Шварц – Германия

Редколлегия Бюллетеня просит читателей писать в редакцию о Вашем впечатлении от прочтенного материала, приглашает заметки, критику и вопросы и горячо убеждает Вас размножать и широко распространять этот документ в СССР и в Восточной Европе.

Почтовые ящики Интернационального Комитета Четвертого Интернационала:

США:
Labor Publications, P O Box 33023, Detroit, MI 48216,
USA

ФРГ:
Neue Arbeiter Presse, Alfredstr. 71, 4300 Essen 1, BRD

Австралия:
P.O. Box 7, Marickville, NSW 2204 Australia

Всем всем, всем!

Следующее заявление о событиях в Советском Союзе было сделано сегодня, 22 августа 1991 г., Интернациональным Комитетом Четвертого Интернационала. Независимо от вашего отношения к политическому содержанию этого заявления, мы просим вас помочь распространить его как можно шире. Тем, кто желает получить дальнейшую информацию: наши адреса указаны.

Уроки августовского путча и задачи советского рабочего класса

Заявление Интернационального Комитета
Четвертого Интернационала
22 августа 1991 г.

Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала приветствует унизительное крушение сталинистского путча 19 августа в Москве. В течение лишь 61 часа, военный заговор унизительно рухнул. Сталинская бюрократия, могилище Октябрьской революции, потерпела поражение, от которого она уже не оправится.

Демонстрация в Москве против путча

Но заслуженное удовлетворение от поражения путча, которое чувствуют рабочие внутри Советского Союза и во всем мире, не должны закрыть им глаза на тот факт, что люди выходящие на

авансцену в Москве, являются жестокими анти-социалистами и беспощадными сторонниками капиталистической реставрации.

Непримиримое сопротивление социалистического рабочего класса по отношению к путчу армии — КГБ, должно сохранить полную независимость от политических целей империалистов и их политических и экономических агентов внутри Советского Союза. Интернациональный Комитет предупреждает рабочих в Советском Союзе и во всем мире не быть запуганными пропагандой в прессе, которая представляет борьбу за власть, как борьбу сил «коммунизма» и «свободы». Сталинистские гангстеры, затеявшие путч, так же мало представляют марксизм и социализм, как Джордж Буш, политический союзник Ельцина и Горбачева, представляет демократию.

Все рабочие должны вспомнить, что в тот момент, когда президент Буш играет роль защитника демократии в СССР, он продолжает поддерживать пекинский сталинизм, проводящий кровавое избиение на площади Тяньаньмэнь два года тому назад, а также бесчисленные кровавые хунты по всему миру, которые он сам, как бывший руководитель Центрального Разведывательного Управления, помог подтолкнуть к власти.

Распад путча означает начало новой стадии решающих классовых схваток внутри Советского Союза. Ключевой вопрос, стоящий сейчас перед советскими массами: приведет ли крах сталинизма вперед, к настоящему социализму, основанному на революционном интернационализме, или назад, к ужасному отходу в капитализм — отходу, которые десятилетиями подготавливала реакционная политика сталинистов.

Возрождение настоящего социализма и великих человеческих принципов, которые воодушевляли Октябрьскую революцию, требует, прежде всего, построения троцкистской партии Советского Союза, как части Интернационального Комитета Четвертого Интернационала.

Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала открыто предупреждает, что в отсутствие такого руководства и без независимой мобилизации рабочего класса стоит опасность, что крушение сталинизма приведет к реставрации капитализма.

Советский рабочий класс должен смело подвести итог урокам событий в Восточной Европе. Борьба, закончившаяся свержением ненавистного режима Хонекера в Восточной Германии, Ярузельского в Польше, и всех остальных сталинистских сатрапов Восточной Европы, привела к установлению капиталистических режимов, которые ликвидируют национализированную собственность и осуществляют политику польской «шоковой терапии», т. е., жестокие анти-рабочие меры массовой безработицы, социального опустошения и обнищания.

Перед лицом растущего сопротивления рабочего класса — захваты заводов в восточной Германии, остановки работы в Польше, движение к всеобщей забастовке в Болгарии — все эти режимы отбрасывают свои «демократические» претензии и готовят массовое государственное насилие против рабочего класса. Бывший глава Солидарности, Лех Валенса, выразил планы всех этих про-империалистических режимов месяц тому назад, когда он предупредил о своем намерении употребить полицию и солдат для разгона стачек.

Четвертый Интернационал предсказывает, что «демократические» партии капиталистической реставрации вокруг Ельцина покажут свою «благородность» советскому народу после попытки путча, начав закрывать фабрики и заводы и создавать такие же социальные страдания, какие преобладают сейчас в Восточной Европе. Кроме того, они попытаются навязать эти ненавистные меры с помощью старых органов государственного насилия, которые останутся целы и невредимы.

Советские рабочие, остерегайтесь: все ресурсы государства будут теперь полностью направлены на демонтаж государственной

собственности, введение частной собственности на производительные силы и жестокое подавление всех, кто сопротивляется этой политике.

Сразу же после крушения путча, империалисты дают Кремлю открыто понять, какие меры от него ожидаются. Газета *New York Times* 22 августа напечатала передовицу, требуя, чтобы Горбачев немедленно вел меры для навязывания капитализма, описывая это как «огромную задачу цивилизовать их страну».

Цинизм и лицемерие, характеризующие заносчивые элементы капиталистической реставрации олицетворены в политической карьере их ведущего представителя, Бориса Ельцина. Он 35 лет служил верным членом сталинистского аппарата. Он вступил в ряды КПСС именно тогда, когда Кремль кроваво расправился с рабочими волнениями в Новочеркасске. Он поддержал кровавую расправу над рабочими Венгрии и Польши. Он выражает мнения целого слоя сталинистской бюрократии, который пополняет ряды претендентов на капиталисты в «демократическом» лагере; он олицетворяет тех, кто бежит с тонущего корабля сталинизма, но прежде всего в собственную пользу грабят и делят между собой ресурсы советского хозяйства.

Горбачев

Ельцин

Янаев

Советский рабочий класс должен бороться за собственные независимые классовые интересы против остатков сталинистской бюрократии и про-капиталистических «демократов». Он не может позволить каким-то мелко-буржуазным демократам, сгруппированным вокруг Ельцина, опутать себя по рукам и ногам, связав свою судьбу с какой-либо секцией сталинистов.

Мы призываем рабочих и социалистических интеллигентов защищать и возрождать основные исторические завоевания Октябрьской революции. Они должны встать против денационализации и приватизации советского хозяйства и передачи его ценностей в руки империалистов, безжалостных спекулянтов и компродоров. Кроме того, демократические и социалистические основы для реорганизации советского хозяйства и установления центрального планирования нуждаются в создании настоящих органов рабочей власти, т. е. беспощадно очищенных от бюрократии советов.

Рабочим особенно важно понять, что основные органы государственной репрессии: армия и КГБ, еще существуют. Их передача в руки полу-буржуазного Верховного Совета не меняет, и не уменьшает угрозу, которую они представляют для демократических прав рабочего класса. Они должны быть упразднены; власть должна перейти к настоящим демократическим органам под контролем пролетариата и его союзников.

Что привело к путчу?

Настоящая цель путча — вовсе не Михаил Горбачев или Борис Ельцин, а советский рабочий класс. Фактически, все до одного конспираторы были назначены на их руководящие посты именно Горбачевым. Янаев и его коллеги среди министров и генералов армии и КГБ боялись, что Горбачев утратил контроль над ситуацией, что путч необходим, чтоб упредить восстание рабочего класса, возмущенного резким ухудшением его жизненного положения.

За последний год советская политическая жизнь проходила под знаком все более резких фракционных схваток среди бюрократии о том, как провести реставрацию капитализма несмотря на растущее сопротивление советского рабочего класса. Даже те фракции сталинистов, которые поверхностно описываются «жесткими», повторно настаивали, что они поддерживают приватизацию. Критика, которой они подвергали процесс де-национализации, заключалась в их недовольстве своей долей награвленного.

Горбачеву приходилось тратить все больше сил для удержания своего шаткого равновесия среди этих недовольных слова бюрократии — тех кто пытается защитить свои привилегии в рамках капиталистической реставрации, и тех, среди его старых коллег, кто обращается в компрадорскую буржуазию с тесными связями с различными империалистическими державами.

За последние десять месяцев резкие внутренние конфликты достигли своего апогея. В сентябре — октябре, Горбачев сделал заявку на начертание так называемого плана Шаталина — плана 500 дней для введения капиталистического рынка по польскому типу. Но в свете предупреждений, что этот план приведет к 40 миллионам безработных и к социальному взрыву, он уклонился от поддержки Шаталина. Именно тогда ушел в отставку Эдуард Шеварнадзе, ближайший сторонник Горбачева и его личный посланник к вождям мирового империализма. Будучи неспособным осуществить свой план сделать Шеварнадзе своим заместителем, Горбачев обратился к Янаеву.

Один факт из биографии Янаева особенно значителен, так как он обнажает глубокую враждебность высших эшелонов сталинистской бюрократии по отношению к марксизму. Этот сталинистский халтурщик заслужил свою докторскую степень написав злобную и клеветническую нападку на Четвертый Интернационал под названием «Троцкизм и анархия».

Во время своего назначения, Янаев представлялся защитником «различных форм собственности и перехода к рыночным отношениям». Но на основе своего личного опыта, как дилетант вождь ВЦСПС, он предупредил: «Если мы применим какую то шоковую терапию для перехода к рынку, это значит, что у нас будут десятки миллионов безработных в первый же год. Как мы можем в нашей стране преследовать такую безответственную политику, которая приведет к возникновению социального динамита в лице 100 миллионов людей, динамита, который подрывает общество?»

Повышение Янаева привело к жестокой критике со стороны Бориса Ельцина, который в феериче потребовал смещения Горбачева. Но повышения цен в марте, проведенные в составе программы капиталистической реставрации, свидетельствовали о взрыве стечек горячих и послали боязливый трепет сквозь всю бюрократию.

В апреле, Горбачев и Ельцин заключили соглашение чтоб прекратить забастовки и подписать новый союзный договор. Конфликты, разразившиеся вокруг договора не имеют ничего общего с принципом самоопределения; они скорее вращаются вокруг надежд новорожденных буржуа в республиках, за счет их кремлевских коллег, самим заполучить все выгоды от демонтажа национализированной промышленности.

В мае, один из экономических советников Горбачева, Григорий Явлинский, побывал в США чтобы разработать более детальный план осуществления приватизации и демонтажа государственного имущества, для представления лидерам G-7. Очертание плана призывает к окончанию, к 1995 году, государственного контроля над двумя третьими производственных сил Советского Союза, в обмен на массивную империалистическую поддержку.

В июне, премьер министр Павлов, выражая ту же самую озабоченность, что и Янаев, заявил в парламенте, что шахтерские стачки марта и апреля стоили государству 18 миллиардов рублей; что в среднем 40000 рабочих бастовали каждый день прошлого года. Он дал интервью газете «Известия», в котором он напал на план Явлинского.

Стоя перед лицом растущего хозяйственного кризиса и уможающегося бюджетного дефицита, Павлов потребовал чрезвычайные полномочия, которые дали бы ему возможность издавать декреты в обход президента или парламента.

Горбачев продолжал попытки стоять на двух стульях сразу, чтоб оседлать растущие разногласия внутри бюрократии. Протестуя против продолжающейся неопределенности Горбачева, Явлинский отказался сопровождать его на встречу с руководителями G-7 в Лондоне.

Горбачев надеялся, что он сможет смягчить растущий экономический и политический кризис, если ему удастся уговорить лидеров мирового империализма вложить миллиарды долларов в финансирование советского перехода к капитализму.

Но собравшиеся главы империалистических правительств открыто отказались пойти навстречу. Горбачеву ответили, что они не гарантируют никакую экономическую программу, пока он не убедит их, что решительные меры демонтажа государственного имущества будут наконец применены. Подчеркивая эту жесткую линию, ведущие банки империалистических стран резко сократили свои кредитования Советскому Союзу.

Многое еще остается неясным, включая и роль самого Горбачева. Но похоже, что секции сталинистской бюрократии, опасаясь, что осуществление нового союзного договора серьезно подрвет их силу, решили действовать.

Крах путча

Фракция Янаева начала путч не из за своей силы, а из за растущего отчаяния. С самого начала, это был мятеж «на коленях». Будучи сами выбраны Горбачевым для помощи в исполнении его реставрационной программы, конспираторы не могли утверждать, что они действуют для сплочения рабочего класса в защиту «социализма» и наследия Октября. У них не было никакой правдоподобной программы, чтоб противопоставить себя программе Горбачева и Ельцина. Традиционная сталинская программа «социализма в одной стране» была уже давно дискредитирована.

Каждый шаг путчистов показывал их нерешительность, внутренние расколы и слабость. С одной стороны они безумно боялись принять какие либо меры, могущие раздражить империалистов. Российский парламент остался нетронут, не было даже сделана попытка прервать линии связи Ельцина. Последний мог поддерживать постоянные прямые контакты с британским премьер министром Джоном Мэджором, президентом США Джорджем Бушем и с другими вождями мирового империализма.

С другой стороны, Янаев и другие вожди путча ужасно опасались вызвать неконтролируемый взрыв советского рабочего класса. Первое провозглашение Государственного Чрезвычайного Комитета запретило все забастовки и демонстрации и установило комендантский час.

Демонстрируя перед империалистическими державами, что они вовсе не намерены отойти от про-капиталистической политики перестройки, они объявили, что все предыдущие договоры и обязательства остаются в силе, что чрезвычайные меры „несколько“ не означают „отказ от курса к глубоким реформам во всех сферах жизни государства и общества“.

В дальнейшем заявлении, Комитет объявил о своей поддержке „частного предпринимательства, предоставлении ему всех необходимых возможностей для развития производства и услуг“.

С самого начала путч был смертельно болен внутренними раздорами. Хорошо сознавая положение в своих собственных рядах, генералы отменили восстание с самого начала. Им было понятно, что они не в состоянии повторить площадь Тяньаньмен на Красной Площади. Проблема была не в отсутствии опыта. Кремлевские гангстеры в течение десятилетий жестоко подавляли советский и международный рабочий класс. Напротив, верхушка КГБ и армии опасалась, что вооруженная поддержка путча может вызвать тот же самый социальный взрыв, который они отчаянно пытались предотвратить. Хотя толпы, собравшиеся в Москве, Ленинграде и других больших городах состояли в основном из студентов и интеллигенции, вожди путча смертельно боялись, что любое кровопролитие начнет неконтролируемую цепную реакцию в советском рабочем классе и выведет на улицы миллионы.

Действия Бориса Ельцина, в конечном итоге, сыграли лишь ограниченную роль в провале путча. Его призыв к всеобщей забастовке не произвел особого впечатления даже в Москве. Рабочий класс не отождествлял себя ни с одной, ни с другой фракцией. Путч был разыгран за кулисами: в отделах КГБ и армии, в телефонных разговорах между империалистическими столицами и Москвой. Когда сталинские путчисты поняли, что их действия не будут поддержаны империалистическими руководителями — на которых они полагались не меньше, чем Ельцин — они потеряли всякую надежду и путч рухнул.

Задачи рабочего класса

Крах путча 19 августа — большой гвоздь в гроб сталинской бюрократии. Но со стороны рабочего класса было бы неоправданным скороспелое праздновать победу.

Те силы, которые сейчас вышли вперед — самые жестокие и злобные по отношению к рабочему классу. Их цель: распродать все ценности советского государства и умалить его до положения полу-колонии. Согласно всем сведениям, последние несколько лет свидетельствовали о дикой распродаже государственных ценностей, в течении которого, самые сильные и привилегированные секции бюрократии использовали свои посты для личной наживы.

Во имя защиты „демократии“ и „прав личности“, Ельцин сейчас оправдывает, ставшие неотложными, массовые увольнения и жестокие нападки на рабочий класс.

Пройдет немного времени и иллюзии рабочих, студентов и секций интеллигенции в демагогию Ельцина будут жестоко развеяны. Те, кого империализм сегодня ослабляет и называет „демократами“ и „защитниками народа“, завтра не покажут никакой пощады, когда дело пойдет к защите их собственных классовых интересов против рабочего класса.

Рабочий класс должен опасаться беспрецедентного вмешательства основных империалистических держав, которые уже обращаются с Советским Союзом, как будто он их колония.

Без независимого вмешательства рабочего класса на основе социалистической программы, крушение сталинизма в Советском Союзе приведет к еще более жестоким видам репрессии и

социального опустошения. Шесть десятилетий сталинского террора заменятся террором капитализма. Совершенно невозможно провести капиталистическую реставрацию мирным путем. Парламентская демократия и капиталистическая реставрация несовместимы. Единственная возможность возродить капитализм — через насильственное и кровавое подавление советского рабочего класса.

Бастующие шахтеры, 1989 г.

Советский рабочий класс должен снести и уничтожить весь сталинский аппарат, освободиться от влияния мелкой буржуазии, установить настоящие советы, как органы рабочей власти, и, таким путем, обеспечить настоящую рабочую демократию. Самая неотложная задача перед всеми социалистически настроенными рабочими, студентами и интеллигентами — ассимилировать десятилетиями длившуюся борьбу Четвертого Интернационала против сталинизма и принять участие в построении советской секции Интернационального Комитета Четвертого Интернационала.

Судьба СССР решается не только внутри его границ. Она решится на международной арене классовой борьбы.

Борьба советского рабочего класса свергнуть остатки сталинской бюрократии, предотвратить капиталистическую реставрацию, остановить сползание Советского Союза к уровню балканизированной полу-колонии империализма, и установить настоящую рабочую демократию должна быть связана с борьбой рабочего класса в передовых капиталистических странах и с борьбой угнетенных наций против империализма. Это требует построения Интернационального Комитета Четвертого Интернационала, мировой партии социалистической революции.

Лишь Четвертый Интернационал, — основанный на исторической борьбе, которую Лев Троцкий вел против контр-революционной сталинской бюрократии, — защищает исторические завоевания советского пролетариата и его великие социалистические традиции.

Одной из основных задач Всемирной Конференции Рабочих Против Империалистической Войны и Колониализма в Берлине 16-17 ноября 1991 года, будет подготовка учреждения новой советской секции Интернационального Комитета Четвертого Интернационала.

Советские рабочие, молодежь, студенты и интеллигенты: вступайте в Четвертый Интернационал, в Мировую Партию Социалистической Революции. Это партия вех грядущей победы.

Долой сталинизм!

Нет капиталистической реставрации!

Защищайте завоевания и традиции Октября 1917 года!
Стройте советскую секцию Интернационального Комитета Четвертого Интернационала!

Вперед к победе мировой социалистической революции!

.....

Ленин

Люксембург

Троцкий

Против империалистической войны и колониализма!

Манифест Интернационального Комитета Четвертого Интернационала

Участвуйте в международной конференции рабочих, проводимой ИКЧИ 16 и 17 ноября 1991 года в Берлине!

Первомайский призыв Интернационального Комитета Четвертого Интернационала.

1. 1 Мая 1991 года, Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала, который представляет собой основанную Львом Троцким мировую партию социалистической революции, призывает к международной конференции рабочих против империалистической

войны и колониализма. Эта конференция состоится 16 - 17 ноября 1991 года под руководством Интернационального Комитета в Берлине - в том же самом городе, в котором Карл Либкнехт 75 лет тому назад произнес свою знаменитую речь, направленную против первой мировой империалистической войны. Эта конференция вовсе не будет трибуной для демагогических фраз и пустых лозунгов. Рабочий класс абсолютно не нуждается в таком политическом театре. На этой конференции Интернациональный Комитет ожидает обсудить и принять социалистическую программу для мобилизации рабочего класса против установления, лидерами империалистической буржуазии, «нового мирового порядка», в сопровождении войн, колониальных порабощений и массовой нищеты. Главной целью конференции является возрождение в рядах мирового пролетариата великих традиций социалистического интернационализма, которые были преданы социал-демократами, сталинистами и всеми другими представителями оппортунизма.

2. Война в Персидском Заливе обнаружила полную непригодность традиционных рабочих партий и профсоюзных организаций. Нигде в мире не было организовано какое-либо значительное сопротивление рабочего класса против войны с Ираком. Несмотря на искреннее возмущение и отращение, испытанное миллионами рабочих, несмотря на их инстинктивную классовую оппозицию по отношению к кровавой империалистической бойне, они были лишены возможности организованно и самостоятельно дать ему политическое выражение. Там, где не удалось полностью предотвратить демонстрации и протесты, рабочие бюрократии, социал-демократические как и сталинистские, сделали все возможное, чтоб эти протесты не приняли опасную, для военной политики «их» правительства, форму. Все старые официальные организации рабочего движения, с их тысячами метаргических мелкобуржуазных функционеров, целиком превратились в придатки капиталистических государств. Их практика и даже их официальные программы политически почти не отличаются от программ официальных буржуазных партий. «Социалистическое» правительство Ф. Миттерана запретило антивоенные демонстрации в Париже и послало самолеты в Ирак, чтобы бомбить там женщин и детей. Только тот факт, что социал-демократы не входили в состав правительства Великобритании, помешал и им поступить так же; Киннок, лидер Лейбористской партии, пресмыкаясь перед премьер-министром - членом партии Тори, не упускает ни одной возможности преклониться перед английским флагом. Немецкие Социал-демократы совместно с Христианско-Демократическим Союзом поддержали войну против Ирака и предприняли все возможное, чтобы подавить оппозицию к войне среди рабочих и молодежи. Что же касается сталинистов, то эта война окончательно развеяла все остатки мифа, что советская бюрократия представляет собой какую-либо «анти-империалистическую» силу в мировой политике. Открытое стремление горбачевского режима реставрировать капитализм в СССР нашло свое крайнее выражение на международной арене в преступной поддержке войны против Ирака со стороны Кремля. Бесцеремонное выступление рабочих бюрократий на стороне империалистов является серьезным предупреждением для каждого классово сознательного рабочего: следует, не теряя времени, строить новое революционное руководство, которое встанет во главе борьбы против империалистического милитаризма.

3. Все крупные исторические и политические задачи, уже в начале XX века стоявшие перед рабочим классом и угнетенными массами, теперь предстают перед нами совершенно открыто. Зверская бомбардировка Ирака и почти полное разрушение его промышленной инфраструктуры являются началом нового извержения империалистического варварства. Уже дважды в этом столетии, в 1914 и 1939 годах, империализм вверг все человечество в мировые войны, которые поглотили десятки

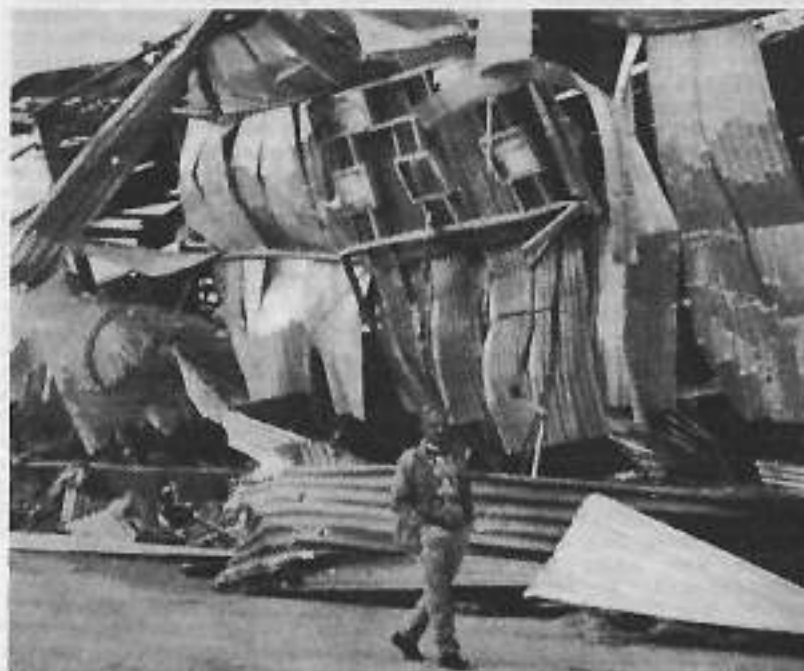
миллионов человеческих жизней. Война в Персидском Заливе, число погибших в которой еще не известно, предвещает подготовку еще более ужасного мирового пожара. Можно подумать, будто какой-то искусный режиссер стремится еще раз перед глазами всего человечества разыграть на сцене самые кровавые события первой половины XX века.

4. После всего, что произошло с августа 1990 года, только бесконечно наивные люди могут все еще верить, что война в Персидском Заливе является лишь единичным эпизодом, вызванным иракской аннексией Кувейта, что она не имеет ничего общего с дальнейшими интересами империалистов. После превращения, по окончании войны, богатых нефтью государств Персидского Залива в протектораты США последовала оккупация севера Ирака войсками ряда империалистических держав. Это, фактически до сих пор еще не законченное разделение Ирака, свидетельствует о начале нового периода мира силами империалистов. Бывшие колонии вновь будут завоеваны. Захваты и аннексии, принадлежащие, по словам оппортунистических апологетов империализма, к давно прошедшей эпохе, сегодня опять стоят на повестке дня.

5. В своей решимости уничтожить и разграбить Ирак, империалисты обнаружили удивительное, целенаправленное единодушие. В Организации Объединенных Наций, уже давно одряхлевшем очаге империалистического разбоя, все произошло так же величаво, как в армейском притоне: буржуазные дипломаты встали в очередь перед Советом Безопасности, чтобы «принять участие в действиях». Не призыв Соединенных Штатов к нападению на Ирак с готовностью откликнулись не только Великобритания, Франция, Германия и Япония, но и целый ряд меньших по значению империалистических держав: в частности следует упомянуть Австралию, Канаду, Италию, Испанию, Нидерланды, Бельгию, Данию и Швейцарию. Даже Норвегия, которая ежегодно в честь изобретателя динамита в торжественной обстановке присуждает «международную премию мира», сделала свой вклад, приняв участие в крестовом походе против Ирака. Широкое участие в этой коалиции обнажило невыразимое единодушие: война против Ирака рассматривается всеми империалистическими державами, как оправдание нового акта своей колониальной политики. Подоплека поддержки Соединенных Штатов в этой коалиции — невысказанное предположение, что война против Ирака оправдает возрождение колониальной политики всеми остальными империалистическими державами. Другие империалистические страны рассматривают оказываемую Соединенным Штатам поддержку в войне против Ирака, как необходимый платеж в рассрочку, как взнос для будущего невмешательства, или даже полного покровительства США в своих будущих планах в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и в Латинской Америке. Предоставляя в распоряжение Соединенных Штатов находящуюся близ Севильи военно-воздушную базу Морон, испанское правительство надеялось получить поддержку «великих держав» в осуществлении стремлений усилить свое влияние в Магрибе. В качестве взаимной услуги за то, что нидерландское правительство поддержало США, Голландия опять получила право контроля над внешней политикой своей бывшей колонии Суринам. Можно ясно себе представить, сколько подобных взаимных услуг было обещано Бушем и Бэйкером при сколачивании своей коалиции. Но нет дружбы между зловорами: возрождение колониализма будет иметь серьезные, катастрофические последствия. Как и накануне 1914 и 1939 годов, разграбление и порабощение маленьких и беззащитных стран будет неразрывно связано с обострением противоречий и борьбы между империалистическими державами.

6. Несмотря на множество изменений в форме и структуре мирового капитализма после 1945 года, те же самые конфликты о рынках сбыта, природных ресурсах и доступе к дешевой рабочей силе,

которые ранее привели к Первой и Второй мировым войнам, неизбежно толкают его к Третьей. Наука совершила «чудеса» в течение XX века. Она произвела переворот в понимании человеком законов, определяющих движение вселенной; она начала практическое исследование мирового пространства; она в состоянии со все большей точностью определить генетическую структуру человеческой жизни и тем самым, по крайней мере в биологической сфере, заложить основу для «совершенства» человеческой расы. Но наука не может и не найдет пути для разрешения кризиса капиталистической системы мирным способом. Глобальная интеграция производства, соответствующая электронной передаче импульсов и требованиям мирового рынка, сталкивается с границами устаревшей системы национальных государств, с которой исторически связана капиталистическая система. Это противоречие в свою очередь ускоряет и усиливает основной конфликт между частной собственностью на средства производства, сосредоточенной в руках небольшого числа капиталистических конгломератов, и общественным характером производственного процесса, в котором взаимодействует труд сотен миллионов, приобретающий в силу необходимости все более сложные формы организации и планирования.

Молочный комбинат в Багдаде, уничтоженный с воздуха Соединенными Штатами

7. Эти противоречия — между общественным производством и частной собственностью, между интернациональным характером производства и системой национальных государств — составляют основную причину экономических крахов и насильственных политических взрывов, которые неоднократно потрясли земной шар в течение XX столетия. Несмотря на все попытки подавить их, они опять обостряются, грозя новым взрывом. Для предотвращения Третьей

Мировой войны нет иного пути кроме победоносной, интернациональной пролетарской революции и свержения капитализма. Все другие предложения предотвратить войну — от требований заключить соглашения по сокращению распространения ядерного оружия до пацифистских призывов в адрес буржуазии, отказы от военной службы, молитвы и предупредительные захты — являются в конечном итоге не больше, чем цинизмом или самообманом.

Уроки истории

8. Борьба пролетариата против империалистической войны должна быть основана на изучении объективного опыта и уроков истории XX века. Как Первая, так и Вторая Мировые войны, в конечном итоге велись для того, чтобы разрешить экономические и политические конфликты между главными империалистическими державами. Причиной войны, вспыхнувшей в 1914 году, явились основные изменения в характере капиталистической системы, происшедшие в последние три десятилетия XIX века. Относительно свободная конкуренция, которая характеризовала капитализм до 1870 года, сменилась сильной концентрацией производства в руках огромных картелей и трестов. Пришла эра финансового капитала. Колониализм, который уже начал исчезать, вдруг вспыхнул с новой силой, когда появилась необходимость в новых и защищенных рынках сбыта, способных вобрать в себя огромные количества товаров развитых капиталистических стран. «Европейский потребительский рынок насыщен», предостерегал Ферри, один из основателей французского империалистического движения, в 80-х годах предыдущего столетия. «Необходимо создать новые массы потребителей в других частях земли, иначе мы приведем современное общество к банкротству и подготовим для наступающего XX столетия подобную потопу социальную ликвидацию, последствия которой нельзя предсказать».¹

9. Крупные европейские державы — особенно Великобритания, Франция и Германия — путем завоевания и эксплуатации масс Африки, Ближнего Востока и Азии, присвоили себе колониальные страны. Еще до наступления нового столетия, США и Япония, две наиболее молодые капиталистические державы, начали свой собственный путь империалистической экспансии. В центре внимания империалистической дипломатии, несмотря на внешнюю, официальную учтивость, находилась беспощадная и разбойничья борьба между соперничающими группами национальных капиталистов за усиление их экономических и стратегических мировых позиций. Из соперничества между империалистами органически выросло мощное увеличение расходов на вооружение. Любой конфликт, вызванный борьбой за сферы влияния, был чреват возможностью разжигания войны во всей Европе или даже во всем мире. В бесконечной борьбе империалистов за гегемонию, даже самые отдаленные регионы приобретали стратегическую важность, которая часто превосходила их непосредственно экономическое значение. Союзы постоянно менялись, так как империалистические державы маневрировали между собой даже из-за незначительных преимуществ. Великобритания и Франция, которые в XIX веке долгое время были «друзьями», превратились во врагов под давлением противоречащих интересов в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Только решение Франции признать британское господство в Египте предотвратило войну между обеими державами сделав их опять «друзьями». Между тем Великобритания и Германия, которые были едины в своей оппозиции против Франции, в начале XIX века стали злейшими врагами. Нестабильное «равновесие сил», с помощью которого империализм

сохранял мир, наконец рухнуло под давлением противоположных интересов. В сущности небольшой инцидент на легко воспламеняющихся Балканах — убийство австрийского эрцгерцога в Сараево в июне 1914 года — стало наконец той искрой, которая воспламенила Первую Мировую войну.

10. Развитие революционного социалистического движения было неразрывно связано с борьбой против империализма и его политики милитаризма. Выдающиеся представители основанного в 1889 году Второго Интернационала предупреждали, что империализм готовит кровавую катастрофу, которую может предотвратить только революционная борьба рабочего класса. «Мировая политика и служащий ей милитаризм», объясняла Роза Люксембург в 1911 году, «...является ничем иным как специфическим капиталистическим методом для одновременного развития и разрешения интернациональных противоречий... В возможность ослабления, смягчения и стирания этих интернациональных конфликтов может поверить лишь тот, кто верит в смягчение и притупление классовых противоречий, в ограничение экономической анархии капитализма. Если интернациональные противоречия капиталистических государств являются лишь другой стороной классовых противоречий, то анархия мировой политики представляет собой лишь обратную сторону анархического способа производства капитализма».² На конгрессах Второго Интернационала, — в частности в Штутгарте в 1907 году и в Базеле в 1912 году, — были приняты резолюции, в которых он обязывался к оппозиции против империалистической войны и ведущих ее правительств, независимо от того, кто произведет первый выстрел. Единогласно принятый в Базеле Манифест призвал «рабочих всех стран к организации сил интернациональной солидарности против капиталистического империализма» и предупредил буржуазию, что открытие войны приведет к революционной борьбе.³ Но политическое содержание этих слов потеряло вес из-за постоянного роста оппортунизма внутри партий Второго Интернационала, которые все более открыто отождествляли интересы рабочего класса с интересами капиталистического «отечества». Когда в августе 1914 года разразилась война, важнейшие партии Второго Интернационала несмотря на собственные программы, проголосовали в своих парламентах за требования империалистических правительств военного кредита. Это знаменовало крушение Второго Интернационала. Только сравнительно небольшая группа социалистических лидеров воспротивилась постыдной капитуляции оппортунистов перед волей империалистического шовинизма. Самым дальновидным из этих революционных интернационалистов был вожь большевистской партии Ленин, издавший призыв к учреждению Третьего Интернационала.

Последствия Первой Мировой войны

11. Ни одно из империалистических правительств, вступивших в войну, не предвидело ее последствий. Европа превратилась в массовую могилу миллионов людей, ставших жертвой битв или эпидемий. В итоге, Великобритания и Франция вышли победителями из войны против своего противника Германии; но дорогая цена, которую они заплатили за этот сомнительный триумф, означала, в конце концов, потерю именно тех регионов мира, защита которых и была первоначальной целью ведения войны. Единственными империалистическими державами, которые вышли из войны, усилив свои позиции, были Соединенные Штаты и, в несколько меньшей степени, Япония. Старое политическое и социальное равновесие Европы, существовавшее до 1914 года, безвозвратно ушло в прошлое.

¹ Lasger, William L., "European Alliances and Alignments 1871—1890" (New York, 1950), p. 287.

² "Lenin's Struggle for a Revolutionary International" (New York: Pathfinder Press, 1984), pp. 72-73.

³ Там же, стр. 89.

Завоевание власти большевиками в России поставило под вопрос само существование буржуазной „цивилизации“, если так можно назвать экономическую систему, ответственную за ужасы Первой Мировой войны. Если когда-либо общество само заклеило себя позором из-за своих преступлений, то это общество капитализма. Но нигде в Западной Европе не существовало революционной партии, которая соответствовала бы той, свергнувшей русскую буржуазию. Поэтому, с решающей помощью социал-демократии, правящие классы смогли отразить грозящую социальную революцию. Но они оказались не в состоянии создать новое равновесие, на основе которого европейский капитализм мог бы оправиться и начать новую экспансию. Говоря словами Кейнса, Европа, вышедшая из Первой Мировой войны, напоминала сумасшедший дом.

12. Уже в конце 20-х годов крах нью-йоркской биржи, вызвавший всемирную депрессию, обнаружил шаткость послевоенного порядка. Если бы в международном рабочем движении имелось способное революционное руководство, то победа социалистической революции во всей Европе и, наконец, во всем мире была бы обеспечена. Но Коммунистический Интернационал, учрежденный в 1919 году под руководством Ленина и Троцкого, уже к началу 30-х годов подвергся сильной деградации. На основе реакционной теории „социализма в одной стране“, советская бюрократия под руководством Сталина превратила Коммунистический Интернационал во вспомогательный инструмент для дипломатических маневров Кремля с мировым империализмом. Контроль Кремля над европейскими коммунистическими партиями привел к целому ряду катастрофических поражений, прежде всего в Германии, где в 1933 году к власти пришли нацисты. Это историческое предательство побудило Троцкого призвать к учреждению Четвертого Интернационала. Но в условиях изоляции и непрерывного преследования не только со стороны сталинской тайной полиции, но и со стороны фашистских и „демократических“ империалистов, Четвертый Интернационал был не в состоянии повернуть вспять волну реакции. В годы после победы Гитлера, предательства по отношению пролетариата в Австрии, во Франции и, наконец, в Испании, проложили путь для начала второй империалистической мировой войны.

Вторая Мировая война

13. Война началась в сентябре 1939 года, когда Германия предприняла попытку ликвидировать последствия своего поражения 1918 года и достигнуть европейское господство. Но менее, чем за два года война переросла в глобальный конфликт. Чтобы добыть необходимые ресурсы для длительной борьбы против британской империи и против США на другой стороне Атлантического океана, Гитлер нарушил „Пакт о ненападении“, заключенный со Сталиным, и в июне 1941 года бросил свои армии на Советский Союз. В это самое время, японскому империализму стало ясно, что несмотря на свои победы в Азии, он не может обеспечить надежный доступ к жизненно важным сырьевым ресурсам, не вызвав, со стороны Америки, борьбы за контроль над Тихим океаном. Соединенные Штаты сделали в свою очередь все возможное, чтобы всячески помешать Японии достичь мирного разрешения разногласий. Нападение на Пирл-Харбор послужило, наконец, правительству Рузвельта долгожданным поводом для того, чтобы рассчитаться с Японией и вступить в войну в Европе.

14. Несмотря на демократическую и „антифашистскую“ риторику Рузвельта и Черчилля, объективные интересы, лежавшие в основе военных целей Соединенных Штатов и Великобритании, были не менее империалистическими, чем цели Германии и Японии. Великобритания вела борьбу за то, чтобы сохранить хотя бы часть своей обширной всемирной империи. Соединенные Штаты намеревались утвердиться в

роли ведущей империалистической державы. Только в случае Советского Союза, борьба против Гитлера, несмотря на бесчестность кремлевской бюрократии, содержала истинно прогрессивный, антиимпериалистический элемент. Завоевание СССР германским империализмом и ликвидация национализированных форм собственности, созданных в результате Октябрьской революции 1917 года, явилось бы сокрушительным поражением советского и международного рабочего класса. Только решимость советского народа, проявленная при защите своей революции, может объяснить огромные жертвы, принесенные им во имя победы над армиями нацистов.

15. Но, несмотря на героизм советского народа, политика, которая определяла ведение войны Кремлем, была крайне реакционной. К концу войны, советская бюрократия боялась всеобщего революционного восстания не меньше, чем „демократические“ империалисты Великобритании и Соединенных Штатов, бывшие ее союзниками. Сталин полагал, что социалистическая революция в Германии, Италии, Франции или в любой другой капиталистической стране воодушевит советский пролетариат и побудит его к расправе с кремлевской мафией. Поэтому в ряде конференций, проведенных между Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом (а после смерти последнего в апреле 1945 года, Трумэн) — в Тегеране, Ялте и Потсдаме — Кремль дал понять, что в качестве ответной услуги за вполне определенные гарантии относительно неприкосновенности советской территории он готов сотрудничать с империалистами, для сохранения империалистического господства в Западной Европе и, в силу ее важного стратегического положения, в Греции. В своих мемуарах Черчилль позднее вспоминал, как он во время встречи в Москве в 1944 году на листке бумаги набросал план политического и территориального раздела послевоенной Европы. Хотя в Греции, партизаны под руководством Коммунистической Партии вели борьбу против нацистской оккупации и были в состоянии взять власть в свои руки, по наброску Черчилля эта страна была отнесена к британской сфере влияния. „Я пододвинул листок Сталину, который между тем уже слышал перевод“, писал Черчилль. „Возникла короткая пауза. Затем он взял свой синий карандаш, поставил на нем большой крючок и вернул его нам назад. Чтобы продолжать все это, понадобилось не больше времени, чем это сейчас написать“ (Winston Churchill, „Triumph and Tragedy“, Houghton Mifflin & Co., p. 227).

Послевоенный порядок

16. После Второй Мировой войны буржуазия была в состоянии достичь то, что ей не удалось после Первой Мировой войны — прочное интернациональное равновесие, на котором могли быть построены восстановление и экспансия капиталистического порядка. Начало Первой Мировой войны открыло длительный период нестабильности в делах мировой системы капитализма. Произошло беспрецедентное и бесконтрольное крушение комплексных и чувствительных механизмов, с помощью которых регулировались отношения между взаимодействующими компонентами мирового хозяйства, между капиталистическими странами, и также, между общественными классами в капиталистических странах. Медленное гниение мировой капиталистической системы продолжалось затем более трех десятилетий, пока, наконец, его не удалось взять под контроль.

17. Необходимые политические предпосылки для восстановления равновесия возникли в результате предательства кремлевской бюрократии и ее партий-сателлитов. Они активно выступили против революционной борьбы пролетариата в Европе и во всем мире. Во Франции и Италии, сталинисты посвятили себя политической

реабилитации скомпрометированной буржуазии и восстановлению капиталистических государств. В Восточной Европе они играли не менее важную роль. Как и в Западной Европе, политические шаги Советского Союза были направлены против рабочего класса и возможности подлинной социалистической революции. Основная забота Кремля состояла в том, чтобы взять под контроль рабочее движение и подчинить интересы пролетариата соглашениям, заключенным между советской бюрократией и мировым империализмом. В итоге, Кремль был вынужден пойти дальше, чем он первоначально намеревался. Сталинистские партии получили указания сверху, в результате которых им пришлось самим взять власть в свои руки. Но, несмотря на жалобы империалистов по поводу экспроприации местной буржуазии, сталинистское господство над Восточной Европой имело эффект установления политического порядка, неизвестного со времени Османской империи в регионе, глубокие социальные противоречия которого, очень сильно повлияли на общую нестабильность Европы в период с 1900 по 1945 год. Кроме того раздела Европы, особенно Германии, служил непосредственным интересам империалистов. Они приветствовали все меры, пригодные для того, чтобы подавить те противоречия, которые менее, чем за 30 лет привели к двум мировым войнам. Раздел Германии был для империалистов ответом на сложную проблему: как приспособить это, потенциально слишком сильное государство к условиям послевоенной Европы? Кроме того, в результате послевоенных политических соглашений, на Восток и Запад были разделены не только государства Европы, но и рабочий класс. И этот жестокий раскол европейского пролетариата колючей проволокой, бетонными стенами и минными полями оказался политическим фактором, причинившим самый большой вред борьбе за социализм.

18. Подавление революционной опасности непосредственно после Второй Мировой войны предоставляло империализму возможность создать новую основу для восстановления капиталистического господства в Европе, без которой империализм не смог бы выжить как мировая система. При этом решающую роль играли Соединенные Штаты. Опираясь на свою сильную промышленную мощь и огромные экономические резервы, они смогли после 1945 года взять на себя роль гегемона и создали тем самым необходимые политические и экономические рычаги, чтобы восстановить именно то, что не удалось буржуазии в конце Первой Мировой войны: новое глобальное равновесие среди капиталистических государств. Жестокое соперничество между империалистами, приведшее к двум мировым войнам, было наконец, в результате выдвижения Соединенных Штатов на роль непосредственного посредника мирового империализма, преодолено. США создали политические и экономические структуры — план Маршалла, НАТО и присоединенные к нему военные союзы, Организацию Объединенных Наций, Международный Валютный Фонд, Мировой Банк, Всеобщее таможенно-торговое соглашение — которые стали основой для выживания и экспансии мирового капитализма после войны.

Кризис послевоенного порядка

19. Пока не существовало другого капиталистического государства или объединения капиталистических государств, способного оспорить экономическое господство Соединенных Штатов, пока международная буржуазия в случае столкновения с Советским Союзом зависела от американских вооруженных сил, мировой капитализм мог сохранять свое равновесие на основе послевоенных соглашений. Но именно успехи в возрождении мировой торговли и реставрация европейского и японского капитализма постепенно подрывали равновесие, от

которого зависела стабильность мировой системы. Постепенный упадок экономической гегемонии США начался, начиная с 50-х годов, свое выражение в растущих дефицитах платежных и торговых балансов. Уже в 1971 году США были вынуждены отменить обратимость доллара в золото, которая представляла собой главную опору послевоенного экономического порядка. Американское господствующее экономическое положение оказалось под обстрелом в одной отрасли промышленности за другой. Во время 70-х и вплоть до 80-х годов, уровень ежегодных дефицитов торговых балансов США, особенно по отношению к Японии, достиг головокружительных сумм. В 1985 году Соединенные Штаты в первый раз после Первой Мировой войны презитались в страну — должника. Упадок мировой позиции Соединенных Штатов необходимо поставил под вопрос дальнейшее существование послевоенного равновесия. Все более обостряющиеся торговые конфликты и разделение мирового рынка между враждующими региональными блоками (Северная Америка, Европа и Азия) все в большей степени напоминают торговую войну, которая характеризовала годы до Второй Мировой войны.

20. Вдобавок, развитие науки и техники стало решающим фактором в дестабилизации мирового капитализма. В то время как изменения в равновесии сил обостряют конфликты между капиталистическими государствами и толкают их в разные направления, последствия революции в области электроники и микросхем на методы и средства производства, на дизайн, планирование, транспорт и средства связи, приводят одновременно, к небывалому переплетению мирового хозяйства. С экономической точки зрения, современный транснациональный концерн уже давно перерос старые тесные границы национального государства. Его директора вынуждены мыслить и действовать применяя понятия мирового производства, мирового рынка, мировой финансовой системы и мировых ресурсов. Современный межнациональный концерн ведет, где бы он ни находился, борьбу не на жизнь, а на смерть за господство на мировом рынке. Но хотя национальное государство теряет свое объективное экономическое значение, его роль военно-политического инструмента конкурирующих национальных клик капиталистов в их борьбе за мировое господство громадно растет. Этот факт находит свое сильнейшее выражение во все более быстрой подготовке к новому мировому пожару.

Нарастание противоречий между империалистами

21. Послевоенное равновесие империализма, составлявшее политическую основу для мощной всемирной экспансии капитализма, разрушено. Оно не может быть восстановлено мирным путем, потому что все отношения между составными частями старого уравнения изменились. Это вовсе не зависит от субъективных желаний отдельных вождей империалистических государств, а от объективных последствий экономических и социальных противоречий, вышедших из под их контроля.

22. В центре нестабильности мирового империализма стоит кризис Соединенных Штатов. Это своеобразная шутка истории, что именно в тот момент, когда советская бюрократия частует Соединенные Штаты как образец возможностей капитализма, Америка охвачена социальным кризисом, чумной запахом которого свидетельствует о разложении всех, без исключения, учреждений системы «свободного предпринимательства». Третья, по величине, рецессия за последние 16 лет грозит крахом множеству банков и концернов, которые с помощью обширных кредитов экспансивно расширялись в 80-е годы. Старые реформистские планы типа "New Deal", "New Frontier", "Great Society" («Новая сделка, Новые границы, Великое общество»), давно относятся к далекому прошлому. Между тем, в течение более двух

десятилетий Конгресс не затирал ни одного значительного социального закона. Огромные сокращения бюджета до основания разрушили старые социальные программы. Статистика преступности является лишь самым показательным симптомом того, насколько большими являются общественные отношения. На фоне быстро растущей безработицы и снижения заработной платы у тех, кто еще имеет работу, положение в области просвещения, жилищных условий и медицинского обслуживания можно охарактеризовать не иначе, как катастрофическое. Треть населения фактически состоит из безграмотных. Даже массовая пресса и ТВ не в состоянии избежать ежедневной публикации хотя бы нескольких наиболее шумевших, «анушеющих ужас» историй о том, как социальный кризис разрушает жизнь людей: бездомные замерзают в картонных коробках, больные раком не получают лечения из-за отсутствия медицинского страхования, безработные и их семьи кончают жизнь самоубийством. Комментатор одной из ведущих капиталистических газет недавно мимоходом, как о всем известном факте, отметил, что политические лидеры Соединенных Штатов уже давно пришли к выводу, что нельзя задержать, а тем более преодолеть, разложение их социальных учреждений и обнищание все более широких слоев населения. Чтобы сохранить стабильность общества, американская буржуазия должна опираться на полицию и, в еще большей степени, на безграничное предательство своих агентов в рабочем движении, общественная функция которых состоит в том, чтобы в зародыше подавлять и саботировать любой признак независимой борьбы рабочего класса.

23. На фоне все более тяжкого социального кризиса и его потенциальных революционных последствий, стремление американского империализма вновь отвоевать свое господствующее положение в мире составляет один из самых взрывчатых элементов в мировой политике. Международная политика Соединенных Штатов все более концентрируется на том, чтобы преодолеть свой экономический кризис за счет своих европейских и японских соперников. Правительство Буша, за период чуть более года, дважды оказалось втянутым в войну, сначала против Панамы, затем против Ирака. Растущая безрассудность и воинственность американского империализма представляют собой, в конечном счете, попытку прототравления и преодоления своего экономического упадка путем применения военной мощи, составляющей единственную область, в которой США, как и прежде занимают беспорочное господство. Намного важнее, чем «освобождение» Кувейта, была для Соединенных Штатов представившаяся возможность продемонстрировать перед всем миром разрушительную силу американского оружия. Во время войны Буш открыто говорил о том, что самые крупные торговые соперники Америки зависят от нефти в Персидском Заливе, и выразил мнение, что война увеличит «убедительную силу» Америки и «приведет к более гармоничным торговым отношениям». И действительно, идея достижения концессий со стороны европейцев и японцев овладела широкими слоями правящего класса Америки. «Насилие — это законное средство политики; оно работает», заявила газета *Wall Street Journal* в конце войны. «Для самих элит известие гласит: Америка умеет руководить, перестаньте жаловаться, думайте смелее. Начиная сейчас».

24. Несмотря на кичливые сенсации Буша о «новом мировом порядке», США не имеют необходимых материальных ресурсов, чтоб опять восстановить свою доминирующую позицию в мировом капитализме. Тот грубый способ, с помощью которого они выжали деньги для финансирования войны у своих союзников, продемонстрировал перед всем миром несоответствие между военными притязаниями Америки и ее финансовыми средствами. Кроме того, Соединенным Штатам легче подвергнуть бомбардировке беззащитный Багдад, чем отвоевать у

Японии ведущую позицию на мировом рынке по производству полупроводников, то есть, того ключевого товара, на котором основана современная технология. Война, которая вовсе не способствовала созданию нового равновесия в отношениях между империалистическими государствами, напротив представляла лишь новые доказательства банкротства старого равновесия. По мере того, как все больше обнажается экономическая слабость США, европейская и японская буржуазии все агрессивнее выступают в защиту своих собственных интересов. Триумфальный реван американской буржуазии после «Бури в пустыне» внезапно смолк, когда правительству Буша стало ясно, что европейская буржуазия успешно воспользовалась судьбой курдов для того, чтобы добиться реализации своих собственных стратегических интересов на Ближнем Востоке. Сделав вид, будто они хотят выступить навстречу американским войскам, размещенным в районе Персидского Залива и на южной границе Ирака, европейцы начали перемещать свои войска в северную часть Ирака. Европейские и японские империалисты не намерены вверять свою судьбу в руки Соединенных Штатов. После войны, европейцы приняли меры для создания своего собственного «отряда войск быстрого вмешательства», независимого от структуры НАТО, в которой Соединенные Штаты все еще играют ведущую роль. Германский правящий класс дал ясно понять, что он не намерен мириться с тем, что его мировая позиция в XXI веке будет определяться его военным поражением в середине XX-го. Под видом «гуманитарной помощи» курдам, германская армия осуществила свою первую, после поражения гитлеровского вермахта, операцию за пределами Европы. Манфред Вернер, немецкий генеральный секретарь НАТО, сказал в своем заявлении, напоминающем речь Бисмарка о «крови и железе»: «Бывают случаи, когда дипломатия без меча бессильна». В то же самое время, японское правительство организовало свою первую, со времени Второй Мировой войны, посылку войск за границу.

25. В период после окончания Второй Мировой войны, еще никогда не существовало такой нестабильности в области международных отношений, как в настоящее время. Те предсказуемые русла, в которых действовала международная дипломатия в период «Холодной войны», сегодня уже обогнаны ходом нынешних событий. Старые союзы разрушаются; новые — лишь формируются. Борьба мощных транснациональных концернов за господствующее положение в мире усиливает напряженность на мировой арене и доводит ее до стадии невыносимости. Мировая пресса уже ведет дискуссию о возможности войны между Соединенными Штатами и Японией. И все более шовинистичный тон американских политических деятелей направлен на то, чтобы чем раньше, тем лучше, подготовить общественное мнение к военному наступлению, прежде чем Япония сумеет сконцентрировать свою крупную экономическую мощь и организаторские способности для строительства военных сил, способных противостоять Соединенным Штатам. Но нельзя, со всей уверенностью предсказать, что столкновение экономических интересов приведет, в первую очередь, к военному конфликту между Соединенными Штатами и Японией, как бы это ни казалось вероятным в настоящий период. Война между Соединенными Штатами и рядом европейских держав, включая и Великобританию, тоже находится в пределах возможного. Нельзя даже исключить, что и сами европейские державы окажутся на разных сторонах баррикад в будущей войне. Объединение Германии полностью изменило старое равновесие сил на европейском континенте. Группировка «друзей» и «врагов» может принять еще совсем неожиданные формы. Но империализм не был бы империализмом, если бы столкновение интересов в любом случае не привело бы неизбежно к войне. Было бы роковой ошибкой думать, что империалисты поставались бы

избежать такого крайнего исхода из за ужасных последствий применения существующей технологии. Боязнь катастрофы и в самом деле оказывает определенное влияние на международные отношения. В моменты относительной умственной ясности лидеры мирового империализма вероятно осознают, что Третья Мировая война может стать могилой цивилизации. Но исторический опыт красноречиво свидетельствует, что этот вопрос, в конечном счете решается объективными противоречиями империализма, не моральными соображениями или субъективным страхом буржуазных политических деятелей. Единственной силой в мире, способной предотвратить новую мировую войну, является революционный рабочий класс.

Крушение сталинистских режимов в Восточной Европе

26. В конечном итоге то же самое фундаментальное противоречие, которое лежит в основе разрушения империалистического равновесия, — противоречие между мировым хозяйством и системой национальных государств, — является также и причиной взрыва и краха всех сталинистских режимов. Ни стены, ни иные формы непроницаемых, насильственно созданных государствами границ не смогли сдержать давление мирового рынка на экономику восточноевропейских стран. Попытки возложить ответственность за крушение сталинистских режимов на марксизм являются такими же живыми, как и прежние утверждения сталинистских бюрократов, что в этих экономически отсталых странах строился социализм. Искусственная изоляция восточноевропейских государств от мирового рынка и международного разделения труда, не имевшая ничего общего с претворением в жизнь революционной программы, являлась отчаянной попыткой сталинистских бюрократий прийти к особому типу симбиоза между своими отсталыми национальными хозяйствами и мировым империализмом. Но стоит только взглянуть поверх циничного маскарада сталинистских негодяев, стоит лишь подвергнуть объективному анализу их ориентированные на авторскую программу экономического развития, как сразу выясняется, что они представляют собой абсолютное отрицание марксизма, который всегда берет за исходный пункт подлинного социалистического строительства, развитие мирового хозяйства. Крушение режимов в Восточной Европе и развал сталинистского режима в СССР, являются, в действительности, величайшим подтверждением неустанной, начатой в 1924 году, борьбы троцкистского движения против реакционной и антимарксистской программы построения социализма в одной стране.

27. Неравновесие мирового капитализма было еще больше подорвано событиями в Восточной Европе и в СССР. Непосредственно после крушения сталинистских режимов в Восточной Европе, международная буржуазия находилась в состоянии восторженного упоения. Капитализм, как она полагала, одержал колоссальную победу. Один из ее приверженцев, охваченный всеобщей эйфорией, возвестил даже о «конце истории»: человечеству, якобы, ничего больше не остается делать, как размышлять о триумфе буржуазной демократии. Теперь постепенно становятся слышны более осторожные голоса. Взвизывая на политические и экономические обломки, оставленные в результате крушения сталинистских режимов, более серьезные элементы в рядах буржуазии вновь вспоминают о решающем вкладе, внесенном сталинистами во время их правления в Восточной Европе, в дело реставрации мирового капитализма. Долгое время подавленные, но нигде до сих пор не разрешенные, национальные и этнические конфликты, раздиравшие Восточную Европу и Балканы со времени крушения Османской и Габсбургской империй, опять ализуют свой старый, но все еще сильный ядовитый газ в атмосферу международной политики.

«Поля смерти» на дороге к северу от Кувейта: тысячи иракцев, бежавших в грузовиках, машинах и другими средствами были методично уничтожены с воздуха Соединенными Штатами.

28. Известия о нынешних событиях на Балканах звучат, как будто бы они происходили в 1930 или даже в 1910 годах. Опять международная пресса полна сообщениями о конфликтах между сербами, хорватами, словенцами и боснийскими мусульманами; о битвах за Косово; о борьбе за национальное равенство македонцев. Любой диспут о границах, любой конфликт по поводу этнического состава национальных государств, несущ в себе возможность взрыва и ценной политической реакции, со всеми вытекающими из этого международными последствиями. Спор между чехами и словаками не может быть отделен от национальных вопросов, втягивающих Германию, Венгрию, Польшу и даже Украину. Недовольство национальных меньшинств в Венгрии и Румынии грозит привести эти страны к войне. Еще более взрывчатоподобные конфликты внутри Югославии ставят под вопрос действительность нынешних границ Албании, Болгарии, Румынии и Греции. И неминуемо, национальные и этнические конфликты Восточной Европы лугаются в поисках крупных империалистических держав. Независимо от первоначальных намерений различных национальных групп, местное соперничество манипулируется и используется империалистами в целях своего собственного проникновения в соответствующий регион.

29. Кризис в Восточной Европе является лишь самой яркой иллюстрацией международного кризиса системы национальных государств и связанной с ним проблемы национального самоопределения, для которой нельзя найти подлинно демократического решения в рамках капитализма. Идея установления новых национальных границ в соответствии с сомнительным идеалом абсолютно однородного населения, является реакционной фантазией. Однако, капитализм пытается направить возмущение народа, вызванное несправедливым распределением богатства и ресурсов, в туники национальных и этнических разногласий. Пытаясь помешать объединению рабочего класса и развитию могучей классовой борьбы, правящие классы пользуются поддержкой морально опустившихся буржуазных демагогов, жаждущих сделать карьеру в роли героя той или иной формы шовинизма. Успех такой агитации объясняется не интеллектуальной или моральной силой национализма, а тем политическим вакуумом, который возник в результате полной капитуляции традиционного руководства рабочего класса, неспособного предложить выход из кризиса капиталистической системы.

30. Четвертый Интернационал последовательно и неуклонно поддерживает требование национального самоопределения, когда оно содержит совершенно справедливое и глубоко прогрессивное желание свергнуть империалистическое господство или покончить с подавлением демократических прав национальной или этнической группы. Однако, Четвертый Интернационал предлагает осуществить этот важный аспект своей демократической программы путем объединения пролетариата всех стран в борьбе за мировую социалистическую революцию. Это значит, что пролетариат должен смести со своего пути реакционных демагогов буржуазного национализма и облагородить борьбу за самоопределение выдвижением всеобщего лозунга интернациональной, классовой солидарности. Только таким образом национальное самоопределение может стать средством достижения мирного сотрудничества всех народов в экономическом и культурном развитии человечества. Как писал Лев Троцкий 57 лет тому назад: «Национальная проблема сливается с социальной. Только завоевание власти мировым пролетариатом может обеспечить действительную и неизбежную свободу развития для всех наций нашей планеты».

1. Четвертый Интернационал и война, 1934 г., Архив Троцкого в Гарвардском Университете, T-3632, стр. 91.

Пролетариат отсталых стран и борьба против колониализма

31. Для либеральных реформистов и псевдо-социалистических оппортунистов, отступление европейских держав из своих бывших колониальных владений и предоставление колониям политической независимости, означал положительное и существенное изменение в характере империализма. По их утверждению, это означало отказ от устаревшей и скомпрометировавшей себя формы политического господства в пользу более гуманных и демократических отношений между высокоразвитыми в экономическом отношении странами и «Третьим миром». В основе этих банальных и поистине абсурдных утверждений лежало — уже давно разоблаченное Лениным, как научно необоснованное — представление, что империализм будто бы является лишь определенной политикой, а не особой исторической стадией развития капитализма, основывающейся на совершенно определенных экономических явлениях. Тот факт, что колониям была предоставлена формальная независимость, вовсе не означал изменения в характере империализма, а лишь изменение в политических формах, с помощью которых финансовый капитал осуществлял свое господство над этими угнетенными странами. Ввиду массового движения против колониализма, охватившего Африку, Ближний Восток и Азию, империалисты решили заключить политический компромисс с представителями национальной буржуазии. «Упорядоченная передача власти» в руки национальной буржуазии, в рамках которой, остались нетронутыми основные экономические интересы империализма, была для них меньшим злом по сравнению с бесконтрольным революционным выступлением, в результате которого власть перешла бы в руки рабочего класса. Поэтому, такое вынужденное приспособление к «изменившимся временам» явилось важным тактическим компонентом тех послевоенных мер, с помощью которых было создано новое империалистическое равновесие.

32. Для масс рабочих и крестьян формальная независимость не принесла долговременного улучшения в их социальном положении. Национальная буржуазия оказалась неспособной освободить свои страны от экономического господства империализма или выполнить какую либо из существенных задач, которые исторически приписываются демократической революции. Однако, чтобы сохранить доверие масс, используя конфликты Холодной войны, национальная буржуазия попыталась создать видимость «анти-империалистического» курса. Вступив под покровительство советской бюрократии, национальная буржуазия, особенно на Ближнем Востоке, нередко добивалась больших уступок со стороны империалистов, чем это было бы возможно в иных условиях. После поражения во Вьетнаме, политический кризис в правящих кругах американской буржуазии обеспечил национальной буржуазии дополнительную передышку. Но это положение вещей, которое в конечном итоге было обусловлено собой и, самой по себе, нестабильной международной конъюнктурой, не могло долго длиться. Последствия бесконечных предательства со стороны сталинистской и социал-демократической бюрократии привели к резкому ослаблению международного рабочего движения; это предоставило империализму возможность усилить политическое давление на угнетенные страны. Уроки поражения во Вьетнаме тщательно изучались во всех буржуазных, военных академиях. Британская война из-за Мальвинских островов (1982), израильское вторжение в Ливан, изгнание Палестинского Фронта Освобождения из Бейрута (1982), а также серия военных выступлений Соединенных Штатов, начиная с 1983 года — интервенция в Ливане, вторжение в Гренаду, бомбардировка Ливии, вторжение в Панаму, и, наконец, война против Ирака — в целом представляют собой

возвращение империализма к традиционным методам для реализации своих интересов в угнетенных странах. Нет сомнения в том, что циничная позиция советской бюрократии, бросившей на произвол судьбы своих долговременных «клиентов» в Африке, на Ближнем Востоке, в Азии и Латинской Америке, устранила для империалистов все причины для самоограничений и компромиссов.

Мальчик раненый шрапнелью

33. Замечая эти изменения на международной арене, лидеры национальной буржуазии отчаянно пытаются достигнуть соглашения с империалистами, которое позволило бы им сохранить власть. Участие арабских режимов в нападении на Ирак показывает, до какой меры национальная буржуазия уже смирилась со статусом полуколониальной зависимости. Ни один американский колониальный чиновник не смог бы служить американскому империализму так верно, как служит президент «независимого» Египта, Хосни Мубарак. Политическое пресмыкательство национальной буржуазии лишь отчасти обусловлено страхом военного нападения. Оно, скорее, является самым прямым выражением экономической зависимости угнетенных стран от империалистических капиталовложений. Честолюбивые программы национальной самостоятельности, осуществление которых было начато в первые годы независимости такими буржуазными националистами как Перу в Индии, Сукарно в Индонезии, Нкрумой в Гане и Нассером в Египте, уже давно завершилось банкротством. Национальная буржуазия, далекая от какого-либо стремления освободить свои страны от

хватки международного финансового капитала, ныне молит их о создании «особых экономических зон», в которых империалистам предоставляется возможность беспрепятственной эксплуатации природных и человеческих ресурсов региона.

34. Эта история повторяется в каждой угнетенной стране. В Латинской Америке, старые буржуазные националистические движения — PRI в Мексике, APRA в Перу и перонизм в Аргентине — все видны сегодня, как открытые агенты Международного Валютного Фонда, морящие массы голодом, чтоб экспортировать капитал в банки Уолл Стрит. В случае перонизма, основатель которого в свое время заявлял, что открыл «третий путь» между капитализмом и коммунизмом, нынешний его представитель, президент Карлос Менем, послал военные корабли на Ближний Восток в надежде завоевать более благосклонную аудиенцию с МВФ или несколько кувейтских сделок в пользу обанкроченного аргентинского капитала.

35. Сторонники вооруженной борьбы за национальное освобождение среди левых буржуазных националистов, такие как Палестинская Организация Освобождения, сандинисты в Никарагуе и LTTE в Шри Ланке, в последнее время все нашли свою дорогу к капитуляции. Они все отказались от самых фундаментальных задач национального самоопределения и независимости от империализма, в то же время принимая реакционные национальные расколы, названные империализмом и хватаясь за тот или другой «мирный» план Вашингтона. Туда же пошел и кубинский режим Фиделя Кастро; он обличен, как еще один тип буржуазного национализма. Во время стягивания войск перед войной в Заливе, представитель Кастро повторно воздержался от голосования в ООН по нескольким ключевым резолюциям, таким образом оправдывая американскую империалистическую агрессию. Потеряв поддержку своего советского покровителя, кастристский режим теряет свою способность выжить и быстро поворачивает к возвращению Кубы на мировой рынок империализма.

36. Борьба угнетенных наций против империалистического гнета не может быть успешна, пока рабочий класс остается под политическим засильем какого-либо крыла национальной буржуазии. Это правило не менее действительно для рабочих в Ираке, чем для рабочих в Египте. Разногласия между Саддамом Хуссейном и Хосни Мубараким носят тактический, не принципиальный характер. Хотя рабочий класс был обязан защищать Ирак от империалистического нападения, он не имел права оказывать режиму Хуссейна ни малейшей политической поддержки. Хуссейн вторгся в Кувейт не для того, чтобы нанести удар по империализму, а лишь для того, чтоб укрепить позицию иракской буржуазии в ее сделке с империалистами. Сам способ ведения Хуссейном войны, показал политические приоритеты его режима. Его наиболее опытные войска оставались в тыловом резерве, чтоб их можно было направить против рабочего класса и национальных меньшинств в Ираке, не против империалистических армий.

37. Рабочий класс должен вести борьбу против империализма на основе интернациональной революционной программы. Освобождение масс не может быть достигнуто через изменения границ в пользу той или другой страны, а только путем свержения национальной буржуазии и ликвидации начерченных империалистами границ и всей системы национальных государств, представляющей собой абсолютный барьер на пути экономического развития угнетенных стран. Вместо бессмысленного, в экономическом отношении, лоскутного ковра национальных границ, Четвертый Интернационал призывает пролетариат полуколониальных стран к борьбе за Соединенные Социалистические Штаты Латинской Америки, Азии, Африки и Ближнего Востока.

За свержение советской бюрократии и защиту завоеваний Октября

38. Слова «обман» и «предательство» еще недостаточно отражают ту преступную роль, которую сыграла советская бюрократия в районе Персидского залива во время войны. Режим Горбачева следует считать полностью ответственным за зверства, совершенные империализмом над иракским народом. Его голосование в Организации Объединенных Наций, сначала за экономические санкции, а затем и за применение военной силы против Ирака послужило империализму в качестве необходимой политической ширмы для подготовки вторжения. Коллаборация Кремля в период империалистической войны против Ирака — есть историческая кульминация той контр-революционной роли, которую сталинизм уже более пол века играет как в Советском Союзе, так и на международной арене.

39. Открытый и бесцеремонный переход горбачевского режима на сторону мирового империализма совершенно логично соответствует стремлению советской бюрократии к реставрации капитализма в СССР. В прошлом, поскольку сталинская бюрократия пыталась защитить национализированную собственность, как основу своих привилегий, она защищала Советский Союз от империалистических провокаций и возможности прямого нападения. Однако, те методы, к которым прибегал Кремль против империализма, не имели абсолютно ничего общего с революционным интернационализмом, который отстаивал Ленин. Советская бюрократия, заботившаяся лишь о защите своих собственных материальных привилегий внутри государственных границ СССР, никогда не останавливалась перед предательством по отношению к международному рабочему движению, а целях соглашений с империализмом. Сознательный саботаж испанской революции в 30-е годы, подписание Пакта о ненападении с Гитлером, отступ от партизан коммунистов в период гражданской войны в Греции — вот лишь неполный перечень наиболее злостных примеров того, как Кремль подчинял интернациональную классовую борьбу своим собственным реакционным и оппортунистическим связям с империализмом. Даже если он оказывал странам «Третьего мира» ограниченную военную и финансовую помощь, то это делалось лишь для того, чтоб отвлечь империалистическое давление от СССР.

40. Советская бюрократия хорошо сознает, что ее попытка реставрации капитализма в СССР неизбежно вызовет мощную оппозицию со стороны рабочего класса. Именно поэтому, она вынуждена прибегнуть к самому тесному сотрудничеству с империализмом. Следовательно, главная цель внешней политики Кремля состоит в том, чтобы не отвлекать, а напротив, усилить империалистическое давление на СССР. Вот почему советская бюрократия одобрительно отнеслась к размещению огромных империалистических войск на расстоянии всего лишь нескольких сотен километров от южных границ Советского Союза. И когда ведущий еженедельный журнал американской буржуазии, «Time», опубликовал детальный репорт о планах США в случае тяжелых этнических столкновений в национальных республиках, провести военные операции на территории Советского Союза, Кремль это даже не опротестовал.

41. С позволения Кремля, империализм все более дерзко требует права установить контроль над обширными районами СССР. Империалисты не в состоянии игнорировать экономическое значение ресурсов, огромного производственного потенциала и обширных рынков Советского Союза. Судьба СССР, как и судьба Восточной Европы, уже сейчас играет все более важную роль в планах и конкуренции империалистических держав. Противоречивые интересы империалистов

приобретают все более открытый характер во внутренних конфликтах среди бюрократии и между национальными республиками. Опасаясь, что с помощью Горбачева немцы добились слишком большого влияния в Кремле, Соединенные Штаты начинают поддерживать Ельцина и Российскую республику.

42. Тот факт, что империализм открыто использует национальные республики для ускорения развала Советского Союза и реставрации капитализма, вовсе не опровергает права национальных групп на самоопределение. То, что «территориальная целостность» СССР сохраняется силой полицейского государственного режима бюрократии и ее высокомерного подавления национальных чувств, вовсе не служит интересам советского и международного пролетариата. Но чтобы самоопределение не стало лишь обманной предлогом для реставрации капитализма и разделения СССР на слабые, зависимые от империализма государственные образования, эту борьбу необходимо вести под руководством рабочего класса, на основе интернационалистской социалистической рабочей программы.

43. В случае реставрации капитализма в СССР или в balkанизованных осколках, оставшихся после его развала, началась бы трагическая глава в истории русской, украинской, грузинской и всех других национальностей, которые в настоящее время составляют Советский Союз. Как уже показала судьба Польши и восточной части Германии, результатом «рыночного хозяйства» был бы ужасный упадок социального и культурного уровня советского народа. Но альтернативой реставрационной политике советской бюрократии и возникающего класса продажной, компраторской буржуазии является не возврат к «национал-социалистической» политике, открывшей путь для нынешней катастрофы. Защита основных завоеваний Октября 1917 года и их восстановление согласно социалистическим критериям зависит от возрождения интернационалистской, социалистической программы, на основе которой Ленин и Троцкий руководили работой большевистской партии в ее самый плодотворный период.

44. Судьба Советского Союза еще не решена; его будущее, как и прежде, сильно волнует каждого классово сознательного рабочего в мире. Реставрация капитализма в СССР и его упадок до уровня полуколонии означали бы ужасное поражение международного рабочего класса. Борьба советского рабочего класса против реставрационной политики бюрократии, как и борьба международного рабочего класса против империалистической буржуазии, являются двумя взаимосвязанными частями одной и той же всемирной борьбы. Это фундаментальное единство должно найти свое сознательное воплощение в построении советской секции Интернационального Комитета Четвертого Интернационала.

Четвертый Интернационал и борьба против империализма.

45. Более 50-ти лет тому назад, в начале Второй Мировой войны и лишь за два месяца до его убийства сталинистскими агентами Леа Троцкий писал:

«У капиталистического мира выхода нет, если не считать выходом затяжную агонию. Надо готовиться к долгим годам, если не десятилетиям, войн, восстаний, коротких перемирий, новых войн и новых восстаний. Молодая революционная партия должна опираться на эту перспективу. История предоставит в ее распоряжение достаточно случаев и возможностей, чтобы проявить себя, набраться опыта и созреть. Чем скорее будут спланированы ряды авангарда, тем больше сократится эпоха кровавых потрясений, тем меньше разрушения потерпит наша планета. Но великая историческая проблема не будет, во всяком случае, разрешена до тех пор, пока во главе пролетариата не встанет революционная партия. Вопрос темпов

и сроков имеет огромное значение; но он не меняет ни общей исторической перспективы, ни направления нашей политики. Вывод прост: надо с удвоенной энергией вести работу воспитания и организации пролетарского авангарда. В этом и состоит задача Четвертого Интернационала." *"Бюллетень оппозиции"* № 84, август – октябрь 1940 г., стр. 261.

46. Призывая самых классово сознательных представителей мирового пролетариата собраться в ноябре этого года в Берлине и принять участие во всемирной конференции рабочих против империалистической войны и колониализма, Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала готовится сделать решающий шаг вперед в деле разрешения кризиса революционного руководства. Наша цель состоит в том, чтобы на основе всего исторического опыта Четвертого Интернационала установить те принципы, на которых должна основываться борьба за интернациональное единство мирового пролетариата.

47. Бесспорно, что международное рабочее движение в настоящее время находится в очень глубоком кризисе. Но этот кризис содержит в себе незданную до сих пор возможность для преобразования нынешних кадров Четвертого Интернационала в массовую мировую партию социалистической революции, какой ее представлял себе Лез Троцкий. Крушение сталинских режимов означает не банкротство марксизма, а напротив его величайшее подтверждение. Как и предсказал Лез Троцкий в учредительном документе Четвертого Интернационала, законы истории вновь оказались сильнее, чем бюрократический аппарат. То влияние, которое сталинизм когда-то оказывал на международный пролетариат и которое являлось самой главной причиной практически всех поражений международного рабочего класса, начиная с 30-х годов, уничтожено навсегда.

48. Изменившееся отношение между троцкизмом (то есть истинным марксизмом) и сталинизмом сильнее всего проявляется внутри Советского Союза, где рабочий класс, сбрасывающий оковы бюрократии, впервые узнает правду о своем революционном наследии. Труды Льва Троцкого теперь читают тысячи людей на территории всего Советского Союза. Корреспонденция из Москвы, Ленинграда, Киева, Львова и Харькова заполняет парткомы Интернационального Комитета. Даже в отдаленной Воркуте – бывшем месте сталинского трудового лагеря, в котором были убиты сторонники Четвертого Интернационала, включая и младшего сына Троцкого – советские горняки изучают документы Интернационального Комитета и передают их из рук в руки.

49. Менее сенсационным, но не менее важным, является крах политического авторитета социал-демократических и реформистских организаций. Эти организации так тесно интегрированы в капиталистическое государство, что ни в одном важном политическом вопросе нельзя больше обнаружить никакой разницы между социал-демократами и буржуазными партиями "средне-правого" уклона. А что касается профсоюзов, то их важнейшая функция состоит в том, чтобы насильно проводить в жизнь политику буржуазии, направленную на сокращение социальных программ.

50. Крушение сталинских и социал-демократических партий и профсоюзов свидетельствует об историческом банкротстве всех тех организаций в рабочем движении, которые опираются на национальную программу. Полностью исчерпаны возможности достижения даже малейших завоеваний для рабочего класса на основе буржуазного национального государства. Пользуясь тем или иным способом, бюрократии сдают в руки буржуазии завоевания рабочего класса, достигнутые в давно прошедших боях. Национальные программы реформистских бюрократий сводятся, в конце концов, к тому, чтобы подчинить пролетариат подготовке к империалистической войне.

51. Корни великих исторических возможностей Четвертого Интернационала заключаются в том объективном факте, что его программа соответствует внутренней логике развития мирового хозяйства и формулирует всемирно-историческую роль международного пролетариата. Но победа его программы не будет достигнута автоматически, ни на основе спонтанного развития объективных экономических процессов, ни в результате инстинктивного возмущения масс, вызванного политикой прежнего руководства. За революционную программу нужно бороться. Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала сделает все возможное, чтоб облегчить революционную перегруппировку авангарда рабочего класса под знаменем марксизма. Это означает не только практическое участие в каждодневных битвах рабочего класса, но и ведение беспощадной идеологической борьбы против всех форм оппортунизма. Берлинская конференция рабочих против империалистической войны и колониализма будет опираться на богатое наследие непримиримой, продолжающейся со времени его основания в 1953 году, борьбы Интернационального Комитета против лавлоизма. Необходимо полностью разоблачить его деструктивную политическую роль сообщника империализма, буржуазного национализма и сталинизма. Интернациональный Комитет намерен воспользоваться возможностями берлинской конференции, чтобы четко отмежевать истинную программу троцкизма от всех разновидностей оппортунизма, представляемых в лице Мандела, Слотера, Горренса, Лоры и Робертсона. Таким образом, Интернациональный Комитет будет следовать примеру Ленина во время великих антивоенных конференций в Циммервальде и Кientале в 1915 году. На этих конференциях, Ленин настаивал на том, что борьба против всех форм оппортунизма и центризма является основной предпосылкой для успешной мобилизации рабочего класса против империализма и за построение революционного Интернационала.

52. В период подготовки берлинской конференции представители Интернационального Комитета проведут самую широкую дискуссию с рабочими во всем мире. В данных условиях, когда идеи Троцкого достигают все большую публику, мы приветствуем диалог со всеми группами и тенденциями, которые либо уже считают себя партизанами Четвертого Интернационала, либо еще изучают его программу.

53. Победа над империализмом и над угрозой колониализма и войны может быть обеспечена только на основе интернационального объединения рабочего класса. Это единство может быть достигнуто только путем построения Четвертого Интернационала – мировой партии социалистической революции.

Вперед к конференции рабочих против империалистической войны и колониализма!

1 мая 1991 г.

.....

Борьба против оппортунизма в Четвертом Интернационале:

Клифф Слотер отрекается от марксизма

Заявление Интернационального Комитета Четвертого Интернационала

В промежуток времени между октябрём 1985 года и февралём 1986 года, Революционная Рабочая Партия (Workers Revolutionary Party) Великобритании беспринципно порвала с ИКЧИ. Этот разрыв явился кульминацией борьбы, начатой в 1982 году против национального оппортунизма руководства РРП. Настоящее заявление Интернационального Комитета Четвертого Интернационала подводит итог богатым урокам этой политической борьбы и рассматривает эволюцию Клиффа Слотера, сыгравшего ведущую роль в организации этого раскола и сегодня продолжающего руководить РРП.

Пять лет после того, как британская Рабочая Революционная Партия откололась от Интернационального Комитета Четвертого Интернационала, Клифф Слотер, секретарь ИКЧИ до 1985 года и бывший ключевой фигурой в организации раскола, публично отверг историческую роль и значение Четвертого Интернационала. По возвращении из трехнедельной поездки в Советский Союз, он опубликовал две статьи в декабрьском номере журнала РРП, *The International*. Одна статья названа «Советский Союз у распутия», другая — «Марксистская теория и советское государство сегодня». Взятые вместе, они представляют огульную атаку на всю программу троцкистского движения и на ее теоретическое основание — марксизм.

Слотер суммирует собственное мировоззрение в отрывке, который отбрасывает всю 70-летнюю борьбу, которую вели в защиту марксизма левая оппозиция и Четвертый Интернационал. «Марксисты, занятые в течение многих лет, иногда всю свою политическую жизнь, отвержением, на словах и на деле, той политической лжи, что Сталин и сталинцы были наследниками Ленина и большевизма, сегодня находят себя в положении, где весь этот вопрос кажется неуместным. (*The International*, декабрь 1990 г., стр. 18). Неверно, говорит он, противопоставлять марксизм Четвертого Интернационала сталинским фальсификациям: «Мы не можем попросту действовать, как будто есть какой-то 'настоящий' марксизм, который мы всегда знали и, так или иначе, сохранили, и противопоставить его фальшивому сознанию, продукту многих лет сталинизма» (там же, стр. 24).

Он недвусмысленно отвергает любую защиту от капиталистической реставрации тех отношений собственности, созданных в Советском Союзе в ходе Октябрьской революции. Незадолго до своей смерти в 1940 г., Троцкий в открытом письме адресованном «Рабочим СССР» писал: «Революционеры обязаны защищать зубами и когтями всякую позицию рабочего класса, идет ли дело о демократических правах, о заработной плате или о таком гигантском завоевании всего человечества, как национализация средств производства и плановое хозяйство. Кто не умеет защищать старые завоевания, тот не способен бороться за новые.» (Бюллетень Четвертого Интернационала, № 3, сентябрь 1990 г., стр. 70, выделено нами). Слотер теперь занимает диаметрально противоположную позицию: «В политической работе в Советском Союзе сегодня... марксисты не могут начинать с предположения, что рабочий класс должен защищаться от реставрации капитализма...» (там же, стр. 17, выделено нами).

Попытка Слотера уничтожить ИКЧИ

Слотерское фронтальное нападение на программу троцкистского движения не удивляет Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала. Пять лет тому назад Слотер уже пытался уничтожить ИКЧИ организацией раскола.

Интернациональный Комитет был сформирован в 1953 году для защиты Четвертого Интернационала от ревизионизма Мишеля Пабло и Эрнеста Манделя. Они попытались подчинить программу Четвертого Интернационала нуждам сталинской бюрократии, а, затем, запросам всевозможных мелко-буржуазных националистов.

В 1963 году, Социалистическая Рабочая Партия в Соединенных Штатах, одна из учредительных секций Интернационального Комитета, откололась от Интернационального Комитета и воссоединилась с паблоистами. Это было началом «Объединенного Секретариата» под руководством Манделя. Британская секция, Социалистическая Трудовая Лига (Socialist Labour League), которая была позже переименована в Рабочую Революционную Партию, отказалась участвовать в этом воссоединении. Ее борьба в этот период спасла от ликвидации Интернациональный Комитет и, с ним, программу Четвертого Интернационала.

Но спустя 10 лет, РРП начала все больше присоединяться к установкам паблоизма, что в конечном итоге привело к ее полной политической дегенерации. РРП развила оппортунистические сношения с профсоюзными и лейбористскими бюрократами, с буржуазными режимами Ближнего Востока и со сталинской бюрократией в Москве. Из-за ее исторической роли, РРП продолжала пользоваться значительным уважением и политическим авторитетом внутри Интернационального Комитета, но она начала видеть в остальных секциях ИКЧИ лишь удобные финансовые ресурсы, которые могут быть использованы для ее собственных оппортунистических маневров.

Внутри секций появилась и начала расти оппозиция против оппортунизма РРП. В 1982 и, снова, в 1984 годах, Рабочая Лига представила основательную критику политики и теоретических методов РРП. Руководство РРП, под угрозой раскола попыталось подвести какое-либо обсуждение этих вопросов.

В октябре 1985 года, РРП, в которой Клифф Слотер, Джерри Хили и Майкл Банда тесно сотрудничали в течение 30 лет, раскололось из-за своей собственной внутренней гнили. Джерри Хили, самый старший руководитель РРП, был исключен из-за обвинения в грязном скандале, и вскоре объявил о своей поддержке Горбачева.

Клифф Слотер

Джерри Хили

Майкл Банда

В то время ИКЧИ опубликовал решение, объясняя, что в корне кризиса внутри РРП лежал «долгий дрейф руководства РРП в сторону от стратегической задачи построения мировой партии социалистической революции ко все более национальным мировоззрениям и практике». ИКЧИ призвала «всех руководителей и членов РРП, независимо от их закономерных разногласий о перспективах и программе, подчиниться дисциплине нашего международного движения и поддержать его авторитет», и он предупредил, что «Если это не произойдет, то существует немедленная опасность раскола, без выяснения вопросов принципа и программы. Такой раскол серьезно ослабит партию и создаст условия для провокаций против РРП и других секций ИКЧИ» (*Fourth International*, vol. 13, no. 2, p. 50).

Слотер и Бэнда проголосовали за эту резолюцию, но лишь из за фракционных побуждений, чтоб обеспечить себе большинство против Хили и его сторонников. Как только раскол с фракцией Хили состоялся, Слотер и Бэнда организовали серию провокаций, чтобы превратить выявление политических уроков из извращения РРП.

В феврале 1986 г., руководство РРП закончило свой политический откол от Интернационального Комитета. Политическая платформа этого раскола была начертана Бэндой: истеричная атака на всю историю Четвертого Интернационала, названная «27 причин немедленно погрести Четвертый Интернационал». (Документ Банды подвергнут критике и отвечен в книге Дэвида Норты «Наследие которое мы защищаем»). Слотер, с помощью полиции, предотвратил меньшинство РРП, стоящее за поддержку ИКЧИ, от участия в восьмом съезде партии. Элементы, на которых основывались Слотер и Бэнда, включали сталинистских провокаторов, открытых анти-троцкистов и обозленных мелких буржуа, которые сожалели, что они вообще в прошлом аступили в революционную партию. Огромное большинство из них вышло из РРП вскоре после раскола. Некоторые, как Бэнда, открыто объявили о своей поддержке сталинизма; другие пресмыкаясь вошли в различные ревизионистские организации; большинство вообще оставили политику и занялись собственными карьерами. Они соглашались лишь в одном: в неукротимой враждебности к ИКЧИ и к интернационалистским принципам, которые он воплощает. В недели после раскола, эта ненависть была накалена добела. В марте, РРП провела резолюцию, призывая к упразднению ИКЧИ и осуждая его традиции, как «антикоммунистические».

Но попытка Слотера уничтожить Интернациональный Комитет жалко провалилась. ИКЧИ вышел теоретически и организационно сильнее из этой борьбы против ликвидаторов РРП: он расширил свою работу в новых странах, включая и Советский Союз. Интернационалистское меньшинство РРП образовало Интернациональную Коммунистическую Партию (*International Communist Party*), британскую секцию ИКЧИ.

Единый фронт Слотера и паблоистов

После раскола, Слотер попытался создать интернациональный фронт с паблоистами и другими про-сталинистскими течениями против Интернационального Комитета. Сайрил Смит, близкий сотрудник Слотера, написал в *Workers Press*, газете РРП: «Я считаю, что термин 'ревизионист', когда то имевший научное значение для марксистов, теперь превратился попросту в бранное имя. Мы должны прекратить называть 'паблоистами' организации, связанные с Объединенным Секретариатом. Это может лишь осложнить дискуссию» (*Workers Press*, 13 сентября 1986 г.). В январе 1987 года, РРП согласилась соединиться с Аргентинским Движением за Социализм (*Movimiento Argentino por Socialismo*), ведомое старыми

паблоистом Нахуэлем Морено, который был тесно связан с аргентинскими сталинцами.

В то время, новый лидер сталинской бюрократии в Москве, Михаил Горбачев, был все еще очень популярен среди тех мелко-буржуазных слоев, на которые основывался Слотер в своем походе против ИКЧИ. Слотер мог надеяться, что про-сталинская ориентация предоставит ему надежную основу для операций против Интернационального Комитета. Пресса РРП опубликовала несколько статейных нападок на Интернациональный Комитет, потому что тот обвинил Горбачева в подготовке реставрации капитализма.

Но, произошло что-то, чего Слотер никак не ожидал. Сталинская бюрократия начала трескаться по швам; один за другим, восточноевропейские сталинские режимы свалились. В своей последней статье, Слотер признается: «Глубина кризиса сталинского режима поразила меня» (*The International*, December 1990, p. 24).

На устах Слотера, это звучит поразительным признанием. Он нечаянно проговаривается об основе собственного оппортунизма: о глубоком скептицизме по отношению к перспективам Четвертого Интернационала. Он признает, что он проморгал кризис сталинизма и не сделал заключений из событий в Польше, где сталинский режим крахнул под давлением трудовых масс. Как доказывают эти строки, Слотер уже давно отбросил концепцию Троцкого, что сталинская бюрократия является органом мировой буржуазии внутри рабочего государства, что законы истории в конечном итоге сильнее бюрократических аппаратов.

Борьба против такого глубокого скептицизма и за программу Интернационального Комитета лежала в корне раскола 1985-6 гг. Уже в 1982 году, Рабочая Лига, ссылаясь на кризис сталинизма, предупреждала РРП, что ее искажение марксистской теории и ее паблоистские настроения обезоруживают Интернациональный Комитет перед лицом таких развитий (читайте *Fourth International*, осень 1986г.). Признание Слотера, что глубина кризиса сталинских режимов удивила его, является запоздалым подтверждением этого предупреждения. Если бы Интернациональный Комитет не порвал с РРП, развития в Советском Союзе застали бы его, как и Слотера, в таком же состоянии раслабленности и деморализации.

Материальные корни скептицизма, обнаруженные Слотером, исходят из социальной роли широких слоев среднего класса, которые процветали в условиях относительного классового перемирия в послевоенный период, но которые теперь, по мере того, как послевоенные соглашения ломаются, находятся под тяжелым давлением. Многие из этих мелко-буржуазных слоев считались «социалистами» и «левыми» пока сталинские и социал-демократические аппараты держали рабочий класс в уздах и революционные схватки еще не мерещились. Крушение сталинских режимов в Восточной Европе и поворот западных социал-демократов вправо ввергают эти слои в состояние паники и глубокой деморализации; они провозглашают кончину рабочего движения и, в то же время, еще сильнее хватаются за гниющие бюрократические аппараты.

Это и были слои, восставшие против троцкистской программы внутри РРП в 1985-6 гг.: актеры, как Рэдгрэйв; журналисты, вроде Митчелла, Пирани и Спенсера; профессора, вроде Слотера, Пиллинга, Кэмпбелла и Смита; профсоюзные бюрократы вроде Гибсона и Тэмплэ, и, конечно, профессиональные партийные работники, вроде Брюса и братьев Бэнда. Слотер мобилизовал их против Интернационального Комитета. В его нынешних статьях о Советском Союзе, ясно и наиболее сконцентрированно выражаются скептицизм, осуждение и деморализация этих элементов.

Статьи Слотера пахнут деморализацией. Это касается не только их сути, но также формы и стиля его статей — нет ни одного грамматически правильного предложения; нет логично законченных идей; ни одно соображение не продумано. Слотер, — в прошлом, один из талантливейших марксистских писателей 60-х годов, — теперь обнажает полный распад своей способности к теоретическому мышлению. В введении он замечает: «Эта статья основана лишь на неполной информации и на представлениях, собранных во время трехнедельной поездки в Советский Союз, некоторые размышления об их возможных последствиях для реконструкции Четвертого Интернационала. Не более этого» (*The International*, December 1990, p. 17).

Кризис сталинизма дискредитировал все лаблористские уклады. Эрнест Мэндел до сих пор продолжает защищать Горбачева, даже когда буржуазные комментаторы более не сомневаются в про-капиталистических склонностях последнего. Для Слотера, этот кризис явился, мягко говоря, неприятным «удивлением», разрушившим его планы соорудить «массовое» центристское движение против троцкизма.

Слотер попытался объединиться с MAS в 1987 году, именно в то время, когда эта организация сама готовилась объединиться с аргентинскими сталинцами. Это и было бы типом союза с ревизионистами и сталинцами, который он намечал в Великобритании и по всему миру. Но исторический кризис сталинизма и его лаблористских апологетов — Слотер теперь признается в своей полной неудаче его предпринять — разбил все основы для такого движения. В случае с MAS, женитьба не удалась еще до начала медового месяца. В это время, Слотер потерял своего единственного коллаборатора в Австралии, Фила Сэндфорда и еще одно крыло РПП вокруг Билла Хантера, которых обоих привлекали правые программы MAS.

Слотер был вынужден разработать новую ориентацию. Он начал осторожно отдаляться организационно от Объединенного Секретариата. Так называемая программа «10 пунктов», ранее служившая основанием для соединения с MAS, была, соответственно «расширена» в феврале 1988 года. Внезапно, Слотер объявил о своей солидарности с преемственностью Интернационального Комитета, с которым он порвал лишь два года до того. Эта «расширенная» программа утверждает: «Преемственность Четвертого Интернационала была противоречивым процессом, но находится в центре борьбы за марксизм, за революционное руководство. Она состоит из борьбы за преемственность большевизма против сталинизма и против ликвидаторского ревизионизма, который передает это сталинистское давление в троцкистское движение. Поэтому, разрыв с лаблоризмом в 1952-3 гг., основание и борьба Интернационального Комитета были ключевыми; они сохраняли преемственность Четвертого Интернационала против ревизионизма...» (*Tasks of the Fourth International*, Autumn 1988, p. 3).

РПП продолжила свои поиски поддержки среди лаблористов. В октябре 1989 года она опубликовала «Открытое письмо членам всех секций Объединенного Секретариата», приглашая их сотрудничать с «Подготовительным комитетом для международной конференции для воссоздания Четвертого Интернационала», осиротевшим отпрыском короткой любви между РПП и MAS, который был теперь употреблен в роли ширмы для международных действий РПП.

«Рабочий Интернационал» — ширма для борьбы против Четвертого Интернационала

После опубликованных репортов о могучем отклике, который получила поездка представителя Интернационального Комитета в Советский Союз в ноябре 1989 года, РПП попыталась отойти от традиционных лаблористских организаций. В марте 1990 года, Джефф Пиллинг и Сайрил Смит — тот самый Смит, который всего четыре

года до того высказался против самого употребления слова «лаблорист» — написали, что лишь те, кто признает преемственность Интернационального Комитета могут вступить в слоторский «Подготовительный Комитет». Они бесстыдно заявили, «Подготовительный Комитет был сознательно основан на достижениях Интернационального Комитета, который, несмотря на серьезные ошибки, и даже преступления, в нашем мнении представляет эту борьбу за преемственность Четвертого Интернационала» (*Tasks of the Fourth International*, March 1990, p. 7).

14 и 15 апреля 1990 года в Будапеште, «Подготовительный Комитет» был помпезно переименован в «Рабочий Интернационал для воссоздания Четвертого Интернационала». Празднование этого события было инсценировано Слотером и Балажом Наги, старым приятелем 60-х годов, который остался на стороне французской *Organisation Communiste Internationaliste* в 1971 году и с тех пор одиноко проживал во Франции. Аудитория этого праздника состояла из пестрой группы мелко-буржуазных шарлатанов и открытых анти-коммунистов.

Учредительная конференция «Рабочего Интернационала» была тщательно разработана мошенничеством. Будапешт был выбран, чтоб подготовить выступление Слотера в Советский Союз. После провалившегося союза с MAS ему была срочно нужна новая интернациональная ширма. Наги ему ее предоставил. На своей старой родине он был еще знаком с дюжиной друзей, которых он разбудил от их долгого политического сна и представил, как венгерскую секцию «Рабочего Интернационала» под именем Революционной Социалистической Лиги.

Домашняя газета Слотера, *Workers Press* с энтузиазмом провозгласила: «Делегаты и отдельные лица из Венгрии, Чехословакии, Польши, Югославии, Греции, Испании, Италии, Франции, Великобритании, Ирландии, Соединенных Штатов, Аргентины, Австралии, Намибии и Южной Африки присутствовали на этой весьма удачной конференции» (*Workers Press*, 21 апреля 1990 г.). Но имена и политические удостоверения большинства этих «делегатов и отдельных лиц» до сих пор засекречены. Были названы лишь три организации: РПП Слотера, Революционная Социалистическая Лига Наги и Рабочая Революционная Партия Намибии. Неизвестно, или присутствующие вступили в «Рабочий Интернационал» или попросту участвовали в конференции, как наблюдатели. С тех пор никто о большинстве из них не слышал.

Но даже и та очень ограниченная информация, напечатанная в прессе Слотера объясняет, что любое лицо, несмотря на степень косности и его крайне-правых политических позиций, были приглашены участвовать в этом фарсе. *Workers Press* опубликовала интервью с мадам Сандорн Жабо, кто приняла участие в этой конференции, как «руководитель Венгерского Движения за Самоуправление». Цель ее организации, заявила мадам Сандорн, «уничтожить государственный аппарат, сталинской диктатуры» и восстановить такие имущественные отношения на землю, которые существовали «в 1947 году до коллективизации» — т. е., при режиме фашистского адмирала Хорти. Она сетовала, что все партии, за исключением правой партии Мелких Хозяев, отвергают эту программу (*Workers Press*, 21 апреля 1990 г.). Слотер никак не объяснил, зачем этой женщине нужно воссоздание Четвертого Интернационала.

Мы уже опубликовали исчерпывающее заявление о роли РПП Намибии («Provocation in Namibia: How Cliff Slaughter Built his 'Workers International'», *Bulletin*, June 29, 1990). Накануне выборов в Намибии, Слотер, и эта организация инсценировали грязную кампанию против буржуазно-националистической SWAPO. Слотер и РПП Намибии боролись не за политическую независимость рабочего класса

Намибии против буржуазного национализма SWAPO, а, чтоб очернить SWAPO на основе сильно преувеличенных обвинений во внутренней репрессии. В этой кампании они были очень тесно связаны с племенными организациями, которые используются южноафриканским режимом, как марионетки и которые пользовались фальшивками, которые им дал BOSS, южноафриканская служба безопасности. Эта кампания сыграла на руку самым реакционным элементам, которые используют и манипулируют внутренними конфликтами в националистском движении в своих собственных целях.

Последние статьи Слотера подтверждают, что этот „Рабочий Интернационал“ не более, как вывеска для провокаций против Интернационального Комитета. Его программа в Советском Союзе диаметрально противоположна традициям Интернационального Комитета. Он открыто стоит рядом с адвокатами капиталистической реставрации, вроде сторонников Ельцина в новом профсоюзе горняков, и описывает тех, кто борется за программу Четвертого Интернационала, как „сектантов“. „Эти сектанты — пишет Слотер — иногда зовущие себя троцкистами, которые осуждают такие настроения, как реакционные и ищут людей, которые говорят о защите ленинизма, имеют гораздо более шансов оказаться в одной кампании с апологетами и защитниками сталинизма“ (*The International*, December 1990, p. 17).

Если Слотер все же заявляет о своей защите преемственности Интернационального Комитета, то лишь потому что Горбачев и павлоисты настолько дискредитированы. Слотер может надеяться на какую то правдоподобную ширму для провокаций против Четвертого Интернационала лишь делая вид, что он выражает преемственность Интернационального Комитета. И в этом он отвечает на самые фундаментальные необходимости сталинской бюрократии, которая смертельно опасаясь, что сопротивление рабочего класса совпадет с программой Четвертого Интернационала, слешно нуждается в противовесе против Интернационального Комитета.

Последняя атака Слотера на программу Четвертого Интернационала подтверждает историческое значение раскола 1985-86 гг. Если бы Интернациональный Комитет капитализировал тогда перед Слотером, то троцкистское движение было бы уничтожено накануне величайших классовых схваток в истории. В то же время, эта атака подает удобный предлог для сведения счета. Марксизм — революционная теория рабочего класса — всегда особенно ярко выражается в борьбе против ревизионизма, являющегося острейшим выражением идеологического давления буржуазии на революционную партию. Борьба против ренегатов РРП обнажает политические проблемы и задачи, которые стоят сейчас перед международным рабочим классом и перед его сознательным авангардом, Интернациональным Комитетом Четвертого Интернационала.

Теоретическое извинение скептицизма

Слотер до сегодняшнего дня пытается убедить своих последователей, что он лично не ответствен за дегенерацию РРП в 70-е и начало 80-х годов. Он утверждает, что он действовал под давлением „режима Хили“, который он сравнивает с режимом Сталина. Даже оставляя в стороне тот факт, что у Хили не было ни ГПУ ни ГУлага, поведение Слотера не подает примера революционной отваги. Документы доказывают, что Слотер играл ведущую роль в извращении РРП и что на нем лежит основная ответственность за полный разрыв РРП с программой и перспективами Четвертого Интернационала. Он первым сформулировал теоретический скептицизм, который постепенно подрывал политическое сознание кадров РРП и обезоружил их перед лицом классового давления буржуазии.

В документе направленном против Французской ОСИ, Слотер написал в 1972 году, что революционные партии не строятся просто „внося программу троцкизма на сцену политических разрывов“. Есть, сказал он, что то „более глубокое, чем вопросы согласия о программе и линии“, а именно, „глубоко идущая и трудная борьба против идеалистического мышления“, „сознательная борьба за теорию, за отрицание всего прошлого опыта и теории движения в превращенные реалии классовой борьбы“ (*Trotskyism Versus Revisionism*, vol. 6, pp. 83 and 226).

Такое противопоставление программы к теории не имеет ничего общего с марксистской диалектикой, которая видит отрицание „как момент связи, как момент развития с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики“ (В. И. Ленин, „Философские тетради“, Москва, 1969 г., стр. 207). Слотер же, наоборот вводит отрицание, как „голое отрицание, зрящее отрицание, скептическое отрицание, колебание, сомнение...“ (там же), как оправдание своего сомнения во всех понятиях марксизма.

Основываясь на таком теоретическом скептицизме, в последующие годы РРП отвернулось от всех программных принципов, разработанных Четвертым Интернационалом со времени своего учреждения. Все, что основывалось на троцкой теории перманентной революции и противилось оппортунистическим связям РРП с буржуазными режимами на Ближнем Востоке, сразу же были осуждены, как враги диалектического материализма и обвинены в наклеивании „пропагандистских штампов“ на „живые реалии“. То же самое происходило и с теми, кто, основываясь на троцких работах о социал-демократии, противились коллаборации РРП с лейбористскими политиками и профсоюзными чиновниками. Вокруг вопросов программы и перспективы более не велась политическая борьба; вместо этого, философские категории были искажены так, чтоб оправдать самые грубые виды оппортунизма.

В документе, написанном в 1984 году для X Мирового съезда Интернационального Комитета, Слотер был еще откровенней. Он осудил всех, кто защищал программу Четвертого Интернационала, как слуг контр-революции. Это было направлено особенно против Рабочей Лиги в США, так как она критиковала оппортунизм РРП. Слотер писал: „В сегодняшних исторических условиях, граница между революционной партией, основанной на диалектическом материалистическом обучении с одной стороны, и с группами, формально защищающими троцкистскую программу, с другой стороны, это граница между подготовкой к революции и подготовкой к службе контр-революции“ (*Fourth International*, vol. 15, no. 1, p. iv).

Сегодня Слотер снова противопоставляет диалектику и программу, чтобы напасть на программные основы Четвертого Интернационала. Он пишет: „Хотя мы много раз повторяем что 'без революционной теории нет и революционного движения', и утверждаем, что революционная партия основывается на марксистской теории, мы должны всегда остерегаться брать марксистскую теорию за должное. Мы продолжаем действовать с раз и навсегда застывшими идеями о значении марксистских понятий, вместо того, чтобы критически переработать эти понятия, по мере того, как изменяется мир к которому они относятся или по мере того, как меняется наша практика изменения этого мира...“ (*The International*, December 1990, p. 24).

Для марксистов понятия являются не „застывшими“ в диалектическими, т. е. они должны уметь выражать движение и изменение; но это вовсе не значит, что они не имеют объективное, научное содержание, которое само по себе есть результат долгой эволюции. Серьезный ученый, делающий новое открытие, не выбрасывает все прошлые теоретические достижения в его области; наоборот, эти прошлые достижения являются структурой, в рамках

которой и анализируется его открытие. Но Слотер делает именно это. «Я был слишком быстр с шаблонными ответами на вопросы о диктатуре пролетариата, о перманентной революции, о революционной партии, об Октябрьской революции, о предательстве реформизма, и т. д., пишет он там же, стр. 24).

Но список «шаблонных ответов», которые Слотер ставит под сомнение, есть не более ни менее, чем вся программа марксизма.

До сих пор, «шаблонный ответ» Четвертого Интернационала на вопрос о диктатуре пролетариата был, что это есть государственная форма, найденная рабочим классом в течение его исторической борьбы против капитализма; пролетариат не может удовлетвориться захватом старого государственного аппарата, а должен уничтожить его и установить свои собственные органы рабочей власти.

«Шаблонный ответ» на вопрос о перманентной революции: что эта теория является единственным понятием, которое полностью опровергает сталинскую теорию «построения социализма в одной стране». Противоречия катастрофической политике сталинцев. Четвертый Интернационал всегда утверждал о революционной роли пролетариата в передовых, как и в отсталых странах, и подчеркивал международный характер социалистической революции.

Ответом на вопрос о революционной партии, было то, что большевизм, партия нового типа, явилась решающим оружием развития сознания рабочего класса и его освобождения от преобладания буржуазной идеологии; что сталинизм вырос не из большевизма, и из уничтожения большевизма от рук контр-революционной бюрократической касты; что бюрократический, полицейский централизм сталинцев имеет так же мало общего с демократическим централизмом, как непогрешимость Папы Римского с демократией первых христиан.

Позиция Четвертого Интернационала об Октябрьской революции — что она знаменует начало новой эпохи в историческом развитии человечества, и, поэтому, международный рабочий класс должен взять ее под защиту.

Точка зрения о предательстве реформизма — что реформизм, есть агенство империализма; что во время мира он пытается улучшить судьбу рабочих, но в то же время безусловно защищает систему наемного рабства, и, поэтому стоит на стороне его капиталистических хозяев против рабочего класса во время войны и кризиса.

Теперь, согласно Слотеру, все эти «шаблонные ответы» являются совершенно недостаточными в нынешней ситуации в Советском Союзе. «Что меня, после кратчайшего размышления, больше всего потрясло — пишет он — это моя неподготовленность, как марксист, ответить на вопросы, заданные в дискуссиях с рабочими, с интеллигентами, с молодежью, многие из которых были серьезно заняты политикой, а многие — нет».

Слотер не дает его новые ответы на эти вопросы (с одним исключением, к которому мы вернемся). Он просто отвергает старые. «Мои ответы показали — продолжает он — что я даже не дошел до сути того, что я много раз говорил, то есть, что сталинизм нанес огромное уничтожение классовому сознанию и развратил марксизм. Если это и в самом деле случилось, а это так, то ситуация, в результате, совсем иная. Она должна быть изучена и осмыслена прежде, чем мы сможем преодолеть ее» (там же, стр. 24).

Из такой перспективы можно сделать лишь один вывод — он был уже сделан многократно в слоях анти-коммунистической мелкой буржуазии, на которых основывается Слотер: «Марксизм уничтожен. Он потерял все теоретическое и практическое значение для теперешней ситуации в Советском Союзе, и не только там». Слотер разъясняет это: «Мы не можем попросту действовать, как будто есть какой то 'настоящий' марксизм, который мы всегда знали и как то сохранили,

и противопоставить его фальшивому сознанию, выросшему из лет сталинизма».

Слотер выступает как теоретик «отречения», которой за последние 10 лет распространилось среди широких масс бывшей радикальной мелкой буржуазии и реформистских и сталинистских бюрократов и, которое является основной причиной теперешнего парализа международного рабочего движения. Разрешение кризиса пролетарского руководства, которое стоит в центре программы Четвертого Интернационала, значит, в наше время, преодолеть это «отречение» через борьбу Интернационального Комитета Четвертого Интернационала.

Крушение сталинского режима в Советском Союзе, вовсе не опровержение, а резкое подтверждение марксизма. Несмотря на то, что она была написана свыше 50 лет назад, ни одна другая книга не предвидела этот крах так аккуратно и не анализировала его фундаментальные закономерности так глубоко, как троцкистская «Преданная революция». Причина этого — Троцкий основывался на именно тех понятиях марксизма, которые Слотер сегодня ставит под сомнение. Но без этих понятий, невозможно развить научное осмысление социальных изменений.

Человек может достигнуть поистине конкретное понимание лишь путем абстрагирования, то есть, с помощью научных концепций. То конкретное, которое немедленно чувствуется через чувственные восприятия, есть лишь отражение мгновенных, поверхностных форм феноменов, и исключает их суть, их историю и развитие. Для скептика, который отрицает любую возможность объективного познания, каждое изменение с которым он встречается означает, что он должен сомневаться во всем. Он может надеяться лишь на самые поверхностные впечатления.

В этом отношении, скептический импрессионизм, пропитывающий статьи Слотера о Советском Союзе ни в чем не отличается от импрессионизма Пабло, который в 1950-м году провозгласил, что программа Четвертого Интернационала устарела из за «новой мировой реалии». В лучшем случае, Слотер еще более вульгарен и субъективен. Пабло хотя бы оправдывал свои атаки на программу Четвертого Интернационала ссылками на такие исторические события, как основание деформированных рабочих государств в Восточной Европе и Холодную Войну; Слотер же, ссылается лишь на личные впечатления от трехнедельной поездки в Советский Союз: «Я пишу о том, как в Советском Союзе мне пришлось критиковать самого себя за мою лень и неподготовку в вопросах теории» — читаем мы в его статье. «Глубина кризиса сталинского режима меня ошеломила... Я был вынужден остановиться после нескольких дней, глубоко подумать, вернуться к работам Маркса, которые я уже давно читал и думал, что понял раз и навсегда. Передо мной встали политические вопросы в формах, которые были мне незнакомы и к которым я не был готов» (там же, стр. 24).

Иначе говоря: встретив несколько анти-коммунистов и преобладающее политическое замешательство в Советском Союзе, Слотер решил капитулировать и бесцеремонно оставил даже маску защиты троцкизма. Довольно бедное выступление для человека, который провозглашает свои намерения заново построить Четвертый Интернационал.

Заявление Слотера, что сталинизм «извратил марксизм» есть не больше, чем клевета на троцкистское движение, повторяющее очень широко распространенную в правых кругах советской интеллигенции мысль, что троцкизм является лишь иной формой сталинизма. Сталинизм может так же мало «извратить» марксизм, как штрейкбрехер может «извратить» забастовку; сталинизм лишь предаёт марксизм и преследует его представителей: кадры левой оппозиции и Четвертого Интернационала. Словесное мельтешение Слотера в

конечном итоге ведет к заключению, что выродился не только сталинизм, но и троцкистское движение, т. е. нынешние представители марксизма. Эта тема, красной нитью бежит сквозь все работы „Рабочего Интернационала“.

Единственный „новый ответ“, который Слотер пытается дать, это в вопросе о классовой сущности Советского Союза. Зная, что Троцкий детально обрабатывал эту проблему, Слотер двигается с опасением. Дело, де, не в том, что Троцкий неверно определил Советский Союз, как рабочее государство, но он, Слотер его не прочел достаточно внимательно: „Отвечая в прошлом на те многие нападки на троцкизм в этой области, мы [я говорю 'мы', конечно включая себя] слишком упростили аргумент и выводы Троцкого, и это опасно. Мы начинали с того, будто термин 'рабочее государство' [извращенное, конечно] применим к Советскому Союзу потому что средства производства национализированы и огосударствлены... Становится ясно, что мы [я снова говорю о себе] пропустили что то очень важное, когда мы — я теперь думаю, безответственно и опасно — сказали немногим больше, чем 'национализированные средства производства' в объяснение, почему Советский Союз является извращенным рабочим государством.“ (*The International*, December 1990, p. 25)

Это преднамеренная клевета на позицию Четвертого Интернационала и Слотер, который сам широко писал на этот вопрос, это хорошо знает. Мнение, что существование национализированных отношений собственности является решающим критерием рабочего государства взято из теоретического багажа паблистского ревизионизма, не из вооружения Троцкого и Интернационального Комитета; для нас решающим вопросом всегда стояло: как произошли эти отношения собственности.

Когда, в конце сороковых годов сталинская бюрократия начала осуществлять национализацию на территории Восточной Европы под ее оккупацией, большинство Четвертого Интернационала решительно отвергло мысль попросту назвать это государства „рабочими“. Эрнест Мэндел (который вскоре изменил свое мнение) сформулировал позицию Четвертого Интернационала в 1949 году таким образом:

„Мы немедленно оспорили это абсурдное обвинение. Мы сказали, что лишь национализация средств производства в результате пролетарской революции является критерием существования рабочего государства.“

„Лишь размышляя об экономических преобразованиях, произведенных Октябрьской революцией во всей их полноте, можно рассматривать такие формулы, как 'способ производства', производственные отношения и 'отношения собственности' в СССР, как три эквивалентные формулы выражающие существование пролетарской революции соответственно в экономической, социальной и юридической сферах. Но вовсе не следует, что любое национализированное имущество может быть идентифицировано с некапиталистическим способом производства и, поэтому, с революцией в производственном отношении. Такая концепция была бы 'экономической', т. е. серьезным феноменологическим отклонением от марксизма. Но она никогда не была понятием Троцкого или нынешнего большинства Четвертого Интернационала“ (David North, *The Heritage We Defend*, Detroit: Labor Publications, p. 172).

Ведущий член Социалистической Рабочей Партии, Моррис Штейн написал по этому же поводу: „Такое упрощенный подход, который не деле сводится к положению: национализация равняется рабочему государству, может лишь дезориентировать наше движение. Это карикатура марксизма“ (там же, стр. 177).

Лишь потом, Четвертый Интернационал охарактеризовал государственные формирования Восточной Европы, как „искаженные рабочие государства“. Делая это, он признал, что прогрессивные отношения собственности созданные Октябрьской революцией, были распространены в Восточную Европу и нуждаются в защите. Но, Четвертый Интернационал особо выделил слово „искаженные“, чтоб подчеркнуть, что эти государства не были созданы в пролетарской революции и, поэтому, нежизнеспособны. Лишь политическая революция, т. е. свержение правящей бюрократии рабочим классом при сохранении национализированной собственности, может превратить эти государства в начальную точку построения социалистического общества.

Простое уравнение „национализации“ с „рабочим государством“ — независимо от того, осуществлено ли оно бюрократическими мерами сверху или революционными мерами снизу — прямо ведет к паблистской концепции, что сталинская бюрократия, проведя национализацию в Восточной Европе, доказала свою возможность к само-реформе и опровергла троцкий анализ, что она совершенно контр-революционна. В этом и лежит теоретический корень паблистского скептицизма по отношению к программе и самому существованию Четвертого Интернационала.

Если Слотер теперь заявляет, что он сам „сказал немногим больше, чем 'национализированные средства производства' в объяснение, почему Советский Союз является извращенным рабочим государством“, то это открытое признание, что он уже давно скатился к позиции паблистов.

В начале 1960-х годов, Интернациональный Комитет был вынужден вновь бороться против мысли, что национализация, выполненная сверху равняется созданию рабочего государства. Сам Слотер, будучи ведущим членом Социалистической Трудовой Лиги (Британская секция называлась тогда Socialist Labour League), сыграл важную роль в этом диспуте. Американская Социалистическая Рабочая Партия — которая в 1953 году решительно отвергла паблистские теории о само-реформе бюрократии — теперь перешла к мнению, что на Кубе, в результате национализаций, проведенных режимом Кастро, было создано рабочее государство; СРП использовала эту теорию для оправдания своего воссоединения с паблистами, придерживающимися той же концепции о Кубе.

В мае 1962 года, Политический Комитет СРП заявил, что кубинская революция прошла через „качественное изменение из ее начальной национально-демократической фазы в ее пролетарско-социалистическую фазу... Решающее изменение произошло в августе-октябре 1960 года, когда национализация главных областей кубинской промышленности изменила основную социально-экономическую структуру страны“ (*Trotskyism Versus Revisionism*, vol. 3, p. 211).

Социалистическая Трудовая Лига (SLL) категорически отвергла эту линию. Она указала, что на Кубе нет никаких признаков независимых органов рабочей власти; она настаивала, что мелко-буржуазный режим Фиделя Кастро так же, как и сталинские бюрократии неспособны создать настоящее рабочее государство. Ответ СРП в июле 1962 года по адресу СРП заслуживает цитирования. Он демонстрирует, как далеко отошел Слотер от собственного марксистского прошлого. Основываясь на работах Троцкого в 30-е годы, СЛЛ не только отвергла критерий „национализации“ в определении рабочего государства, она опровергла весь „нормативный метод“, который пытается „определить“ исторические феномены на основе вырванных из контекста критериев.

„Троцкий настаивал — писала английская СЛЛ — что его обсуждение и определение СССР должны быть взяты в историческом

смысле и в отношении к всемирной борьбе между рабочим классом и буржуазией. На каждой ступени его одиннадцатилетней работы 'определения' СССР, Троцкий настаивал на всестороннем, критическом мировоззрении, не о простом 'нормативном' методе, применяющем определенные критерии. Метод американской СРП совершенно другой: взять некоторые 'критерии' из дискуссии об одной определенной манифестации революционной борьбы в одной части мира во время неповторимого этапа в развитии мировой революции. Они применяют этот же критерий к другой части мира двадцать лет спустя, к определенному сектору отдельного этапа борьбы. Итак, национализация и существование рабочей милиции оказываются достаточны, чтоб сделать Кубу 'рабочим государством' и превратить кубинскую революцию в социалистическую. Этот 'нормативный' метод является теоретическим прикрытием практики прострации перед нынешним неустойчивым и переходным этапом борьбы — победа мелко-буржуазных националистов — вместо того, чтобы начать с перспективы и задач рабочего класса" (там же, стр. 256).

А если Слотер все еще не понимает, почему Троцкий и Интернациональный Комитет называют Советский Союз 'рабочим государством', он может прочесть в той же самой резолюции: 'Троцкий и Четвертый Интернационал определили Россию рабочим государством потому что во время Октябрьской революции вооруженные рабочие, организованные в Советы, захватили государственную власть, которую они затем употребили для экспроприации капиталистов и для поражения контр-революции' (там же, стр. 255).

Лев Давидович Троцкий

42 Как мы видели, в своей последней статье Слотер заявляет, что неверно называть Советский Союз рабочим государством попросту потому, что средства производства национализированы. Это не

означает, что он порывает с 'нормативным методом' и возвращается к диалектическому, историческому методу Троцкого и Четвертого Интернационала. Совсем наоборот, он просто заменяет одну субъективную норму другой. Слотер пишет: 'Троцкий не говорит, что рабочее государство существует потому что средства производства национализированы. Троцкий ясно говорит, что для марксизма, классовая сущность государства решается на основе того, или государство обеспечивает хозяйственное развитие и культуру на национализированной основе' (The International, December 1990, p. 25).

Отдельно взятый, этот критерий так же неправилен и обманчив, как и критерий 'национализации'. Против тех своих оппонентов внутри партии, кто сомневался в классовой сути советского государства Троцкий и в самом деле повторно указывал на тот факт, что национализация средств производства, несмотря на удручающую роль правления бюрократии, сделала возможным огромный прогресс производства и, поэтому, должна быть защищена. Но, отдельно взятое, т. е. вырванное из исторического происхождения Советского Союза и его места в международной классовой борьбе, развитие застоя в производстве так же мало решает его классовую природу, как и вопрос о национализации.

Как бы, упреждая аргументы Слотера, Троцкий написал в 1937 году: 'Для упрощения вопроса мы можем, однако, допустить, что бюрократия уже ныне стала абсолютным тормозом экономического развития. Означает ли, однако, сам по себе этот факт, что классовая природа СССР изменилась, или же, что СССР лишился какой бы то ни было классовой природы? Здесь, мне кажется, главная ошибка наших товарищей.'

'Буржуазное общество развивало производительные силы до мировой войны. Только за последнюю четверть столетия буржуазия стала абсолютным тормозом развития. Значит ли это, однако, что буржуазное общество перестало быть буржуазным? Нет, это значит лишь, что оно стало загнивающим буржуазным обществом. В ряде стран сохранение буржуазной собственности оказалось возможным лишь посредством установления фашистского режима. Другими словами: буржуазия лишилась всех форм и способов непосредственного политического господства. Значит ли это, однако, что государство перестало быть буржуазным? Нет, поскольку фашизм ограждает своими варварскими методами частную собственность на средства производства, постольку государство и при фашизме остается буржуазным.'

'Мы вовсе не собираемся придавать нашей аналогии исчерпывающее значение. Но она все же показывает, что концентрация власти в руках бюрократии и даже задержка развития производительных сил сами по себе еще не меняют классовой природы общества и его государства. Изменить эту природу может только вмешательство революционного или контр-революционного насилия в отношении собственности.' (Бюллетень оппозиции, № 62-63, февраль 1938 г., стр. 16; Бюллетень Четвертого Интернационала, № 4, февраль 1991 г., стр. 99; последнее предложение подчеркнуто нами).

Судьба Советского Союза будет решена не теоретическими размышлениями, а борьбой живых классов. Именно потому, что он был порожден в социальной революции, он может быть уничтожен только контр-революцией.

Слотер отвергает интернационализм

А это будет решено не только классовой борьбой внутри Советского Союза, но, что еще важнее, международной классовой борьбой. Эта перспектива считалась самоочевидной при Ленине; за нее боролось троцкистское движение с тех пор, когда в 1924 г.

Сталин провозгласил свою теорию «построения социализма в одной стране».

Троцкий, так же как и Сталин, понимал, что в этом ключ всех разногласий. В 1926 году Сталин писал: «Разногласие тут состоит в том, что партия считает эти (внутренние) противоречия и возможные конфликты вполне преодолимыми на основе собственных сил нашей революции, тогда как тов. Троцкий и оппозиция считают, что эти противоречия и конфликты могут быть преодолены только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата» (Правда, № 262, 12.11.1926 г.). Цитируя эту фразу Сталина, Троцкий писал: «Да, разногласие состоит именно в этом. Лучше, точнее, нельзя выразить противоречие между национал-реформизмом и революционным интернационализмом» («Критика программы Коммунистического Интернационала», июнь 1928 г., раздел 1, глава 9, «Вопрос разрешим только на арене мировой революции»).

Сегодня, когда политика сталинской бюрократии привела Советский Союз к грани катастрофы, это остается ключевой точкой отправления для развития революционной ориентации в Советском пролетариате.

Но для Слотера, это вовсе не так. Он подходит к проблеме с чисто национальным критерием — «хозяйственное развитие и культура» в Советском Союзе. Это приводит его прямо в лагерь адвокатов «рынка» и «частной собственности», которые ссылаются на отставание Советского Союза от развитых в мировом хозяйстве, как доказательство превосходства капитализма и из «застоя в хозяйстве и культуре на национализированных основах» заключают, что эти национализированные устои должны быть упразднены. Мы уже видели ответ Слотера о том, стоит ли защищать имущественные отношения, созданные Октябрьской революцией. Он отвечает: «В политической работе в Советском Союзе сегодня ... марксисты не могут начинать с предположения, что рабочий класс должен защищаться от реставрации капитализма...» (выделено нами). Если к сегодняшнему кризису в Советском Союзе подходить с чисто национальной точки зрения, то нужно и в самом деле признать, что «защищать нечего».

Но Троцкий подошел к вопросу с совершенно другим, интернационалистическим подходом и пришел к противоположному выводу. Он смотрел на отношения собственности, рожденные в Октябре, как на завоевания международного рабочего класса, которые должны защищать. Он снова и снова повторял, что если СССР останется изолированным, то ни национализация, ни плановое хозяйство не смогут устранить противоречий мирового хозяйства и их эффекта на Советский Союз, что он неминуемо погибнет от них. Эти имущественные отношения приведут к длительному историческому прогрессу только, если они распространятся по всей планете через посредство мировой социалистической революции. Итак, защита завоеваний Октября неотделимо сливается с борьбой за мировую социалистическую революцию.

С этой точки зрения Троцкий писал: «Если пролетариат своевременно прогонит советскую бюрократию, то он застанет еще после своей победы национализированные средства производства и основные элементы планового хозяйства. Это значит, что ему не придется начинать сначала. Огромная выгода! Легкомысленно пренебрегать такой возможностью могут только радикальные щеголи, привыкшие беззаботно прыгать с ветки на ветку. Социалистическая революция — слишком грандиозная и трудная задача, чтоб можно было с легкой душой махнуть рукой на ее несомненные материальные достижения и начинать все сначала» (Бюллетень оппозиции, № 62-63, февраль 1938 г., стр. 18; Бюллетень Четвертого Интернационала, № 4, февраль 1991 г., стр. 103).

Слотер не поднимает даже вопрос о том, насколько застой и кризис в советского хозяйства связан с кризисом мировой

капиталистической экономики. Но в этом лежит ключ к пониманию вопроса. Крушение Советского Союза доказывает не «банкротство социализма», а практическое банкротство сталинской концепции «построения социализма в одной стране». Троцкий уже в 1924 году теоретически предвидел неминуемую катастрофу, выливающуюся из этой реакционной теории.

Сегодня, беспрецедентная интернационализация мирового хозяйства и глобализация производства по окончании Второй Мировой войны, сделали попытки сохранить национально изолированные экономические системы еще более безжизненными. Развитие советского хозяйства спешно требует его интеграцию в мировое. Существует лишь два способа провести такую интеграцию: капиталистический способ, через открытие Советского Союза перед международным капиталом, или социалистический способ, через расширение социалистической революции. Первый выход неминуемо ведет к превращению СССР в полу-колонию империализма. Это — дорога сталинской бюрократии. В Восточной Германии и в Польше, все те, кто надеялись найти выход из хозяйственного кризиса через реставрацию капитализма, уже видят, что единственная роль, предоставленная им капитализмом, это быть нищими Европы.

Государства Восточной Европы и Советского Союза стали первыми жертвами того же самого противоречия, которое толкает к войнам и глубокому экономическому кризису все передовые капиталистические страны: противоречие между современным мировым хозяйством и границами национальных государств. Крушение хозяйственного и политического равновесия, которое, с помощью Сталина, империализм, чтоб стабилизировать свое правление, создал после Второй Мировой войны, создает все материальные предпосылки для осуществления программы мировой социалистической революции. По всему миру, в каждой стране, рабочий класс сегодня стоит перед теми же самыми проблемами: массовая безработица, режимы строгой экономии, голод и варварские империалистические войны. Программа Четвертого Интернационала полностью оправдана. Судьба Советского Союза неразрывно связана с судьбой международного пролетариата.

Оппозиция сталинизму справа и слева

Слотер оправдывает свое нападение на программу Четвертого Интернационала утверждением, что сам рабочий класс антикоммунистичен: «Люди очень сильно настроены в том смысле, что коммунизм стоит поперек дороги к будущему для них и их детей». Поэтому, он утверждает, что единственная программа, которая может послужить основанием для борьбы против бюрократии, это программа капиталистической реставрации: «Люди не начинают с чего то подобного оппозиции реставрации капитализма. Они согласны с необходимостью рыночного хозяйства, как с единственным путем разбить государственно-бюрократические тиски и их катастрофические последствия» (The International, December 1990, p. 7).

Его статья вполне проясняет, что Слотер основывает эти заключения на чтении нескольких номеров «Московских Новостей» (которые он широко цитирует) и на разговорах с многочисленными мелко-буржуазными организациями, которые в настоящее время навязывают политическую жизнь Москвы. Он систематически смазывает различие между анти-коммунизмом мелкой буржуазии и анти-сталинизмом рабочего класса. Термин «рабочий класс» фактически не употреблен в его статье; Слотер предпочитает более нейтральные выражения, как «массы», «народ» или «простые люди».

Но такое различие имеет решающее значение. Мелкие буржуа ненавидят сталинизм потому что он не дает им стать владельцами и эксплуататорами; рабочий класс ненавидит сталинизм, потому что

последний дезорганизует производство, живет паразитически с национализированной собственностью и политически угнетает пролетариат. Хотя со стороны, оба отношения могут показаться похожими и оба могут выражаться в иллюзиях о „рынке“, этот термин означает что то, совсем несхожее для рабочего и для мелкого буржуа. Мелкий буржуа видит в „рынке“ возможность личного обогащения; рабочий смотрит на него, как на средство избежать саботажа производства со стороны всемогущей бюрократии и преодолеть постоянный недостаток потребительских товаров.

Мелкий буржуа, который вместе с большими секциями бюрократии, является социальной опорой программы Горбачева и Ельцина, пытается использовать замешательство рабочего класса в этом вопросе, чтоб повести его политически за собой. В этом и состоит цель популистской демагогии Ельцина, который сам является сталинцем по происхождению, контр-революционером по убеждениям, и стоит гораздо ближе к фашизму, чем к социализму. Весьма характерно, что все мелко-буржуазные партии в Москве, от ультра-правой Памяти до социал-демократов и Социалистической партии Кагарлицкого, так или иначе поддерживают Ельцина во имя „борьбы против бюрократии“.

Как случилось, что революционные восстания против бюрократии в Восточной Германии, Польше, Венгрии, Чехословакии, были отведены в тупиковое русло капиталистической реставрации, со всеми их нее вытекающими бедственными последствиями для рабочего класса? Это произошло лишь потому, что мелкая буржуазия ухитрилась политически встать над рабочим классом: в Восточной Германии, через Новый Форум, в Чехословакии, через Гражданский Форум, в Польше, через „экспертов“ и католическую церковь в руководстве Солидарности.

Основная задача Четвертого Интернационала в Советском Союзе сегодня заключается в политическом освобождении рабочего класса от разлагающего влияния мелкой буржуазии. Сопротивление Слотера направлено именно против этого. Именно поэтому он систематически смазывает различие между программой политической революции и программой капиталистической реставрации, между программой рабочего класса с одной стороны, и программой мелкой буржуазии и сталинской бюрократии, с другой.

Кроме того, утверждение Слотера, что советский рабочий класс в подавляющем большинстве поддерживает разгром национализированных отношений собственности, не выдерживает критического анализа. Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала получает многочисленные письма от советских рабочих, которые свидетельствуют, что существует глубокая оппозиция против политики „перестройки“. Это подтверждается и постоянными жалобами со стороны бюрократии о психологии „уравниловки“, и глубокой ненавистью в рабочем классе против личного обогащения — чувства, которые Слотер мог бы даже найти на страницах „Московских Новостей“ если бы он только прочел их критически.

Но даже если бы мы предположили, что десятилетия путаницы со стороны сталинской бюрократии привели к широко распространенному непониманию сущности рынка и частной собственности в рядах рабочего класса, то и это не может оправдать какое либо приспособление к таким настроениям. Наоборот, это означает, что борьба против таких настроений является еще более неотложной.

Для Четвертого Интернационала, точкой отправления является не настроение масс, а объективное положение. Кризис мирового хозяйства ведет к обострению классовых противоречий в каждой стране мира. В Советском Союзе, он быстро обнажит непримиримые, с одной стороны, интересы бюрократии и тех секций мелкой

буржуазии, которые стоят за реставрацию капитализма, и, с другой стороны, рабочего класса, который защищает свои социальные достижения от бюрократии. Это породит условия для привлечения миллионов рабочих к программе Четвертого Интернационала, к знамени мировой социалистической революции — если только Четвертый Интернационал не капитулирует накануне этой борьбы и не сложит своего знамени.

Нынешняя мировая ситуация во многом сравнима с положением в 1914 году. И тогда, 40-летний период относительной стабильности внезапно окончился. Развязка Первой Мировой войны ошеломила и запутала рабочий класс. Социал-демократия предала свою собственную программу и поддержала империалистическую войну. Большая часть рабочего класса была захвачена влиянием шовинизма, который был систематически внушаем мелкой буржуазией. Огромное число рабочих, с криками „ура!“ пошли на войну. Но будущее рабочего класса зависело не от миллионов, которые капитулировали перед этими настроениями, а от одиночек, кто боролся против них — Ленин и Троцкий, Роза Люксембург и Карл Либкнехт.

Поддержка Ельцина и Горбачева

Во время своей поездки в Советский Союз, Слотер в роли наблюдателя участвовал в съезде горняков в Донецке. Эта конференция решила создать новый профсоюз горняков, независимый от старой сталинской организации. Слотер приветствует это решение, как „победу“, которая была „достигнута после драматической пятидневной борьбы на самом съезде“, и пишет: „Шахтеры являются первой секцией советских рабочих, которые создали свой собственный независимый профсоюз, независимый от государства и бюрократии“ (*Workers Press*, 3 ноября 1990 г.).

Но на деле, этот профсоюз независим лишь формально. Политически, он находится под влиянием сил, которые разделяют мировоззрение самых правых секций бюрократии и открыто поддерживают реставрацию капитализма. Это всплыло наверх в резолюции, за которую проголосовал предшествующий съезд в июле, которая была вдохновлена про-капиталистическими элементами вокруг Бориса Ельцина и которая формулирует официальную позицию нового профсоюза. Журнал Слотера, *The International*, напечатал ее без какого либо возражения под заголовком „Советские рабочие против бюрократии“. Эта резолюция отождествляет „монополию государственной собственности и отсутствие рынка и конкуренции“, как корень хозяйственных проблем в Советском Союзе и призывает к правительству, которое упразднит „монополию государственной собственности“ и осуществит „настоящую трансформацию рынка и демократии“. Она заявляет о своем согласии, „что создание эффективного хозяйства привлечет к закрытию и преобразованию многих производственных предприятий“. Она лишь требует, чтобы „такая трансформация не стала слишком болезненной для большинства народа“. Она поддерживает „превращение национализированных средств производства ... в коллективное, акционерное или частное имущество“.

Осуществление этих требований приведет к сокрушительным социальным последствиям. В Польше, Восточной Германии и Венгрии, где была выполнена подобная программа, миллионы рабочих остались теперь без места, дальнейшие миллионы зарабатывают недостаточно, чтоб свести концы с концами. Профсоюз, который стоит за такую программу вовсе не „независим“, он неминуемо превращается в орудие государства и растущей буржуазии против рабочих — как ясно показывает пример Солидарности и Леха Валенсы в Польше.

Слотерская поддержка реставрации капитализма неминуемо ведет к его защите Горбачева от критики Интернационального Комитета

Четвертого Интернационала. Он описывает Горбачева не как ведущую фигуру за капиталистической реставрацией, а как честного реформиста, который попросту не умеет заглядывать вперед. «Вряд ли стоит рассматривать мнение, основанное на предубеждениях, к которым приделаны подобранные 'факты', — пишет Слотер, — что пять лет назад Горбачев начал руководить советской бюрократией, чтобы восстановить капитализм в СССР». Скорее, Горбачев попросту реагировал на давление «народа» и старался «улучшить» систему с немного большей демократией, «гласностью»... Горбачев начал с прагматично-бюрократической идеи сверху реформировать и устранить самые грубые бюрократические злоупотребления, восстановить какое-то подобие веры в советскую систему среди народа...» (там же, стр. 21).

Согласно Слотеру, настоящая движущая сила за капиталистической реставрацией это не Горбачев и бюрократия, а «народ»: «Многие люди — боятся, что диктатура пролетариата, это только диктатура против них со стороны бюрократической тирании, которая претендует на представление интересов промышленного пролетариата, находящегося в меньшинстве. Горбачев конечно понял, что это является настоящим отношением людей, так как они это понимают, к 'социализму', к 'диктатуре пролетариата', к 'партии'. Он понял, что его багаж идей и методов умер, как идеологическая основа правления; что эти идеи могут даже привести к революции против бюрократии» (там же, стр. 21).

В той мере, что Слотер признает опасность капиталистической реставрации, он приписывает ее абстрактному историческому процессу, который очевидно развивается совершенно независимо от воли и действий индивидов. «Но опасность реставрации объективно вырастает из продолжающегося правления бюрократии, из задержки мировой революции, которая и обусловила ее подъем и в свою очередь была продолжена и углублена из-за политики бюрократии» (там же, стр. 21). Этот вид объективизма является подручным аргументом каждого оппортуниста, обеляющего предателей рабочего класса. Конечно, история зависит от объективных законов; но эти законы торжествуют через классовую борьбу, а в этой борьбе именно отдельные протагонисты выражают определенные интересы. Опасность капиталистической реставрации, объективно вырастая из задержки мировой революции, сегодня конкретно олицетворена Горбачевым и его перестройкой.

«Ретрогессионистская» теория Слотера

Вся линия аргументов Слотера, по хорошо протоптанной тропе ведет к обычному, среди деморализованных мелких буржуа заключению, направленному против партии марксистского авангарда: не бюрократия ответственна за кризис рабочего движения; нет, сам пролетариат извратился, он вовсе уже не отличается от бюрократии и почти даже не существует.

54 года после публикации троцковой «Преданной революции», которая призвала к свержению бюрократии, отчаявшийся Слотер пишет: «Бюрократия не была выметена рабочим классом, она показывает все признаки внутренней гнили и распада». Это уже дошло до степени, где «само сознание рабочего класса два поколения позже попало под влияние 'ликвидации', которая уже расширялась в 1936 году» (там же, стр. 17).

Извращение бюрократии, утверждает дальше Слотер, охватило все общество — т. е. включая рабочий класс: «Мелочная зависть все более преобладает в человеческих отношениях. С каждым днем растет роль натурального обмена, как между предприятиями, так и среди населения. Родители пытаются обеспечить свои семьи за счет своих

соседей — привычки и мышление бюрократии в этом смысле распространяется во всем населении» (там же, стр. 22).

Основанное на такой циничной оценке, заключение Слотера ясно: советский рабочий класс ликвидирован, как класс и «должен вновь воссоздать себя, как класс, в смысле своей организации и сознания» (там же, стр. 23). Кроме того, завоевания Октября более не существуют. «Массы трудящихся ни в коем случае не думают о капитализме, как о чем-то, что они оставили позади» — пишет он. «С точки зрения вещей, к которым они стремятся — удовлетворительный образ жизни, свобода — они чувствуют себя далеко отставшими от капитализма» (там же, стр. 17).

Заявление Слотера, что «ликвидировано сознание самого рабочего класса» не больше, чем второразрядная имитация теорий, которые открыли поворот направо больших секций ранее «социалистических» мелких буржуа в конце 70-х годов; теорий, нашедших свое законченное выражение в книге Андре Гораэ, «До свидания, рабочий класс». Оно выражает глубокий скептицизм значительного слоя мелко-буржуазных интеллигентов, которые потеряли все уверенность, что рабочий класс когда-либо сумеет осуществить удачную социалистическую революцию, которые видят причину его поражений не в предательстве руководства, а в социальной сущности самого пролетариата.

История марксистского движения позорно свидетельствует о появлении тенденций, которые ссылаются на якобы реакционный ход истории, чтобы оправдать собственное отречение от программы социалистической революции. Как правило, они сами двигаются прямо в лагерь классового врага.

Самыми откровенными были «ретрогессионисты», группа немецких троцкистов в ссылке, которые выдвинули теорию в 1942–44 гг., что фашизм является не продуктом гниющего капитализма, который на мировом масштабе созрел для социалистической революции, а выражением новой, всеобщей социальной системы в ретрогессионном (т. е. идущем вспять) историческом процессе. Фашизм для них означал, что в обозримом будущем рабочий класс не сможет провести победоносную социалистическую революцию. «Социализм, — писали они, — засосан в прошлое. Пролетариат, снова, как и в прошлом, превратился в бесформенную массу; характеристика его роста и формирования потеряна» (*The Heritage We Defend*, p. 103).

Ясно заметна перекличка между тезисами Слотера и ретрогессионистов. Оба начинают с мысли, что исторический процесс на десятилетия, если не на века, отброшен вспять, что человечество вновь стоит перед старыми историческими задачами: установление буржуазной демократии и — в отношении Слотера — основание профессиональных союзов.

Ретрогессионисты пришли к выводу, что в течение долгого времени рабочий класс не сможет бороться за социалистическую программу и должен будет ограничиться демократическими требованиями, следуя за буржуазией. Эта перспектива объективно помогла буржуазии, опасавшейся революционного наступления пролетариата по окончании Второй Мировой войны. Буржуазия, с помощью ее сталинских и социал-демократических агентов, попыталась усмирить это наступление, распространяя демократические иллюзии.

Слотер заключил, что это неправильное сектанство бороться за программу Четвертого Интернационала в Советском Союзе, защищать отношения собственности, завоеванные во время Октябрьской революции путем свержения сталинской бюрократии. Эта перспектива совпадает с глубочайшими потребностями самой сталинской бюрократии, которая в своей смертельной агонии более всего опасается, что движение советского рабочего класса сольется с программой Четвертого Интернационала.

Слотер время от времени говорит о „развале бюрократического государственного аппарата“ от рух рабочего класса и о восстановлении „рабочей демократии в управлении хозяйством и государством.“ Но это остается пустой фразой доколе он не объяснит, на каких имущественных отношениях будет покоиться эта „рабочая демократия.“ Пока это не объяснено, даже лейбористское правительство Великобритании или режим Леха Валенсы в Польше можно называть „рабочим правительством.“

Центристская ловушка для рабочего класса

„Ретрогрессионистская“ теория Слотера была переведена на язык практической политики, когда „Рабочий Интернационал“ 14 апреля собрал „Международную Конференцию Членов Профсоюзов“ в Лондоне.

Если, как утверждает Слотер, рабочий класс отброшен так далеко назад, то ничего не остается, кроме того как начать с самого начала: с организации профсоюзов, самой элементарной формы организации рабочего класса. Из этой упадочной концепции, что рабочий класс должен „воссоздать себя, как класс, в смысле своей организации и сознания“, сторонники Слотера как видимо пришли к практическому выводу, что рабочий класс должен возвратиться к задачам, которые он решил в XIX веке. Согласно основной резолюции, задача этой конференции состоит в „возвращении к истинно рабочему профсоюзному движению, полностью независимому от предпринимателей и их государства“ (*Workers Press*, March 14, 1991).

Резолюция конференции и предшествующая ей дискуссия не ставят и не отвечают на очевидный вопрос о причинах нынешнего, всемирного кризиса профсоюзов. Слотер напоминает знахаря, который обещает излечить больного, но не знает ни сути, ни причину болезни. Если мы взглянем на причины болезни, то мы быстро поймем, что лекарство Слотера убьет больного.

Причина кризиса профсоюзов в банкротстве националистических программ их нынешних руководителей.

Углубление борьбы между сильнейшими империалистическими державами за контроль над мировым рынком вынуждает профсоюзы, доколе они остаются национальными единицами, связывать свои интересы все теснее с интересами „своей собственной“ буржуазии. В условиях, когда даже небольшое замедление роста производительности означает обанкрочивание целых отраслей промышленности, профсоюзная бюрократия рассматривает, как свою основную задачу, совместные с предпринимателями попытки повысить производительность, чтобы защитить позиции хозяев на мировом рынке. Это ведет к растущей трансформации профсоюзов в корпоративские учреждения предпринимателей и государства. Они не только не в силах защитить реформы, завоеванные в прошлых битвах, но сегодня открыто выступают, как жандармы капитала, чтоб осуществить отмену профсоюзных прав и поддержать империалистические войны.

Это превращение имеет место во всех странах, независимо от политической ориентации профсоюзных лидеров. Это ясно видно на примере американской АФЛ-КПП, которая политически поддерживает капиталистическую Демократическую партию, а на международной арене действует, как основное орудие ЦРУ; это видно на примере профсоюзов под руководством социал-демократов в Великобритании и Германии, и в случае с сталинистскими организациями во Франции и Италии. В Восточной Европе, новые „независимые“ профсоюзы соревнуются со старыми сталинистскими организациями о том, какая из них может наиболее эффективно и окончательно подчинить рабочий класс нуждам международного капитала.

Говорить в этих условиях о „возвращении к истинно рабочему профсоюзному движению“, не только совершенная фантазия, но и полностью реакционная блажь. Такая перспектива может послужить лишь ширмой для предательской политики лидеров профсоюзов и ведет рабочий класс к безнадёжному и глухой тупик. Каждый профсоюз, независимо от того, насколько он формально „независим“ и „демократичен“, должен неминуемо превратиться в агента буржуазии, если он остается на чисто профсоюзных, то есть, реформистских основах.

У рабочего класса нет пути к какому то „истинно рабочему профсоюзному движению“; единственная дорога вперед лежит через новую интернационалистическую политическую программу. Профсоюзы лишь в такой степени могут быть независимыми от предпринимателей и государства, в какой они принимают программу Четвертого Интернационала. Построение секций Четвертого Интернационала является предпосылкой для преодоления кризиса в профсоюзах.

Но именно это и было неадекватно отклонено этой Конференцией. Резолюция Конференции ни разу не упоминает Четвертый Интернационал и его политическую программу! Слотер разослал приглашения участвовать в конференции представителям политических течений, которые отвергают программу Четвертого Интернационала.

Во время конференции, несколько поправок к резолюции, направленных на придание ей социалистической окраски, были забаллотированы по инициативе делегатов РРП. Например, они запротестовали поправке добавить к требованию „рабочего контроля“ следующее предложение: „Единственный путь добиться этого лежит через пролетарскую революцию, установление революционной диктатуры пролетариата в каждой стране, как первый шаг к построению нового социалистического строя.“

Конечная резолюция, принятая конференцией в основном состоит из трех призывов, которые вырваны из контекста работ Троцкого и полностью отделены от программы Четвертого Интернационала; в таком виде они представляют лишь центристскую ловушку для рабочего класса.

Первый лозунг: „полная независимость профсоюзов от предпринимателей и от государства и правительства.“

Троцкий выдвинул этот лозунг в статье „Профсоюзы в эпоху империалистического гниения.“ Но он никогда не имел ни малейшей иллюзии, что такая независимость может быть достигнута вне роста влияния Четвертого Интернационала в профсоюзах. Он писал:

„Профсоюзы, в нашу эпоху, не могут быть простыми органами демократии, какими они были в эпоху свободного капитализма, и они не могут продолжать оставаться политически нейтральными, то есть, ограничиться заботой о каждодневных потребностях рабочего класса. Они не могут быть анархистскими, т. е. игнорировать решающее влияние государства на жизнь народов и классов. Они не могут быть реформистскими, потому что объективные условия не оставляют места для каких либо серьезных и долговременных реформ. Профсоюзы нашего времени должны либо служить второстепенными орудиями империалистического капитализма для подчинения и дисциплинирования рабочих, быть преградой революции, или, наоборот, профсоюзы должны превратиться в органы революционного движения пролетариата.“ [Манускрипт найден на письменном столе Троцкого после его убийства. Переведен из „*Marxism and the Trade Unions*“, Labor Publications, p. 12)

Требование независимости профсоюзов от капиталистического государства является тактическим лозунгом для работы троцкистов внутри профсоюзов, не заменителем революционной программы. Но

слотерский „Рабочий Интернационал“ превращает этот лозунг в независимую программу, так лишая его какого либо прогрессивного содержания. Нужно лишь рассмотреть эту уловку в свете недавнего опыта рабочего класса в Восточной Европе, чтоб увидеть ее совершенно реакционную суть.

В Советском Союзе и в Восточной Европе, фактически все партии — от сталинцев до самых правых про-капиталистических группировок — встали за „независимые“ профсоюзы. (Например, в Венгрии, профсоюз „Солидаритас“ — в котором активны сторонники „Рабочего Интернационала“ — был учрежден крайне правой партией FIDESZ.) Но до тех пор, пока эти союзы не защитят социальные завоевания Октябрьской революции — национализированные отношения собственности и плановое хозяйство — их формальная независимость от сталинского госаппарата есть не более, как маска. Они служат роль агентур международного капитала; в конечном итоге это является также функцией самой сталинистской бюрократии.

В резолюции Конференции Членов Профсоюзов не видно ни малейшего намека на защиту национализированной собственности в Советском Союзе и Восточной Европы. Даже традиционное именование Четвертым Интернационалом этих государств, как „извращенных“ или „изуродованных“ рабочих государств, опущено. Вместо этого резолюция говорит о „бюрократической системе Восточной Европы и СССР — которая была фальшиво названа „социалистической.“ Эта формулировка имеет определенное политическое значение: она стирает различие между левой и правой оппозицией к сталинизму; она является открытым приглашением ко всем антикоммунистам, стоящим за реставрацию капитализма.

Попытка участника конференции поправить эту резолюцию была отвергнута по настоянию РРП. Следующая поправка была отклонена: „В Советском Союзе мы боремся за рабочий контроль и управление всеми предприятиями. Это означает доступ ко всем расчетным книгам и планам, ко всей информации, необходимой для управления предприятием, также как и к государственному бюджету. За защиту собственности рабочих и крестьян от приватизации под владением бюрократов, от частных капиталистов и от империалистических монополий! За социальную собственность всех средств производства и демократический план, начертанный съездом рабочих делегатов.“ Даже члены реакционных ревизионистских групп, как „Рабочая Сила“ и „Спартаксисты“, были под атакой РРП справа по этому вопросу.

Международная буржуазия давно признает полезность таких „независимых“ профсоюзов, какие предлагает Слотер. Сама по себе, государственная власть не в силах навязать сокрушительные последствия восстановления капитализма на рабочий класс. Такие „профсоюзы“ необходимы, чтоб подорвать изнутри сопротивление рабочих. Поэтому, буржуазия оказывает им посильную финансовую и организационную поддержку. Это — горький урок Польши, где сегодня руководство Солидарности осуществляет нападения на рабочий класс, которые при режиме сталинцев неминуемо привели бы к восстанию. В 1980 году, когда в течение нескольких месяцев, на основе сопротивления сталинизму, Солидарность мобилизовала под своими знаменами 10 миллионов рабочих, она являлась величайшим „независимым от государства“ профсоюзом в мире. Но полное отсутствие революционной, социалистической программы в течение десяти лет превратили ее в орудие международного капитала. Выставляя тактическое требование „независимости профсоюзов“, как самостоятельную программу, является, после опыта Польши, преступной подготовкой дальнейших поражений рабочего класса.

Второй лозунг резолюции конференции гласит: „восстановление рабочей демократии в наших профсоюзах.“

Как и в случае с „независимостью профсоюзов“, этот лозунг может быть осуществлен лишь в рамках революционной программы. Внутренний режим организации — партии или профсоюзов — всегда определяется ее политической программой. Профсоюз, который стоит за введение капиталистической эксплуатации и социального неравенства, не может ужиться со внутренним демократическим режимом.

А третий лозунг конференции: „Восстановление международной солидарности рабочего класса.“

Но и это есть не более, чем платоническая фраза, приемлемая любому профсоюзному бюрократу, если она не связана с международной революционной стратегией рабочего класса. Но, как мы продемонстрировали, „Рабочий Интернационал“ отвергает именно эту стратегию.

Слотер и „Рабочий Интернационал“ шиворот навыворот оборачивают отношение между построением Четвертого Интернационала и борьбой за независимость профсоюзов. Они утверждают, что борьба внутри профсоюзов является предпосылкой и основой для построения Четвертого Интернационала. В своем призыве к Конференции Профсоюзов, они объясняют, что просто сказать что „центральный фактор в ситуации это Четвертый Интернационал, значит оставить все на уровне абстрактного обобщения.... На самом деле, в настоящее время даже самые классово сознательные рабочие не имеют начальной точки для независимой рабочей политики, для профсоюзной демократии, для настоящего пролетарского интернационализма.“ Поэтому, „необходимо начать реконструкцию Четвертого Интернационала через посредство восстановления самого рабочего движения“ (The International, December 1990, p. 2, выделено нами).

Эта позиция отвергает все, что либо сказанное и написанное марксистским движением о связи между революционной партией и профсоюзами, между политической и экономической борьбой, социалистическим и буржуазным сознанием — от полемики Розы Люксембург против Бернштейна и работ Ленина об экономистах до всего, что писал сам Слотер в 60-е года против хвостизма и оппортунистических склонностей. В апреле 1971 года, в брошюре „Кто такие Интернациональные Социалисты?“, Слотер писал о ревизионистской группе вокруг Тони Клиффа:

„Годами, ее члены сопротивлялись борьбе троцкизма за построение революционной партии рабочего класса. Вместо этого, они утверждали, что марксисты [читатель, заметьте, что они считают себя марксистами] должны ожидать пока революционная стратегия, тактика и организация выйдет из ежедневной борьбы рабочего класса.“

„Если вы строите партию, вы виноваты в 'подменении', то есть, в том, что ставите самого себя на место исторической миссии класса.“

„Эта 'теория', противопоставленная ленинской идее о революционной партии, есть лишь 'теоретическая' поволока на их постоянным услугам реформистской бюрократии — руководству лейбористов — которые держат рабочий класс под пятой капитализма.“

„Она всегда, в конечном итоге, обвиняет рабочий класс за то, что капитализм выжил, за то что случились поражения.“

„Иначе говоря, они помогают реформистам ограничить рабочий класс лишь его опытом в условиях жизни в капиталистическом национальном государстве.“

„Они не основывают свою программу и не работают в британском рабочем движении для мировой революционной роли пролетариата.“

Это означало бы нечет с троцкистской программы "Смертельная агония капитализма и задачи Четвертого Интернационала."

"Они отвергают эту программу, как устаревшую; это то же, что сказать, что и вовсе не было основания учредить Четвертый Интернационал."

"Они вовсе не интернационалистические социалисты, а специальный — анти-троцкистский — отряд британских реформистов" (стр. 2).

Сегодня, каждое слово может быть направлено против самого Слотера; это — мерка того, как далеко направо он отошел за последние 20 лет — особенно с того времени, как он порвал с Интернациональным Комитетом пять лет назад.

Мысль, что построение Четвертого Интернационала происходит путем построения профсоюзов, выросла именно из классического оппортунизма. Наскаозы националистичная, безмятежная в своем незнании истории международного рабочего движения, РПП смотрит на мировые проблемы сквозь "английские очки," как однажды метко выразилась Роза Люксембург в статье против Бернштейна, который пытался подобным же образом описать профсоюзы, как пример для социалистического движения.

В 1899 году Роза Люксембург писала: "Когда пишут о великой будущей роли профсоюзов в рабочем движении, то, конечно, указывают на английские профсоюзы, как на пример 'экономической силы,' которую можно достичь, как яркий пример того, к чему должны стремиться немецкие рабочие. Но, если в истории рабочего движения есть одна глава, способная развеять веру в социализирующий эффект и во всеобщий подъем профсоюзов в будущем, то это именно история английского тред-юнионизма. Бернштейн построил свою теорию на английских условиях, он видит весь мир сквозь английские очки." Это уже стало партийной притчей" (Rosa Luxemburg, *Collected Works*, vol. 1, pp. 471-2).

Люксембург демонстрирует, что с точки зрения борьбы за социальные реформы, период величайшего подъема британских профсоюзов совпадал с золотым веком английской промышленности, с ее беспорным правлением над всем мировым рынком. Именно это правление позволило профсоюзам достигнуть их цели на чисто буржуазном основании, путем классовой коллаборации. Подъем английских профсоюзов совпадал с закатом социалистического движения, которое достигло свой первый пик во время чартистского движения 1840-х годов.

Выводы Розы Люксембург, хотя и написанные более 90 лет назад, звучат как свежее осуждение слотерской "Конференции тред-юнионистов." Во первых, мысль о немедленной важности профсоюзов для социализма кажется вполне незерной. Именно английское профсоюзное движение, которое упоминается в этой связи, обязано за свои успехи больше всего именно своему чисто буржуазному характеру, своему сопротивлению против социалистического утопизма...

Именно английский тред-юнионизм, классическим представителем которого является сытый, корректный, предубежденный, ограниченный рабочий-джентльмен с его буржуазными мыслями и чувствами, доказывает, что само по себе, профсоюзное движение вовсе не есть что-то социалистическое. На самом деле, в определенных условиях оно может стать преградой на пути распространения социалистического сознания, так же как, напротив, социалистическое сознание может, в определенных условиях стоять на пути чисто профсоюзных успехов" (там же, стр. 1, выделено нами).

Люксембург категорически объясняет, что профсоюзы могут играть прогрессивную роль в освобождении пролетариата, лишь когда они "заранее подчинены социалистическому движению."

Социалистическое сознание вырабатывается в борьбе против и за счет профсоюзного сознания. Оно не появляется спонтанно из профсоюзной борьбы, как утверждает "Рабочий Интернационал": "Необходимо, чтобы передовые рабочие прошли вместе с нами через ту же борьбу в профсоюзах" (*The International*, December 1990, p.2).

Ленин детально разработал эту же идею в своей полемической работе "Что делать?", направленной против экономизма, русского варианта бернштейнизма.

Он пишет: "...она [ошибка Мартынова, ред.] рельефно выражает основную ошибку всех 'экономистов', именно убеждение, что можно развить классовое политическое сознание рабочих изнутри, так сказать, их экономической борьбы, т. е. исходя только (или хотя бы главным образом) из этой борьбы, базируясь только (или хотя бы главным образом) на этой борьбе. Такой взгляд в корне ошибочен..."

"Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему только извне, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам." ("Что делать?", Полное собр. соч., Москва, 5-е изд., том 6, стр. 79)

"Рабочий Интернационал" типично по Бернштейну ставит с ног на голову отношение социалистической партии к профсоюзам: "К чему сводятся 'английские очки' Бернштейна, — спрашивает Роза Люксембург. "Они являются вогнутым зеркалом его способа мышления, в котором все феномены вывернуты наизуворот. То что он считает сильнейшим способом социалистической борьбы на деле оказалось реальной преградой социализму; то что он считает будущим германской социал-демократии есть лишь исчезающее и проходящее прошлое английского движения в его эволюции к социал-демократии" (Rosa Luxemburg, *Collected Works*, vol. 1, p. 2).

Значение раскола с Рабочей Революционной Партией

Открытая атака Слотера на программу и принципы Четвертого Интернационала, а так же глубоко идущий скептицизм и деморализация, которые характеризуют его и им возглавляемое политическое течение, оправдывают историческое значение раскола Интернационального Комитета в 1985-6 гг.

Ни одна, из всех групп в то время порвавших с Интернациональным Комитетом, не смогла разработать правдоподобную перспективу для рабочего класса. Каждая из групп прошла через повторные расколы и непрерывно сползала вправо.

Раздоры между ними вовсе не принципиальны; они все — варианты оппортунизма. Слотерское подлизывание перед правыми "демократами" в Советском Союзе мало чем отличается от открытой поддержки Горбачева и Ельцина проповедуемой "Марксистской партией" Виллеса Рэдгрэй; его отношение к Артуру Скаррилли и к другим английским проф-чиновникам идентично с линией РПП Шилы Торенс, которая небила себе руку на восхвалении этих предателей рабочего класса; в своем цинизме в вопросе об истории Четвертого Интернационала он не отстает от партии WIL. Ричарда Прайса, специальность которого — приукрашивать все новыми деталями манифест Майкла Бэнды "27 причин погребать Интернациональный Комитет."

Разок отличаясь от различных осколков РПП, Интернациональный Комитет не потерпел ни одного раскола за последние пять лет; он собирается с силами и расширяет свои действия; его программа находит все более широкий отклик в международном рабочем классе. Десятки советских рабочих переписываются с Интернациональным Комитетом; ИК развил постоянную работу в Индии. В Германии, всего четыре месяца после крушения Стены, BSA выставила своих кандидатов в выборах в Фолкскаммер и — впервые в своей истории — участвовала в последующих национальных выборах. В Шри Ланке, RCL

возглавляет борьбу рабочего класса против жестоких правительственных погромов крестьянской молодежи и Тамиллов; в Соединенных Штатах, Рабочая Лига взяла на себя ответственность за мобилизацию рабочего класса против империалистической войны против Ирака; в Австралии, Социалистическая Рабочая Лига завоевала уважение рабочего класса и молодежи своим непримиримым сопротивлением правительству Хока и его «левым» пособникам.

Все это доказывает, что раскол 1985-6 гг. являлся расколом революционной марксистской тенденции с одной стороны и оппортунистической тенденции, с другой. Оппортунисты были выгнаны из Интернационального Комитета; впервые за много лет, революционные марксисты победили.

Субъективные факторы не объясняют того факта, что оппортунисты были успешно побеждены и обнужены. Он выражает фундаментальное изменение в равновесии сил между оппортунизмом и революционным марксизмом внутри самого рабочего класса.

Интернациональный Комитет был основан в 1953 году, чтобы вести борьбу против оппортунизма внутри Четвертого Интернационала, который принял угрожающие размеры с ростом тенденции Пабло и Менделя. Джеймс П. Кэннон, лидер американской СРП опубликовал «Открытое письмо», в котором он призвал всех «ортодоксальных троцкистов» объединиться вокруг знамени Интернационального Комитета и выкинуть оппортунистов из Четвертого Интернационала. Но эта борьба оказалась гораздо труднее и длительнее, чем вначале ожидали основатели Интернационального Комитета. Причина находилась в объективном положении. Равновесие сил внутри рабочего движения было весьма неблагоприятным для революционных марксистов.

Империализм стабилизировался; в большинстве стран рабочее движение находилось под контролем сталинских и социал-демократических бюрократий, или, как в отсталых странах, плелось позади буржуазных националистов. Паблизм олицетворял давление этих объективных условий на Четвертый Интернационал. Он выражал попытку приспособить Четвертый Интернационал к этим условиям, принять их за должное, выбросить за борт любую перспективу преобразить их революционным способом. Таким путем, сам паблизм превратился в приставку последующего капиталистического порядка. Когда сталинцы, социал-демократы или буржуазные националисты начинали терять контроль над рабочим классом, паблисты давали им прикрытие слеза.

Сколько долго сталинцы и социал-демократы держались в седле, паблизм вновь и вновь находил точку опоры внутри Интернационального Комитета. Революционные элементы все время зашатались, не наступали. Кэннон сдвинулся перед паблизмом в 1963 году. Слотер, — который верно сказал в 1963 году, что паблизм нельзя продолжать считать тенденцией внутри Четвертого Интернационала, — и Хили, последовали за Кэнноном через 10 лет. К середине 70-х годов троцкисты были снова в меньшинстве внутри Интернационального Комитета.

Способность троцкистов восторгаться над оппортунистами в 1985-6 гг., неразрывно связана с тем фактом, что контроль сталинских и социал-демократических аппаратов над рабочим классом, — на котором в конечном итоге и держится паблизм, — сильно ослабел. Спустя три года, крах сталинских режимов в Восточной Европе сделал это очевидным.

Сегодня, сталинизм полностью дискредитирован внутри рабочего класса — не лишь в Советском Союзе и Восточной Европе, но и во Франции и Италии, где он однажды имел огромное влияние. На Ближнем Востоке и в Индии, горбачевская открытая поддержка империализма в его походе на Ирак, сорвала последние оставшиеся

клочки иллюзий, что сталинизм выражает какую то анти-империалистическую силу.

Радость социал-демократов по поводу краха сталинизма быстро испарилась; рабочие массами оставляют их партии и профсоюзы. В странах, где они у власти — Австралия, Новая Зеландия, Франция и Испания — этот процесс принял массовый характер.

Это развитие вызвало боязнь и ужас в рядах паблистов и привело к паническому бегству вправо.

Объединенный Секретариат Менделя уже даже не заботится о ревизии марксизма; он прямо сотрудничает с контр-революционными силами, которые организуют или выступают за применение государственного насилия против рабочего класса: Горбачев в Советском Союзе и NSSP в Шри Ланке. Его секции самоликвидируются в мелко-буржуазные организации в своих собственных странах. Его отношение к Четвертому Интернационалу сегодня равно отношению Второго Интернационала к Ленину, Люксембург и Либкнехту накануне Первой Мировой войны.

Этот поворот направо и распад разных фрагментов РРП исходит из тех же развитий. Слотер не был деморализован или обеспокоен, когда сталинизм держался на коне. Невоборот, он был тогда настолько самоуверенным, что он даже не считал необходимым постоянно работать в партии. Хотя он являлся секретарем Интернационального Комитета, он часто не находил времени оставить свой профессорский кабинет или ипподром в Брэдфорде и прийти на собрание. Он лишь недавно начал бешено бросаться в работу и выдавать на гора свои деморализованные статьи.

Это демонстрирует настоящую классовую базу паблизма. Он полностью основан на преобладании бюрократических аппаратов над рабочим классом. Крушение этих аппаратов вырвало у него почву из под ног. Читая статьи Слотера или слушая речи Менделя воображаешь себе пьяного матроса, спотыкаясь еле передвигающегося по палубе корабля при бешеной качке. Лишь с натажкой можно сравнить их с Бернштейном или с другими классиками оппортунизма. В отличие от них, Бернштейн был серьезным теоретиком, энергично защищавшим свои тезисы.

Все паблисты смотрят на крушение бюрократических аппаратов, как на катастрофу — поэтому их деморализация. Интернациональный Комитет, напротив, видит в крушении этих аппаратов основную предпосылку нового революционного подъема рабочего класса; это для нас исток революционного оптимизма.

Мы не слепы по отношению к сокрушительным последствиям для рабочего класса краха в Восточной Европе. Но именно сталинцы ответственны за это. Почти 70 лет троцкистское движение предупреждало, что сталинская политика «социализма в одной стране» заведет рабочий класс в глухой тупик. Эффект этого крушения не будет смягчен подобиями Менделя и Слотера, которые цепляются за обреченных сталинских преступников, когда последние организуют аход капиталистов в Советский Союз и Восточную Европу.

Чем скорее Четвертый Интернационал сумеет мобилизовать рабочий класс вокруг своего знамени, тем меньше придется платить за сталинистское предательство. Но чтобы достигнуть этого нужно не только снова и снова обнажать роль сталинцев и социал-демократов перед рабочими. Еще важнее сорвать маску с паблистских шарлатанов, которые злоупотребляют именем Четвертого Интернационала лишь чтобы бросить еще один спасательный круг тонущему сталинизму.

Интернациональный Комитет не пожалеет усилий и времени, чтоб достичь этой цели и поднять незапятнанное красное знамя Четвертого Интернационала над социалистическим развитием международного рабочего класса.

Эрнест Мандель обнажает свое политическое банкротство

Автор: Вольфганг Вебер

Эта статья печатается из "Neue Arbeiterpresse", еженедельной газете Bund Sozialistischer Arbeiter, немецкой секции ИКЧИ за 15 марта 1991 г.

По окончании войны, этот ведущий паблист проповедовал импотентный пацифизм и бессильные мелко-буржуазные протесты. Он пытается мобилизовать правые деморализованные слои мелкой буржуазии против рабочего класса, как последнюю подпорку капиталистической системы.

8 марта 1991 года, спустя неделю после окончания заверской колониальной войны империалистов против Ирака, Эрнест Мандель, вожь паблистского Объединенного Секретариата Четвертого Интернационала прочел лекцию в Бохуме в Германии, озаглавленную "Политическая связь между солидарностью с Третьим Миром и профсоюзной борьбой в странах метрополии" — умудрившись ни разу не вспомнить о войне.

Как минимум, 200.000 рабочих, крестьян, женщин и детей угнетенной, бывшей колонии погибли в ходе беспрецедентного геноцида; их страна была экономически и культурно разорена — но Мандель ни одним словом не осудил, и не обсудил эту войну! Причина — война полностью обнажила совершенное банкротство его политики; ему попросту нечего сказать.

Эрнест Мандель был в прошлом ведущим "теоретиком" стратегии "вооруженной борьбы против империализма". После своего раскола с троцкизмом и Четвертым Интернационалом в 1953 году, паблисты выдвинули эту стратегию вместо мобилизации международного рабочего класса вокруг программы мировой социалистической революции. Мандель утверждал, что "вооруженная борьба" в отдельных странах, даже когда она остается под политическим руководством буржуазных и мелко-буржуазных лидеров, приведет к победе над империализмом. Согласно ему, решающую силу анти-империалистической борьбы составит не рабочий класс в империалистических, промышленных метрополиях, а "вооруженные" мелко-буржуазные режимы, как в Алжире и Ираке, мелко-буржуазные националисты, как Фидель Кастро, или партизанские борцы, как Че Гевара, в "третьем мире, как эпицентре мировой революции."

На основе этой политической линии, Мандель и Хансен, вожь американской Социалистической Рабочей Партии, в 1963 году оторвали СРП от Интернационального Комитета Четвертого Интернационала и организовали неприципальное воссоединение, из которого вырос Объединенный Секретариат.

Тысячи сторонников Манделя в Латинской Америке, запутанные его хвалбой по адресу "вооруженной партизанской борьбы", были в 60-е годы не только лишь политически дезориентированы, но и привлечены к бессмысленной гибели. В Европе, буржуазная пресса ославила Манделя, как "революционного марксиста" и "стратега мировой революции" и осыпала его академическим званием профессора.

Теперь, когда его политическое банкротство, связанное с ужасным разорением, проведенным империалистами в ходе их уничтожения иракской армии, стало ясным даже в Европе, он не может ничего предложить рабочему классу в таком жгучем вопросе: как остановить и победить убийственную машину империализма, кроме предложения,

настолько же абсурдного, как и циничного: последовать примеру швейцарской альпийской республики!

"Мы не должны и далее, — фактически заявляет он, — размышлять, как мы раньше делали в марксистском движении, о том, как ликвидировать и установить контроль над вооруженным аппаратом буржуазного государства, вроде армии. Нет, мы должны попросту взять пример Швейцарии. Там, во время первого же референдума, 35% проголосовали за упразднение армии! Упразднение армии является лозунгом двенадцатилетних школьников во время анти-военных демонстраций — давайте и мы поднимем его!"

Бессильный пацифизм, напоминающий воскресные проповеди каждого священника, восхваляемый каждым профсоюзным бюрократом, скрывающим под ним свою коллаборацию с империалистическим режимом — вот все, что может теперь предложить профессор Мандель.

В единственном предложении, хоть окольно упомянувшем войну в Заливе, Мандель, наподобие всем социал-демократическим бюрократам поддержал военную пропаганду империалистов. Мандель оценил покупку "диктатором Саддамом" оружия у капиталистов, как фактическую причину войны и доказательство "бессмысленности системы прибыли." "Продажа оружия, — сказал он, — случилась, потому что каждый капиталист сказал самому себе: 'Если я его не продам, то это сделает кто-то другой.'" Мандель, "теоретик вооруженной борьбы против империализма," расценивает как преступление со стороны угнетенной, бывшей колонии, вроде Ирака, покупку для собственной защиты, оружия у империалистических держав.

Война в Заливе выявила все огромные и сложные проблемы, стоящие сегодня перед международным рабочим классом. Пролетариат стоит лицом к лицу с беспрецедентной глобализацией производственных сил и процессов производства. Эти процессы, — будь то защита занятости рабочих, заработной платы, демократических прав, или освобождения от империалистической эксплуатации и угнетения, — не дают рабочему классу разрешить свои основные проблемы внутри национальных рамок. В то же самое время, мировое хозяйство вновь раскалывается на соревнующиеся, враждебные национальные государства и хозяйственные союзы. Жесткие торговые войны, колониальные войны и война за передел мира стоят на порядке дня и толкают к резкой классовой войне внутри каждой страны. Традиционные лидеры рабочего класса, сталинистские и социал-демократические бюрократы, все, без исключения основываются на националистических программах классовой коллаборации. В этих условиях они уже не организуют классовые компромиссы и реформы, а навязывают массовую безработицу, дешевый труд и империалистические войны на рабочий класс и угнетенные народы.

В ответ на угрозы рабочему классу, вырастающие из этих программ, Мандель не предлагает ничего взамен политически обанкротившихся, но ранее преобладавших, социал-демократических и сталинистских бюрократий, кроме смехотворной карикатуры на международную программу. В его лекции он предложил "телефонную стратегию", которую он лично изобрел несколько лет тому назад и которая сегодня может быть дополнена стратегией телефаксов. Эта "революционная стратегия" состоит из "профсоюзных активистов на одном заводе, которые пойдут к своему телефону и позвонят своим коллегам рабочим на других заводах в других странах в случае производственного конфликта."

Как типичный пример он указал на фордовский завод в Мексике. Во время стачки один из пикетчиков был застрелен. "Было ли это сделано предпринимателями или полицией, или даже профсоюзной бюрократией в сговоре с полицией и фабрикантами не имеет

никакого значения" — сказал Мандель. «Что важно, это реакция рабочих. Каждый год в годовщину убийства, рабочие Форда в Мексике надевают траурную черную повязку. Рабочим Форда в США немедленно сообщили об этой акции и они решились на такую же форму протеста, превратив это в международное действие». Согласно Манделю, это был первый но важный шаг в нужном направлении.

Фарси С. с поддержкой профсоюзной бюрократии и государственных, вооруженных армий, капиталистических корпораций и банки усиливают свой террор против рабочего класса во всем мире, организовывая убийства бастующих, уничтожения профсоюзов, массовые сокращения и увольнения, разгром целых стран! А Мандель предлагает рабочим всех стран носить траурные повязки! Единственная разница между ним и Мейером, президентом DGB (немецкий профцентр, вроде ВЦСПС), который предлагает «еженедельную минуту молчания против войны», в том, что Мандель хочет назвать эти демонстрации политического бессилия, организуемые профсоюзной бюрократией, «всемирной профсоюзной стратегией».

Хотя все национальные программы классовой борьбы рухнули, и — даже радикальные формы профсоюзной борьбы: оккупации заводов мультинациональных корпораций, доколе они не начинают с мобилизации рабочего класса вокруг социалистической программы, — стали неэффективными, Эрнест Мандель, как и его идол Горбачев, заключает, что сама классовая борьба должна быть отброшена.

Бессильные мелко-буржуазные протесты — вот рецепт «великого марксизма» Манделя для рабочего класса в империалистических метрополиях. Из «солидарности с третьим миром», эти действия нужно дополнить «альтернативной моделью развития в третьем мире».

Не беспокоясь о том, что союзные империалистические силы только что завершили бомбежку Ирака обратно к средневековым условиям, уничтожили всю, с трудом развитую промышленность, инфраструктуру и культуру, Мандель провозглашает: «Разница между нищими странами третьего мира и нашими богатыми промышленными странами может и должна быть преодолена. Нужно, например, распространить социальное обеспечение в эти страны; повышение заработной платы должно и может быть достигнуто самостоятельно действующими и сознательными профсоюзными движениями в этих странах. Это сегодня в мире возможно (!). Мы в странах благополучия должны помочь им из чувства моральной совести и обязанности».

Мандель распространяет реформистскую утопию подобную той, которую годами проповедовали правые бюрократы с их воскресных кафедр, в то же время заседавая на корпоративных советах Сименса и Байера, помогая в организации эксплуатации рабочих в Перу и Южной Африке, и, затем, сваливая на европейских рабочих и на их зарплату, ответственность за страдания в Африке и Латинской Америке.

«Рабочее движение в промышленных странах может и должно принять усилия для осуществления альтернативных моделей развития», потребовал Мандель. Он признался, что это трудно из-за большой проблемы: «кризиса недоверия в социализм».

Вот слова самого Манделя: «Исходя из исторического опыта сотен миллионов людей со сталинизмом, исходя из развития в Восточной Европе, — он имеет в виду крах сталинизма и его режимов, — в глазах этих людей социализм не является более заслуживающим доверия. Поэтому мы должны прибегнуть к новым методам для ознакомления широких масс с историческим содержанием социализма. Чтобы совершить это, нужно, вероятно, оставить старые понятия и прибегнуть к новым выражениям. Чтобы совершить это, мы должны, конечно, напрягаться и развивать новые, поразительные формы борьбы».

В последующей дискуссии, сторонник Лиги Социалистических Рабочих разделился с ролью Манделя, как вождя паблоизма. Лига Социалистических Рабочих, Bund Sozialistischer Arbeiter, является германской секцией Интернационального Комитета Четвертого Интернационала, основанного в 1953 году для защиты программы и перспектив троцкизма от оппортунистического предательства паблоизма.

Эрнест Мандель - Ernest Mandel

Джозеф Хансен - Joseph Hansen

«Вы, господин Мандель, говорили о 'кризисе недоверия в социализм'. Но на деле, это кризис сталинизма. О 'кризисе недоверия в социализм' можно говорить лишь в той мере, в какой миллионы рабочих отождествляют социализм со сталинизмом. Но важнейший фактор в распространении этой путаницы — в политике, которую вы, господин Мандель, преследовали в течение 40 лет».

«Вы порвали с троцкизмом 40 лет назад и с тех пор объявляли 'революционными социалистами' всевозможных сталинистских бюрократов, или мелко-буржуазных националистов вроде Фиделя Кастро. Даже сегодня в вашей лекции, вы говорили о восточноевропейских сталинистах, как о 'бывших социалистах'».

«В 1957 году в резолюции под названием 'Уладок и крах сталинизма' вы определили так называемое 'левое' течение в польской компартии, которое поддерживает фракцию центриста Гомулки, как возможное 'ядро нового революционного марксистского руководства в польском пролетариате'. Но менее, чем через 14 лет, Гомулка приказал полиции стрелять в бастующих рабочих в Гданске и убил более 200 из них».

«В 1982 году вы и Пьер Франк, еще один лидер Объединенного Секретариата, прославляли вождя движения Солидарности, Леха Валенсу, как 'руководителя политической революции', не упоминая о его мелко-буржуазной националистской программе; это тот самый Валенса, кто сегодня играет решающую роль в реставрации капитализма в Польше».

«А в 1989 году, менее двух лет назад, в вашей книге, 'Эксперимент Горбачева', вы писали о Горбачеве, который является инициатором курса на капиталистическую реставрацию в Советском Союзе, и без одобрения и коллаборации которого, империалисты не смогли бы организовать свою жестокую войну уничтожения против народа Ирака».

вы написали следующее об этом человеке: 'Несомненно, он стоит в ряду самых даровитых и способных политиков двадцатого века...' (стр. 121). Абсурдно было бы вменять ему и его окружению желание восстановить капитализм в СССР... (стр. 125). Поэтому, в теперешних условиях было бы безответственным агитировать за ослабление Горбачева... Дальнейшие развития не зависят в основном от Горбачева и его команды, а гораздо больше, от равновесия сил между воюющими сторонами — в последнем итоге, от мобилизации масс на сторону либо одного (Лигачева), либо другого (Горбачева)... (стр. 268-9). Кто бы ни анализировал реформистский курс Горбачева под этим углом зрения, должен признать, что такой просвещенный абсолютизм (бюрократия Горбачева) является единственной, в нынешних условиях, альтернативой злой диктатуре' (стр. 271).

«С 1953 года вы приписывали сталинской бюрократии прогрессивное содержание и утверждали, что в ходе столетий, под давлением масс ее можно подтолкнуть влево и вынудить постепенно ввести социализм. Итак, до сегодняшнего дня вы отвергаете троцкистскую перспективу политической революции. Когда, после свержения Хонекера в ГДР, Лига Социалистических Рабочих распространила призыв к политической революции и за полное свержение сталинистской бюрократии путем основания рабочих советов, вы атаковали это в молодежной сталинистской газете *'Julge Welt'*, как 'беспрецедентное постороннее вмешательство' и недвусмысленно защитили Горбачева и его политику...»

После этого, сторонник Лиги Социалистических Рабочих следующим образом возразил на перспективу и «стратегию» Манделя, предложенную им для профсоюзного движения:

«За вашими словами о 'мировой стратегии' скрывается лишь правая, националистская профсоюзная политика. Вы говорите о всемирной профсоюзной стратегии, но программа вашей организации, Объединенного Секретариата, давно давно порвала с интернационализмом. Хотя лживо, он все еще подписывается именем 'Четвертого Интернационала', он сегодня, даже в организационном смысле открыто отвергает построение мировой партии в рабочем классе. Вот что пишет журнал Объединенного Секретариата, *'Inprecorr'* в номере за январь-февраль 1991 г.: 'Важно понять, что сегодня Четвертый Интернационал не является мировой партией. Интернационал — сумма своих национальных организаций, каждая из которых коренится в своем собственном обществе.' Это объявление программное и организационное национализма; даже Сталин это так открыто не формулировал.

«Единственное движение, которое может 'ознакомить' широкие массы с историческим содержанием социализма', это троцкистское движение. Оно защитило программу интернационализма, программу социалистической революции от сталинизма. Вы сами порвали с троцкизмом в 1953 году и с тех пор лишь лживо извратили его программу и перспективы. Поэтому сегодня, в своей лекции, вы даже не упомянули Льва Троцкого и его программу мировой революции!»

Вслед за этим, профессор Мандель потерял свое присутствие духа и академическое спокойствие, и злобно взорвавшись, ответил.

Он обвинил своего критика, и Лигу Социалистических Рабочих, которую тот представлял в том, что они представляют собой «секту, которая начинает со слова, как библейские жрецы, цитирующие из старых манускриптов, и приходящие в возбуждение по поводу некоторых слов». Он, Мандель, с другой стороны, стоит вместе со старым диалектиком и марксистом Гете, который сказал, что «сначала было действие».

Среди миллионов людей, сказал он, социализм потерял доверие не потому что слова и теории были искажены, а из-за действий сталинизма. Эти последние были «практическим опытом», не разными

теориями. «Эти миллионы рабочих ни разу в жизни не читали Маркса, Энгельса и Ленина, и никогда не прочтут!» воскликнул Мандель, подчеркивая свое презрение к рабочему классу. Рабочие России, также не совершили Октябрьскую революцию на основе каких-то теорий, — продолжил он, — а через практический опыт. Во всяком случае, эти сотни миллионов людей, конечно, никогда не читали его, Манделя, так что нелепо утверждать, что он, Мандель, имел на них какое-то влияние своими неверными словами или теориями. «Действия привели к кризису доверия в социализм; практические действия, новые, с воображением, действия нужны сегодня».

Как всякий оппортунист, выразив, таким образом, свой восторг перед спонтанным движением и вражду к борьбе за марксизм и научную программу рабочего класса, он повернул свое оружие против Лиги Социалистических Рабочих и против Интернационального Комитета Четвертого Интернационала.

«Эта секта, — воскликнул он, — основывается на сталинских методах лжи. Это ужасная клевета утверждать, что я десятилетиями стоял за мысль 'самореформы сталинской бюрократии'. Он всегда поддерживал политическую революцию снизу, — заметил он, — и в его книге о Горбачеве есть целая глава об этой теме. «Эти секты и их методы сталинизма должны быть выметены из рабочего движения, они должны быть уничтожены!», закончил он.

Мандель полагался в своей тираде против марксизма и Интернационального Комитета, на предпосылку, что никто в этой аудитории по настоящему и не заинтересован в исторической правде, в жестоких уроках классовой борьбы последних 50 лет. Поэтому он скрыл тот факт, что его предательские действия, как и его ревизионистские теории, все так повлияли на ход классовой борьбы и на судьбу миллионов рабочих.

В 1964 году, секция Объединенного Секретариата в Цейлоне вступила в буржуазное правительство Бандаранайки, которое несколько лет спустя совершило кровавые массовые погромы на повстанческую молодежь. В Чили, паблоисты распустили собственную организацию и вступили в центристскую MIR, которая в 1973 году поддержала политику народного фронта Альенде и, таким образом, помогла захвату власти фашистской военщиной. В течение десятилетий, Мандель выдавал правого критика сталинизма в Польше, Яцека Курона, за «троцкиста». По собственному признанию, Мандель поддерживал тесные политические связи с Куроном, играя роль его «советника и друга», до самого дня его, Курона, вступления в правительство Мазовецкого, которое звало капиталистическую реставрацию и беспримерное обнищание рабочего класса Польши.

Даже его утверждение, что его книги не читаются, не отвечает фактам. Напротив, само это собрание и его организаторы свидетельствовали о сокрушительном влиянии, которое Мандель и его работы — включая и теоретические и политические мысли, высказанные здесь — имели на ход классовой борьбы в Германии. Появление Манделя на этом собрании произошло по приглашению бывших членов Красных Экономических Кружков в Университете Бохума, которые, в 60-е годы поддерживали мандельские теории о нео-капитализме и его мелко-буржуазную радикальную программу. Затем эти элементы пошли с этой программой на завод Опель и продолжали эту работу там. С тех пор, работая как «левое крыло», употребляя реформистскую синдикалистскую программу, прикрытую левыми фразами, они пытаются нейтрализовать любую оппозицию в рядах рабочих по отношению к правому руководству профсоюзов и фабзавкомов, таким путем предотвращая раскол с этим руководством, который позволил бы оппозиции собраться вокруг революционной социалистической программы.

В большой степени аудитория состояла из постаревших остатков этого студенческого движения: ревизионисты, так называемые «левые» из профсоюзов, седые учителя, ранее бывшие в восторге от ревизионистских теорий Эрнста Мандела.

Даже сегодня, они с глубоким вниманием слушают его каждое слово, показывая, что с 60-х годов они так же интеллектуально, политически и морально опустились, как и их престарелый профессор. Они кивали, поддакивая, когда в начале своей лекции он — совершенно запутанно — промямлил какие-то, по марксистски звучащие фразы о «прибавочной стоимости», «прибыли» и «эксплуатации», чтобы заключить, что, «конечно, рабочая сила все еще эксплуатируется в капиталистических метрополиях», но все же «эти условия эксплуатации позволяют рабочему достигнуть более высокого, по сравнению с прошлым, уровня жизни». Лишь однажды, когда в разгаре дискуссии Мандель нечаянно произнес фразу: «рабочий класс», эти старики нервно и скептически пошевелили губами и переглянулись; обычно, Мандель вместо классов, говорит лишь о «массах», вместо классовой борьбы, лишь о том, «что делают эти множества людей».

Эти осколки ранее «радикальной» мелкой буржуазии были ничуть не заинтересованы в истории марксистского движения, они поэтому не поддерживали требования других сторонников BSA, чтоб Мандель ясно сказал, где он стоит в отношении процитированных документов, чтоб он доказал свое обвинение в клевете по адресу критика из BSA.

Но один участник дискуссии сказал, что реакция Мандела на критику его политических противников более напоминает сталинские методы, чем тип критики, направленный против него. Другой присутствующий призвал Мандела в конце концов занять какую-то позицию по отношению к войне в Персидском Заливе.

Тогда Мандель ответил, что с самого начала Объединенный Секретариат единогласно осудил эту войну, как «несправедливую». Но поражение Ирака доказывает, что вооруженная борьба против империализма, в которой пушки употребляются против бомб с лазерным прицелом, равноценна самоубийству. Гораздо более эффективно подает пример для будущего — борьба палестинских детей в ходе интифады против вооруженных израильских солдат. Конечно, эти незаоруженные дети будут убиты, но картины этих событий морально потрясут мир и разбудят совесть Запада.

Иначе говоря, после банкротства его политики «вооруженной борьбы против империализма», Мандель предлагает «незаоруженную борьбу», избиение беззащитных детей и молодежи империализмом — и все это, чтобы возбудить моральное давление, довести империализм до слез. Рабочие и крестьянские массы угнетенных стран останутся изолированными от рабочего класса в капиталистических метрополиях, останутся подчинены буржуазным националистическим программам их нынешних вождей.

Мандель открыто и недвусмысленно разорвал все связи с рабочим классом, которые он раньше на словах поддерживал, равно как и традиции марксизма и интернационализма. Он все еще пытается мобилизовать правые, деморализованные слои мелкой буржуазии, как последнюю подставку шаткой капиталистической системы против рабочего класса. Это было ярко показано его лекцией и его яростной ненавистью по отношению к марксизму и к троцкистскому движению.

• • • • •

Троцкого «Преданная революция», нетленный вклад в научную мысль

Эта статья, написанная редактором «Бюллетеня Четвертого Интернационала» Давидом Нортон, была впервые опубликована для издания на английском языке «Преданной революции» (также известной под заглавием «Что такое СССР и куда он идет?») издательством Labor Publications в 1991 году.

Лишь считанные работы в анналах политической литературы выдержали испытание временем так же удачно, как троцкий «Преданная революция». Более 50 лет после ее публикации, этот анализ Советского Союза остается непревзойденным. Единичное чтение «Преданной революции» даст более глубокое понимание структуры и динамики советского общества, чем систематический обзор неслучайных фолиантов, которыми буржуазные «советологи» («кремлюнологи») наказывают человечество в течение последних десятилетий. События последних пяти лет дали нам объективные средства, чтоб сравнить научную ценность марксистского анализа в этом шедевре Троцкого с конформистскими и посредственными работами бесчисленных премированных академиков и журналистов-медалистов. Кто из них предал, даже после вступления Горбачева к власти, что советское правительство отвергнет принцип центрального планирования, отменит все ограничения на частную собственность на средства производства, провозгласит рынок величайшим достижением цивилизации, и пойдет к полной интеграции СССР в экономическую и политическую структуру мирового капитализма?

Но уже в 1936 году, будучи изолированным политическим ссыльным в Норвегии (его оттуда вскоре выслали по приказу социал-демократического правительства), Лев Троцкий предупредил, что политика сталинского режима, вовсе не обеспечивая победу социализма в СССР, на самом деле готовит условия для реставрации капитализма. Мы можем теперь заявить, не опасаясь быть оспоренными, что ход событий со времени запуска перестройки в 1985 году, в поразительной степени подтвердил гипотетическую формулировку Троцкого о процессе, через который может быть осуществлено свержение форм национализованной собственности, которые были основаны в октябре 1917 года.

Дело не только в том, что «Преданная революция» была работой гения. Что отделяет эту книгу от всех других, написанных о Советском Союзе, это аналитический метод, использованный ее автором. Троцкий был одним из величайших сторонников материалистической диалектики, которая была и остается нерушимым фундаментом марксизма в развитии человеческой мысли. Целью «Преданной революции» было раскрытие внутренних противоречий, лежащих в основе эволюции государства, бывшего результатом первой социалистической революции в истории мира. В то время, когда буржуазные академики и журналисты начинали свои работы с предвзятого и никем не оспариваемого определения Советского Союза, как «социалистического государства», Троцкий отрицал упрощенное употребление термина «социалистическая» описывая советскую реальность. Он предупреждал, что некритическое применение этого термина скрывало, а не освещало реальность. Он настаивал, что Октябрьская революция лишь заложила начальные политические основы для превращения отсталой России в социалистическое общество. Будет ли на этих основах построен социализм, сколько времени займет эта конструкция, зависит от сложного взаимодействия национальных и международных факторов. Троцкий настаивал, что в любом случае, несмотря на хвостовство

Сталинского режима, социализм, — в таком смысле, в каком его традиционно определяли марксисты, — вообще не существовал в СССР.

Но если Советский Союз не социалистический, то может его надо определить капиталистическим? Троцкий отверг также и этот термин: Октябрьская революция несомненно привела к отмене частной собственности на средства производства и передаче собственности в руки рабочего государства. Поэтому, определяя Советский Союз, Троцкий намеренно сторонился от использования готовых и законченных категорий: капитализм и социализм. Он, скорее, пытался сформулировать концепцию Советского Союза, которая выразила бы его динамические черты и помогла бы наметить возможные формы его дальнейшего развития. Троцкий пришел к выводу, что Советский Союз является «переходным» государством, характер и судьбу которого история еще не решила. Если рабочий класс сумеет свергнуть сталинский режим и с помощью советской демократии восстановить свой контроль над государством, то СССР еще сможет расти в сторону социализма. Но если бюрократия удержит власть и будет продолжать, в интересах своего привилегированного положения, удушать созидательные возможности национализированных производительных сил и центрального планирования, то возможно катастрофическое возвращение к капитализму, кончающееся уничтожением СССР.

Троцкий знал, что его «гипотетическое определение», исчисляющее два противоположных варианта развития Советского Союза, запутает тех, мысль которых находится под влиянием прецедентов формальной логики. Он заметил: «Они бы хотели категорическую формулу: да — да, или нет — нет». Но социальные реалии состоят из противоречий и не могут быть поняты в жестких рамках логического силлогизма. «Они хотели бы — заметил он — категорической формулы: да — да, нет — нет. Социологические вопросы были бы, несомненно, проще, если бы социальные явления имели всегда завершенный характер. Нет, однако, ничего опаснее, как в погоне за логической законченностью устранивать из действительности такие элементы, которые уже сегодня нарушают схему, в завтра могут совсем опрокинуть ее. В своем анализе мы больше всего остерегаемся производить насилия над динамической общественной формацией, которая не имела прецедентов и не знает аналогий. Научная, как и политическая задача не в том, чтоб дать законченное определение незаконченному процессу, а в том, чтоб следить за всеми его этапами, выделять его прогрессивные и реакционные тенденции, вскрывать их взаимодействие, предвидеть возможные варианты развития и находить в этом предвидении опору для действия. Из главы «Что такое СССР?»

В ходе теоретического спора, который был в большой степени вызван анализом, представленным в «Преданной революции», Джеймс Бернам утверждал, что материалистическая диалектика не является научным методом исторических и социальных исследований, а всего лишь литературным приемом, употребленным Троцким для формулировки сногшибательных метафор.⁴ Серьезная проверка

⁴ Джеймс Бернам (1905–1987 гг.), который в конечном итоге добился некоторой политической известности в Соединенных Штатах, как идеологический враг правого крыла и сторонник «предупредительной» ядерной войны против Советского Союза, в 30-е годы был социалистом, и, во второй половине 30-х годов, ведущим членом троцкистского движения. Будучи профессором философии в Нью-Йоркском Университете, его взгляды на логику находились под сильным влиянием Сидни Хьюкс. В течение некоторого времени, Бернам пытался примирить свое политическое сочувствие к взглядам Троцкого со своим все более враждебным отношением по адресу философской обоснованности диалектического материализма. Но в мае 1940 года, после длительной борьбы внутри Социалистической Рабочей Партии, Бернам объявил о своем расколе с марксизмом.

В 1942 году он опубликовал «Революция начальников», весьма широко расставившую руку, хотя ее тезис и был скопирован из «Бюрократизации мира», работы Бруно Риззи опубликованной за десять лет до того. Бернам довольно

структуры анализа Троцкого достаточно ясно обнажает поверхность этой критики. Диалектическая логика вообще не форма хитроумной аргументации, для тех, кто склонен придумывать блестящие, но искусственные парадоксы; она, скорее, есть обобщенное выражение в сфере мышления, тех противоречий, которые находят в корне всех природных и социальных феноменов. Троцкий поставил себе задачу объяснить все взаимосвязанные, и, в то же время, взаимозависимые экономические, социальные и политические тенденции, определяющие движение советского общества.

Сама Октябрьская революция являлась величайшим из всех исторических парадоксов. Первая социалистическая революция началась в 1917 году не в одном из экономически передовых стран Западной Европы и Северной Америки, а в одном из самых отсталых из всех основных капиталистических стран того периода — в России. В течение восьми поразительных месяцев, от февраля до октября, российские массы раскрошили дряхлые феодальные институты династии Романовых и, под руководством самой революционной партии в мире, создали новую форму государства, основанную на рабочих советах.

Днепрогэс — детище первой пятилетки

Вопреки утверждениям либеральных противников марксизма, неспособность буржуазии создать жизнеспособную политическую альтернативу царскому режиму вытекала не из злых козней большевиков, а из исторически отсталого развития капитализма в России. Во время «классических» демократических революций в Англии и Франции, буржуазия основала свою политическую гегемонию в борьбе против феодализма за национальное объединение в условиях, где пролетариат, в современном смысле, еще не существовал или лишь зарождался, как отдельный социальный класс. Но в России, демократическая борьба развивалась, когда социальное и политическое развитие пролетариата, созданное быстрым ростом промышленности в конце XIX века, уже перебрало развитие и рост местной буржуазии. Революция 1905 года, великая «генеральная

быстро перешел к крайне правому крылу и, в конечном итоге, стал политическим советником в журнале *National Review*, редактируемом Вильямом Баки. Незадолго до смерти, Рональд Райган награждал его Медалью Свободы. Политическая эволюция Бернама опровергла предупреждение, которое Троцкий выразил по его адресу во время полемик 1939–40 гг.: «Все, знакомые с историей тенденций внутри рабочих партий знают, что переходы на сторону оппортунизма и даже в лагерь буржуазной реакции часто начинались с отрицания диалектики».

репетиция" за 12 лет до Октябрьской революции, свидетельствовала о взрыве повстанческих массовых стачек, рождении грандиозного Совета рабочих депутатов в Санкт-Петербурге (Лев Троцкий был его председателем) и подтвердила преобладающую роль рабочего класса в борьбе против самодержавия. Потрясения 1905 года убедили российскую буржуазию, что в лице социалистического пролетариата, она видит гораздо более опасного врага, чем в лице царистского самодержавия. Чем больше буржуазия сознавала свою собственную неспособность политически господствовать над рабочим классом, тем менее она желала употреблять, против старого режима, методы революционной массовой борьбы, со всеми их непредвиденными последствиями.

События 1917 года быстро обнажили политический парализ буржуазии. Не сыграв фактически никакой роли в свержении царя, буржуазия организовала Временное правительство, которое не могло выполнить ни одной радикальной инициативы, способной удовлетворить требования многомиллионного крестьянства, не говоря уже о чаяниях городского пролетариата. Кроме того, под влиянием своей экономической зависимости от великих империалистических держав, полное решимости удовлетворить бесцеремонные территориальные претензии российской буржуазии, Временное правительство сочло себя обязанным продолжать российское участие в Первой Мировой войне. Это привело Временное правительство к неминуемому столкновению с массами, требующими конца войне и полное уничтожение остатков феодализма в деревне. Эти требования были, в конце концов, осуществлены в октябре через победу пролетарской революции под руководством большевистской партии. Этот парадоксальный исторический итог, — заключение демократической революции через захват государственной власти рабочим классом, — неминуемо вел к самым широким и беспрецедентным последствиям. Под руководством пролетариата, демократическая революция неизбежно приняла социалистический характер: то есть, уничтожение всех остатков феодализма в деревне сопровождалось глубокими посягательствами на буржуазные формы собственности и социализацией средств производства.

Но за этот огромный исторический прыжок 1917 года пришлось дорого расплатиться. Обстоятельства, облегчившие захват власти российским пролетариатом, создали громадные преграды в процессе социалистического строительства в новом рабочем государстве. Режим, который был рожден на основе самой передовой социальной программы, имел в своем распоряжении лишь самые мизерные хозяйственные ресурсы. Дальше, крайняя отсталость российского общества, — которое большевики унаследовали от царского прошлого, — была усугублена хозяйственной разрухой Первой Мировой войны, а затем Гражданской войны, разразившейся в 1918 году. Большевистский захват власти, если его рассматривать лишь с точки зрения ситуации в России, мог бы показаться сумасбродной и глупой авантюрой. Но рассуждения Ленина и Троцкого были основаны, по большей части, на международных, не национальных факторах. Это было похвально отмечено их величайшей современницей, Розой Люксембург, кто, несмотря на свое критическое отношение к некоторым аспектам их политики, написала в 1918 году: „Судьба революции в России полностью зависела от международных событий. То, что большевики ставили свою политику в полную зависимость от мировой пролетарской революции, есть яснейшее доказательство их политической дальновидности, твердости их принципов и смелых масштабов их политики“ [Русская революция]⁵

Так же как международное положение лежало в основе взрыва Российской революции и принудило большевиков взять власть,⁶ потенциал для социалистической конструкции в Советской России был неразрывно связан с интернациональной классовой борьбой. Лишь победа рабочего класса в одном из европейских центров мирового капитализма, — надежды большевиков были сосредоточены на событиях в Германии, — предоставила бы в распоряжение отсталой России высокоразвитые экономические и технические ресурсы, от которых зависит социализм. Для Ленина и Троцкого, большевистский захват власти был лишь началом мировой социалистической революции. Ее дальнейшее развитие и завершение зависели от усилий мирового пролетариата. Коммунистический Интернационал, в основании которого большевики приняли решающее участие, должен был служить стратегическим штабом мировой борьбы против капитализма.

Большевистская победа и на самом деле явилась началом массового международного восстания пролетариата. Но ни в одной другой стране не было руководства, политические качества которого достигли уровня большевистской партии. Партия Ленина являлась результатом годов непримиримой теоретической борьбы против всяких оппортунистических тенденций в российском рабочем движении. Значение политических расколов внутри социалистических тенденций в России и по всему миру, не было бы так ясно определено, если бы не предыдущая борьба Ленина. Раскол между большевиками и меньшевиками в 1903 году, более чем на десять лет преодолел раскол во Втором Интернационале, который произошел в начале Мировой войны в 1914 году. Ленинская дифференциация между марксизмом и любыми разновидностями мелко-буржуазного оппортунизма подготовила почву для плодотворной политической борьбы большевиков против реформистских (меньшевистских)

контексте. Позвольте нам отдать должное памяти этой великой революционерки и напомнить о ее заключительной оценке исторического значения большевизма:

„В политике большевиков следует отделить основное от вторичного, сущность от случайного напыления. В настоящее время, когда мы стоим накануне последней решающей схватки во всем мире, важнейшая проблема социализма была и есть жгучей проблемой нашего времени. Это не вопрос о том или ином тактическом приеме, а о возможности пролетариата на действия, о готовности действовать, о воле к власти социализма, как такового. Ленин и Троцкий и их друзья были первыми, теми, кто выступил вперед, как пример пролетариату всего мира; до сих пор они являются единственными, кто может воскликнуть вместе с Гуттеном: „Я посмел!“

„Это — основное и прочное в политике большевиков. В этом смысле их бессмертный исторический вклад состоит в том, что они пошли вперед на захват власти во главе международного пролетариата, поставили практическую проблему осуществления социализма и продвинули вперед развязку старого спора между капиталом и трудом во всем мире. В России, эта проблема только поставлена на порядок дня. Она не может быть разрешена в России. И в этом смысле, будущее везде за большевизмом“ [Русская революция].

6 Мысль, что Россия в 1917 году стояла перед выбором между пролетарской революцией и либеральным демократическим режимом, подобным английскому, французскому или северо-американскому, является не более, чем политической фантазией. Если бы большевики не взяли власть в октябре, события 1917 года по всей вероятности закончились бы удивительным повторением контр-революции, которую генерал Корнилов попытался осуществить в августе. Выживание капитализма было бы, хотя и временно, обеспечено на основе военной диктатуры, уничтожившей рабочее движение. Не только социалистическая революция, но и демократическая борьба была бы обрублена. Во время и по окончании войны империалистические державы разорвали бы Россию на куски и принудили бы ее к положению полу-колоннальной зависимости. Ее уровень экономического, социального и культурного развития сегодня равнялся бы Индии, где миллионы крестьян остаются безграмотными и постоянно живут на грани голодания. Мы можем добавить, что если бы в 1917 году Ленин и Троцкий или себя как „уважаемые“ социал-демократы, сотрудничали бы с Временным правительством, освободили бы дорогу для корниловского переворота и потом погибли бы в фашистской катастрофе, то либеральные историки сегодня писали бы о них с такой же симпатией, с какой они описывают Сальвадора Альенде.

союзников буржуазного Временного правительства. Даже в Германии подобная подготовка не была сделана заранее, до начала революционной борьбы. В Германии, решающий организационный откол от оппортунистов и основание Коммунистической партии произошло через шесть недель после начала революции в ноябре 1918 года. А всего две недели после этого, 15 января 1919 года, убийство Люксембург и Либкнехта, с закулисным одобрением социал-демократического правительства, отняло у рабочего класса их лучших вождей. Между 1919 и 1923 годами, рабочий класс потерпел серию серьезных поражений: Венгрия, Италия, Эстония, Болгария, и, самое серьезное — Германия. В каждом случае причины поражений лежали в предательстве старых социал-демократических партий, которые все еще имели поддержку значительной части рабочего класса, и политической незрелости новых коммунистических организаций.

Продление политической и хозяйственной изоляции Советского Союза имело непредвиденные и трогичные последствия. Хотя государство, созданное первой рабочей революцией, не рухнуло, оно начало извращаться. Хотя запоздалое развитие капитализма в России сделало создание советского государства возможным, непредвиденное запоздание в победоносном развитии мировой социалистической революции явилось основной причиной его извращения. Форма, которую приняло это извращение: огромный рост бюрократии в аппарате советского государства и большевистской партии, поразительная концентрация власти в руках этой бюрократии.

Глушась историческим субъективизмом, подменяющим анализ социальных процессов спекуляциями о личных и психологических побуждениях, Троцкий показал, что злокачественный рост бюрократии, кульминация в тоталитарном режиме Сталина, коренился в материальных противоречиях, специфичных рабочему государству, основанному в отсталой стране. С точки зрения форм собственности, советское государство было социалистическим. Но полное и равное удовлетворение материальных нужд всех членов общества было немыслимо в условиях отсталости, нищеты и голода, преобладавших в Советской России. Под присмотром государства, распределение товаров все еще выполнялось согласно капиталистическому закону ценности и, значит, неравно. Тот факт, что это неравенство, — или, другими словами, привилегии для меньшинства, — являлись, по меньшей мере в начальный период, необходимыми для функционирования государственного хозяйства, не меняло того факта, что такая форма распределения оставалась по сути буржуазной.

Советский режим выражал напряжение между этими двумя противоречивыми функциями рабочего государства: защите социальной собственности на средства производства с одной стороны, но с другой стороны, надзор над буржуазными методами распределения и, поэтому, защита привилегий меньшинства. Бюрократия выросла на базе этого противоречия: «...если для ограждения обобщественной собственности от буржуазной контр-революции государство вооруженных рабочих вполне отвечает своей цели, то совсем иначе обстоит дело с регулированием неравенства в сфере потребления. Создавать преимущества и охранять их не склонны те, которые их лишены. Большинство не может заботиться о привилегиях для меньшинства. Для охраны 'буржуазного права' рабочее государство оказывается вынуждено выделить 'буржуазный' по своему типу орган, т.е. все того же жандарма, хотя и в новом мундире» [Глава «Социализм и государство»].

Троцкий объяснил, что бюрократия действует как социальный «жандарм», полицейский неравенства:

«Мы сделали таким образом первый шаг на пути понимания основного противоречия между большевистской программой и советской действительностью. Если государство не отрицает, а

становится все деспотичнее; если уполномоченные рабочего класса бюрократизируются, а бюрократия поднимается над обновленным обществом, то не по каким-либо второстепенным причинам, вроде психологических пережитков прошлого и пр., а в силу железной необходимости выделять и поддерживать привилегированное меньшинство, доколе нет возможности обеспечить подлинное равенство» (Там же).

Бюрократия выросла из противоречий отсталого и обнищавшего рабочего государства, изолированного поражениями пролетарской революции. Но нельзя представлять дело так, будто сила объективных противоречий была переведена немедленно и прямо в уродство сталинского режима. Как бы ни были сильны те сигналы, которые подает экономическая база, на крайних слоях политической надстройки они принимаются и оказываются записанными и оформленными в программу и политику, лишь через посредство противоречивых влияний исторической традиции, культуры, идеологии и, даже, индивидуальной психологии. Кристаллизация бюрократического слоя в определенную политическую тенденцию, которая в конечном итоге уничтожила большевистскую партию, была сложным, жестоким и длительным процессом. Было бы ошибкой думать, что те, кто впоследствии стали представителями бюрократической фракции, вначале намеревались предать и уничтожить работу Российской революции. Ясно, что в начале политической борьбы внутри большевистской партии, Сталин и его сторонники не думали о себе, как о защитниках привилегий и неравенства, т.е. буржуазных функций рабочего государства. Узкий эмпиризм Сталина, — его неспособность анализировать ежедневные события в их отношении к более глубоким социальным процессам или наблюдать траекторию классовых сил, — позволил ему стать вождем бюрократии, неспособным предвидеть долгосрочные последствия своей борьбы против левой оппозиции. Как объяснил Троцкий:

«Было бы нелепо думать, будто неведомый массам Сталин вышел внезапно из-за кулис во всеоружии законченного стратегического плана. Нет, прежде еще, чем он нащупал свою дорогу, бюрократия нащупала его самого. Сталин приносил ей все нужные гарантии: престиж старого большевика, крепкий характер, узкий кругозор и неразрывную связь с аппаратом, как единственным источником собственного влияния. Успех, который на него обрушился, был на первых порах неожиданностью для него самого. Это был дружный отклик нового правящего слоя, который стремился освободиться от старых принципов и от контроля масс и которому нужен был надежный третейский судья в его внутренних делах. Второстепенная фигура пред лицом масс и событий революции, Сталин обнаружил себя, как бесспорный вождь термидориванской бюрократии, как первый в ее среде» [Глава «Советский Термидор»].

Работа «Преданная революция» явилась кульминацией теоретической и политической борьбы против бюрократии, начатой Троцким в 1923 г. Осенью этого года Троцкий написал серию статей, опубликованных под названием «Новый курс», в которых от с тревогой отметил рост бюрократических наклонностей в раздутых аппаратах советского государства и ВКП(б). В удивлении внутренне-партийной демократии, Троцкий увидел симптом роста независимого авторитета бюрократии во всех аспектах советской жизни.

Когда началась эта борьба, Троцкий все еще пользовался огромным престижем внутри большевистской партии и в советском народе. Вместе с большим Лениным, он был самым авторитетным лидером Октябрьской революции и нового советского государства. Его критика получила широкую поддержку в большевистской партии, особенно среди тех слоев, которые сыграли самую выдающуюся роль во время революции и Гражданской войны. «Новый курс» сыграл роль

начальной платформы для создания левой оппозиции, которая пыталась противодействовать растущему влиянию бюрократии. Статьи Троцкого вызвали едкий отпор, означавший, сам по себе, что бюрократия уже стала социальной силой, достаточно ясно сознающей свои интересы, чтобы защищаться от марксистской критики.

Ленин умер 21 января 1924 года.⁷ К осени того года, расхождения между интересами советского рабочего класса и все более сознающей себя бюрократией нашли свое выражение в формулировке политической линии, диаметрально противоположной интернациональной программе и перспективе, на которых базировалась большевистская партия со дня своего основания. Как мы уже заметили, бесспорной предпосылкой большевистской, т.е. марксистской перспективы была мысль, что развитие социализма в Советском Союзе в конечном итоге зависит от победы социалистической революции в передовых европейских центрах мирового капитализма. До тех пор пока Ленин был жив, никто в руководстве ВКП(б) ни разу не предлагал идею, что ресурсы Советского Союза достаточны для создания самостоятельного социалистического общества. На самом деле, марксистская теория не признавала такой возможности даже и в какой-либо передовой капиталистической стране. С написания «Коммунистического манифеста» в 1847 году и до победы Октябрьской революции 70 лет спустя, ведущий принцип марксистского движения был и оставался ее неколебимая вера, что достижение социализма зависит от объединенных интернациональных усилий рабочих всех стран и от их победы над мировым капитализмом.

Итак, когда Сталин с помощью Бухарина, провозгласил о возможности построить социализм в одной стране, его объявление выражало не только лишь основную ревизию марксистской теории. Хотя он сам этого не сознавал, Сталин артикулировал мнения расширяющейся бюрократии, которая видела в советском государстве не бастион и плацдарм мировой социалистической революции, а национальную основу, на которой покоятся ее прибыли и привилегии.

Сталинская фракция не отвергла внезапно цель мировой революции; она наоборот с возмущением опротестовала обвинения левой оппозиции. Но все равно, распространение теории «социализма в одной стране» сигнализировало о глубоко идущем повороте в международной политике советского режима и в роли Коминтерна.⁸ Сталинцы утверждали, что СССР сможет достичь социализма, если только он не будет оттолкнут назад интервенцией империалистической армии. Из этого выходило, что осуществление советского социализма требует не свержения мирового империализма, а нейтрализацию последнего дипломатическими средствами.

Левая оппозиция в принципе не отвергала дипломатические соглашения между Советским Союзом и капиталистическими странами. В период сильнейшего влияния Троцкого, Советский Союз одержал крупные победы в дипломатической сфере, к примеру,

удачное подписание Раппальского договора в 1922 году. Но эти соглашения были честно объяснены, как тактические маневры Советской России, направленные на стабилизацию ее позиций до того момента, когда международный пролетариат прямо придет к ней на помощь. Само собой разумеется, что судьба рабочего государства была неразрывно связана с судьбой международного социализма. Кроме того, дипломатические инициативы Советского Союза не налагали никаких обязательств на местные коммунистические партии, основной задачей которых продолжало оставаться максимальное развитие независимой революционной деятельности рабочего класса.

Но под влиянием советской бюрократии роль Коминтерна была преобразована. Новая теория «национального социализма» вскоре начала влиять на стратегию и тактику Коммунистического Интернационала. Надеясь что симпатии влиятельных профсоюзных чиновников ослабят анти-советскую политику британского правительства, сталинцы поощряли оппортунистический союз заключенный в 1925 году между неопытной Великобританской компартией и профсоюзными бюрократами, участниками в Англо-Русском Комитете. В 1925-1927 гг. подобные соображения частично побудили Сталина настаивать на подчинении Китайской компартии буржуазному националистическому правительству Чан Кай Ши. В обоих случаях попытки найти друзей за границей за счет политической независимости рабочего класса привели к катастрофам: восхождение профсоюзных лидеров со стороны британской компартии облегчило тем их предательство генеральной стачки 1926 года; подчинение китайской компартии руководству буржуазного Куоминтанга привело к физическому истреблению коммунистов армией Чан Кай Ши в 1927 году.

Троцкий никогда не утверждал, что советская бюрократия сознательно желала поражения в Великобритании и Китае. Он, напротив, считал, что катастрофические международные неудачи, — как и многие другие последствия его политики, — ошеломили Сталина. Но эти поражения, как и все другие, вышедшие из политической линии сталинцев, имели объективное влияние на классовые отношения внутри Советского Союза. Поражения международного рабочего класса обескураживали советских рабочих, подрывали их уверенность в перспективе и будущее мирового социализма и, поэтому, усиливали бюрократию. Восне не случайно, уничтожение ККП в мае 1927 года, хотя и ясно предсказанное Троцким, подготовило почву для политического поражения и исключения левой оппозиции из советской компартии. Через несколько месяцев последовали аресты и ссылки вождей оппозиции в отдаленные углы СССР. Троцкий был вывезен в Алма-Ату на китайской границе. Спустя год, в январе 1929 года, Троцкого выслали из СССР на остров Принкипо близ берега Турции.

Сталин надеялся, что высылка Троцкого отнимет у него возможность развивать работу оппозиции в Советском Союзе. Но он недооценил способность Троцкого привлекать внимание мировой публики. Хотя и лишенный символов власти, Троцкий являлся идейным и моральным олицетворением величайшей революции в истории человечества. В отличие от Сталина, представлявшего бюрократическую машину и полностью зависящего от нее, Троцкий воплощал мировую историческую идею, нашедшую наиболее блестящее и культурное выражение в его публицистике. Даже внутри Советского Союза сталинскому режиму не всегда удавалось предостеречь проникновение слухов Троцкого сквозь закрытые границы; эти слуха вызывали горячий отклик.⁹ Несмотря на трудности ссылки,

⁷ Советский историк Рой Медведев ссылается на свидетельство, намекающее, что смертельный удар Ленина был вызван его горечью по поводу все более жестоких атак на Троцкого внутри партии.

⁸ По свидетельству Крупской, — пишет Медведев, — 19 и 20 января 1924 г. она читала Владимиру Ильичу только что опубликованные решения XIII партконференции, где подавлялись итоги дискуссии с Троцким. Слыша резкие по форме и не всегда справедливые по содержанию резолюции, Ленин снова начал возмущаться. Чтобы его успокоить, Крупская сказала, что резолюции приняты единогласно. Вряд ли это могло удовлетворить Ленина, чьи неизменные опасения начали сбываться. На следующий день в состоянии сильнейшего душевного волнения В. И. Ленин скончался. Рой Медведев, «О Сталине и сталинизме», изд. Прогресс, Москва, 1990 г., стр. 591.

⁹ Этим именем называли Третий, Коммунистический Интернационал.

⁹ Вот например рассказ одного молодого китайского студента, который учился в Москве, когда его привлекали идеи Троцкого. Он описывает эффект открытого

бесконечный поток политического анализа, лившийся с пера Троцкого, совместно с его широкой корреспонденцией превратили левую оппозицию в международное движение.

В первые годы ссылки Троцкого, левая оппозиция считала себя фракцией, хотя и нелегальной, внутри Коммунистического Интернационала. Она не призывала к образованию нового Интернационала, а боролась за реформу Коминтерна и его национальных секций. Троцкий отказывался преждевременно оставлять возможность возвратиться к марксистской программе компартии, в которых оставались самые классово сознательные круги рабочего класса. Работы Троцкого были специально адресованы к сотням тысяч рабочих, которые вступили в Коммунистический Интернационал потому что они верили, что он есть инструмент социалистической революции.

Борьба международной левой оппозиции за реформу Коминтерна приняла высочайшую неотложность в Германии, где рабочий класс стоял перед угрозой фашизма. Несмотря на огромную потенциальную силу немецкого рабочего класса, он оставался парализован политикой своих массовых организаций. В то время, когда социал-демократы жалко надеялись на буржуазное правительство и Веймарскую конституцию спасти их от нацистов, сталинцы отказывались бороться за единство всех организаций рабочего класса в борьбе против фашизма. Германская компартия, с поощрения Сталина, преступно легкомысленно объявила, что между социал-демократией и фашистской партией нету существенных различий, что первые были, фактически, «социал-фашистами». Сталинцы поэтому утверждали, что компартия не может вступить в «единый фронт» с социал-демократией, чтобы защитить рабочее движение от фашистских гуннов. Из ссылки в Принкипо Троцкий посылал горячие обращения в ряды Германской КП, призывая их к предотвращению катастрофы, к изменению политики их руководства и к осуществлению единого фронта всех рабочих организаций против нацистов.

«Рабочие-коммунисты, — писал он, — вы — сотни тысяч, миллионы, вам выехать некуда, для вас заграничных паспортов не хватит. В случае прихода к власти фашизм, как страшный танк, пройдет по вашим черепам и позвоночникам. Спасение только в беспощадной борьбе. А победу может дать только боевое сближение с социал-демократическими рабочими. Спешите, рабочие коммунисты, ибо времени вам осталось немного!» Письмо немецкому рабочему-коммунисту, члену ГКП, *Бюллетень оппозиции*, №27, март 1932, стр. 211.

Германская коммунистическая партия отказывалась изменить свою линию и объединить и направить борьбу против наступления нацистов. Итак, 31 января 1933 года Гитлер пришел к власти мирно и спокойно, не встретив никакого вооруженного сопротивления. В течение нескольких месяцев все профсоюзные и политические организации самого могучего рабочего движения в Европе были объявлены вне закона и уничтожены. Перед фактом этого беспрецедентного бедствия, Коминтерн продолжал заявлять о правильности своей линии и снял с себя всю ответственность за катастрофу. Поражение германского пролетариата означало для Троцкого событие мировой исторической величины. Подобно тому, как голосование социал-демократов за военные кредиты в начале

Первой Мировой войны в августе 1914 года знаменовало крушение Второго Интернационала, так участие сталинцев в трагичной катастрофе германского рабочего движения означало крах Третьего Интернационала. Когда, перед лицом катастрофического поражения германского рабочего класса, Коминтерн ответил здравницей в свой адрес за ту политику, которая позволила Гитлеру прийти к власти, продолжать пытаться реформировать сталинские партии стало невозможным. Стало необходимым начать работу постройке нового, Четвертого Интернационала.

Московское руководство не только объявило непогрешимой политику, обеспечившую победу Гитлера, но и запретило обсуждение того, что произошло. И постыдный запрет не был ни нарушен, ни опровергнут! Ни национальных съездов, ни интернационального конгресса, ни дискуссий на партийных собраниях, ни обсуждения в печати. Организация, которую не пробудил гром фашизма, и которая покорно переносит подобное издевательство со стороны бюрократии, показывает тем, что она мертва, и что ничто уже не оживит ее. Сказать это открыто и во всеуслышание — прямой долг по отношению к пролетариату и его будущему. Из исторического крушения официального Коминтерна надо исходить во всей дальнейшей работе. (Бюллетень оппозиции, № 36-37, октябрь 1933 г., стр. 191).

Из всех решений, принятых Львом Давидовичем Троцким в его жизни, ни одно не было более бесповоротным, спорным, глубоким и дальновидным, чем основание Четвертого Интернационала. Советский режим и весь его международный аппарат подливал ответили истеричными обвинениями, которые через несколько лет нашли свое законченное выражение в суде Московских Процессов и в убийствах, выполненных ГПУ и НКВД внутри и за границами Советского Союза. Но даже среди многих, кто симпатизировал Троцкому, его призыв к Четвертому Интернационалу казался поспешным, неблагоприятным, даже безрассудным. Эта критика была в большей части основана на видимых «фактах» политической ситуации: Троцкий слишком изолирован для построения Интернационала, его призыв останется без внимания, престиж Коминтерна в международном рабочем движении все еще слишком велик, новый Интернационал может быть построен лишь на основе победоносной революции, и пр. Но такой «реализм», — по сути дела, лишь эмпирическое перечисление конъюнктурных затруднений, — был довольно поверхностного характера.

Для Троцкого, критерий политического реализма заключался в соответствии программы и политики с основным и закономерным развитием классовой борьбы. Он сознавал, что роль, которую сыграла советская бюрократия в поражении германского рабочего класса и ее реакция на эту катастрофу означали поворот в политической и социальной эволюции, — мы можем сказать, дегенерации, — сталинского режима. Призыв Троцкого к созданию Четвертого Интернационала не был предназначен, как наказание за последнее и глубочайшее преступление бюрократии и Коминтерна; это был, скорее, необходимый политический ответ на тот факт, что сталинский режим и протитуированный Коминтерн были неизлечимы. Дав согласие на меры, которые привели к гибели немецкого рабочего движения, Коминтерн продемонстрировал, что он более не служит, — даже в самом осязательном и непрочном смысле, — делу интернационального социализма. Лидеры компартий состоявших в Коминтерне были нанятыми лакеями ГПУ-НКВД, готовыми выполнить любые поручения, данные Кремлем. Возрождение интернационального марксизма не могло быть осуществлено через реформу Коминтерна, а лишь через жестокую борьбу с ним. Итак, единственно «реальный» путь для тех, кто остался предан делу мирового социализма — это строить новый, Четвертый Интернационал.

письма к советским рабочим, которое Троцкий написал в 1929 году для опровержения клеветы режима: «Его открытое письмо было широко распространено среди масс и было тепло принято; блестяще написанное, оно было полно страсти. Я перевел его на китайский язык и, хотя оно потеряло в переводе много своего огня и красноты, оно все еще червовало и трогало наших китайских товарищей; некоторые из них заплакали, когда прочли его» (Wang Fan-ssi, *Chinese Revolutionary*, Oxford, p. 93).

Но если старый Интернационал был неизлечим, то заодно с ним и режим, приказы которого он послушно выполнял. В Советском Союзе, где Коммунистическая партия стояла у власти, Четвертый Интернационал поднял знамя политической революции против правящей бюрократии. Революционное свержение сталинского режима стало необходимым потому что материальные интересы бюрократии, как отдельного социального стратума стали настолько отчуждены от интересов рабочего класса, что ее преобладание в советском обществе стало несовместимым с выживанием СССР, как рабочего государства.

Политические выводы, на которых Троцкий основал свой призыв к созданию Четвертого Интернационала были теоретически обоснованы и облечены в законченную, программную форму с названием *„Преданной революции“*. В этом и лежит основное значение этой работы: так же как ленинский *„Империализм“* демонстрировал в 1916 г., что предательство социал-демократии явилось политическим выражением ее социальной эволюции в агентуру империалистического капитала в рабочем движении, так и троцкий *„Преданная революция“* обнажила социальные отношения и материальные интересы, закономерно выраженные в преступлениях сталинского режима. Подобно социал-демократии, сталинизм не мог быть реформирован, т.е. обращен в оружие рабочего класса, потому что его интересы были связаны с интересами империализма и враждебны советскому и международному пролетариату.

Очень скоро оценка Троцкого была подтверждена событиями. После победы Гитлера, сталинский режим и Коминтерн рванулись направо. Реакция советской бюрократии на триумф фашизма — это обращение к членству в Лиге Наций, которую Ленин назвал «воровским притоном». Это решение символизировало превращение советской бюрократии в политическое агентство империализма в международном рабочем движении. Начиная с 1933 года, основная связь между защитой СССР и целью мировой социалистической революции было отвергнуто. Вместо этого, со все более растущим цинизмом, сталинский режим строил защиту Советского Союза на сохранении мирового империалистического порядка. Встав перед угрозой со стороны фашистского режима в Германии, существование которого было результатом преступной политики Кремля, сталинская бюрократия искала спасения в поощрении системы советско-империалистической «всеобщей безопасности». Коммунистический Интернационал был превращен в прямой инструмент советской внешней политики, предлагая защищать буржуазные режимы от опасности пролетарских восстаний взамен за дипломатические соглашения с Кремлем.

В этом и состояла основная цель политики «народных фронтов», принятой в 1935 году Коминтерном. Буржуазные правительства, которые заявляли о дружеских намерениях к СССР и якобы разделяли его вражду к нацистской Германии, получали политическую поддержку со стороны местных компартий. Были опрокинуты все фундаментальные критерии марксизма, которые обычно определяли отношение революционного рабочего движения к буржуазным партиям и режимам. Партии и государства не были более оцениваемы на основе классовых интересов и форм собственности, которые они защищали; вместо этого научная терминология марксизма была подменена обманчивыми и пустыми именами прилагательными, вроде «миролюбивых» и «анти-фашистских». Местные коммунистические партии по поручению Кремля взяли на себя ответственность за подавление борьбы рабочего класса против таких «миролюбивых» правительств. В поисках союзов с «демократическими» империалистами, — определение, закрывающее глаза на плачевное состояние колонизированных рабов Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии, и др., — советская бюрократия делала все, что могла для демонстрации своей верности по отношению к империалистическому

статусу кво. В своем знаменитом интервью 1 марта 1936 года, Сталин, пытаясь успокоить остающиеся сомнения империалистов, сообщил репортеру из газетной компании Скриппс-Ховард, что опасения насчет интернациональных революционных целей советского режима были не более, как «трагикомическим недоразумением».¹⁰ Саботаж советской бюрократией революционной борьбы международного пролетариата нашел свое самое полное и кровавое выражение в Испании, где коммунистическая партия обрушила борьбу против фашистов в пользу защиты буржуазной собственности. С помощью ГПУ, буржуазно-либеральное правительство подавило восстание рабочего класса Каталонии в мае 1937 года, и тем гарантировало конечную победу Франко.

Поворот СССР к прямой коллаборации с международной буржуазией был дополнен усилением государственного насилия внутри границ извращенного рабочего государства. Внутренняя связь между этими параллельными процессами обычно игнорируется буржуазными историками, которые находят политически неудобным поднимать вопрос: почему апогей народного фронтизма, — когда фасонистые интеллектуалы приветствовали сталинцев и приглашали их в свои салоны, — совпал с поголовным уничтожением внутри СССР почти всех тех, кто играл ведущую роль в Октябрьской революции и в Гражданской войне? Цель кровавых чисток, начатых с первым Московским Процессом в августе 1936 года, была не только лишь смести всех тех, кто мог бы стать ядром революционной оппозиции против бюрократии, но и доказать всему буржуазному миру, что сталинский режим бесповоротно покончил с наследием 1917 года. Море крови отделило сталинизм от большевизма.

В Норвегии, Троцкий закончил предисловие к *„Преданной революции“* и отослал последние главы манускрипта к своему издателю всего две недели до начала процесса над Зиновьевым и Каменевым в Москве. Расчет времени был удачным: на следующий день после окончания процесса и расстрела обвиняемых, норвежское социал-демократическое правительство, подчиняясь давлению со стороны Кремля, потребовало, чтобы Троцкий отказался от права делать публичные заявления по поводу современных политических событий, т.е., о московском поклоне. Когда Троцкий возмущенно отказался, норвежские социал-демократы отдали приказ о его аресте и интернировании. Полиция отказала Троцкому в прямом контакте со своими политическими сторонниками, арестовала его корреспонденцию, конфисковала его манускрипты и даже ограничила часы его прогулок на свежем воздухе. Эти ограничения сделали свое дело: в течение ключевых четырех месяцев Троцкий не мог отвечать на чудовищные обвинения, брошенные против него сталинским режимом.¹¹

¹⁰ Комментируя это интервью, Троцкий заметил, что если Сталин мог говорить совсем открыто, не принимая в расчет эффект его слов на более сознательные секции международного рабочего класса, он мог бы сказать: «В глазах Лиги Наций была организацией кровавого подавления трудящихся. Мы же индусы в ней — инструмент мира. Ленин говорил о неизбежности революционных войн. Мы же считаем экспорт революции — чепухой. Ленин клеил союз пролетариата с национальной буржуазией, как измену. Мы же из всех сил толкаем французский пролетариат на этот путь. Ленин бичевал лозунг разоружения при капитализме, как подлый обман трудящихся. Мы же строим на этом лозунге всю политику. Ваше комическое недоразумение, — так мог бы закончить Сталин, — состоит в том, что вы принимаете нас за продолжателей большевизма, тогда как мы являемся его могильщиками» [Бюллетень оппозиции № 49, апрель 1936 г., стр. 4].

¹¹ Пока Троцкий был интернирован и не имел возможности ответить своими обвинениями, ответственность за разоблачение Московских Процессов пала на его сына, Льва Седова. В течение нескольких недель он успел опубликовать *„Красную лигу о Московских Процессах“*, полностью опровергшую все обвинения. Позже, после смерти Седова в феврале 1938 года от руки сталинского наемного убийцы, Троцкий вспоминал свою радость, когда он прочел *„Красную книгу“*. «Каким неоценимым подарком являлась для нас в этих условиях книга Льва, первая сокрушительная отповедь кремлевским фальсификаторам. Начальные страницы

Троцкий прибывает в Норвегию 18 июня 1935 года.

Поведение норвежского правительства было еще более возмутительным, если обратить внимание на меры, которые оно выбрало для депортации Троцкого из страны. Ранее, в августе, сторонники Квислинга, лидера норвежской фашистской организации, неудачно попытались ограбить резиденцию Троцкого. После их ареста, взломщики заявили, что они нашли материалы, доказывающие, что Троцкий нарушил условия своей ссылки. Вначале полиция не приняла во внимание эти диковинные заявления. Но, поддаваясь давлению Москвы по окончании процесса над Зиновьевым и Каменевым, норвежское правительство решило использовать вранье фашистских взломщиков. Когда Троцкий появился для дачи показаний в суде на слушании о расследовании взлома, он вместо этого оказался под допросом, цель которого была доказать, что он злоупотребил «гостеприимностью» норвежской демократии. Стоя в министерстве юстиции перед Тригве Ли, будущим Генеральным Секретарем ООН, Троцкий глядел в лицо испуганным социал-демократическим чиновникам, употребившим показания фашистских хулиганов, для легального оправдания его высылки из Норвегии.

Согласно рассказу свидетелей этого происшествия и его ироничного последствия, «В этот миг Троцкий повисил свой голос так, что его эхо достигло все залы и коридоры министерства: «Это ваш первый шаг по пути к капитуляции перед фашизмом в вашей собственной стране. Вы раллатитесь за это. Вы считаете себя вне опасности, что вы можете делать что хотите с политическим ссылкой. Но близок день, — помните это! — скоро нацисты выгонят вас из вашей страны, всех вас вместе с вашим Rattloff (шлепанец) Премьер Министром». Тригве Ли пожал плечами в ответ на это странное предвидение. Но менее четырех лет спустя, это самое правительство и в самом деле было вынуждено бежать из Норвегии

помню, показались мне бледными это потому, что они перелегали уже ранее данную политическую оценку общего состояния СССР. Но с того момента, как втор приступил к самостоятельному анализу самого процесса, я почувствовал себя полностью зазаченным. Каждая следующая глава казалась мне лучше предыдущей. Молодец Левусатка, говорили мы с женой. «Есть у нас защитник!» (Бюллетень оппозиции № 64, март 1938 г., стр. 51.

во время нацистского вторжения; когда министры и их старый король Гавкон стояли на берегу, ежась вместе и ожидая своего корабля в Англию, они со страхом, как свершившееся пророческое проклятие, вспомнили слова Троцкого» (Isaac Deutscher, *The Prophet Outcast: Trotsky 1929-40* [New York: Vintage Books, 1963], pp. 341-42).

После своей высылки из Норвегии в декабре 1936 года, Троцкий не скрывал своего отвращения к трусости норвежских социал-демократов: «Сейчас, когда я оглядываюсь на период интернирования, я не могу не сказать, что никогда и ни с чьей стороны в течение всей своей жизни, — а мне пришлось видеть многое, — я не подвергался такому циничному издевательству, как со стороны норвежского «социалистического» правительства. С гримасами демократического ханжества эти господа четыре месяца держали меня за горло, чтоб помешать мне протестовать против самого грандиозного из всех исторических преступлений!» (Манускрипт книги «Преступления Москвы», глава 1, «В «социалистической» Норвегии», стр. 22, так называемый Архив Троцкого, Houghton Library, Harvard University, BMS Russ 13, T-41651.

Даже если и не принимать во внимание условия, в которых она была написана, «Преданная революция» не может не считаться поразительным литературным и интеллектуальным шедевром. Живя в глухой деревне в отдаленной Норвегии, будучи отрезан от прямой связи с советскими гражданами, вынужденный в меру своей возможности следить за событиями лишь по прессе, Троцкий, несмотря на это, смог создать поразительно детальный, всеобъемлющий и прочный анализ Советского Союза. Глубокое и критическое чувство реализма оживляет работу Троцкого; он пытается обнажить и объяснить проблемы остальной страны, которая, на основе пролетарской революции, но не имея необходимых экономических, технических и культурных ресурсов, начала строить социализм. В отличие от анти-коммунистической литературы, «Преданная революция» осторожно описала настоящие, и во многих областях, поразительные достижения советского государства, осуществленные за менее, чем двадцать лет его существования. Эти достижения, утверждал Троцкий, доказывают созидательные возможности пролетарской революции и огромный прогрессивный потенциал, заложенный в принципе центрального планирования. Но, — и тут он отвечал многим интеллектуальным льстецам Кремля, — политика сталинского режима, несмотря на кратковременные успехи, усугубляет противоречия советского государства и ведет к его гибели.

Сегодня, буржуазия использует отчаянный кризис сталинского режима как последнее и решающее доказательство, что «социализм провалился». Но ценность этих прокламаций лучше измерить не по тому, что они говорят, а по тому, о чем они умалчивают. В капиталистической прессе или в «уважаемых» научных журналах очень трудно найти какие либо ссылки на троцкисткую, то есть, марксистскую критику сталинского саботажа советского хозяйства. Но наблюдения Троцкого были поразительно проницательными. Он предвидел буквально все проблемы, которые в наш день приняли смертельную форму; и он предвидел их в то время, когда успехи советского хозяйства внушали не критическое восхищение широким кругам западной интеллигенции. Троцково понимание таких проблем, как производительность труда, роль денег в социалистическом строительстве, опасность инфляции, ограничения бюрократического планирования, сами по себе доказывают, что попытки урезать марксизм с обанкроченной и невежественной политикой бюрократии — клевета.

Десятки лет до того, как советская пресса открыла злокачественность «административно-командной системы», Троцкий писал:

«Административное планирование достаточно обнаружило свою силу; но вместо с тем — и границы своей силы. Априорный хозяйственный план, тем более в отсталой стране со 170 миллионами населения, с глубоким противоречием между городом и деревней, есть не неподвижная заповедь, а черновая рабочая гипотеза, которая подлежит проверке и перестройке в процессе исполнения. Можно даже установить правило: чем «точнее» выполняется административное задание, тем хуже обстоит дело с хозяйственным руководством. Для регулирования и приспособления планов должны служить два рычага: политический, в виде реального участия в руководстве самих заинтересованных масс, что немыслимо без советской демократии; и финансовый, в виде реальной проверки априорных расчетов при помощи всеобщего эквивалента, что немыслимо без устойчивой денежной системы.» [Глава «Борьба за производительность труда»].

Сталин на своей даче на Черном море в 1934 году.

За много лет до того, как слово «номенклатура» вошло в международный словарь социологии и политики, «Преданная революция» дала краткий обзор социальных слоев, из которых состояла бюрократическая элита. Троцкий определил настоящую социальную основу сталинского режима: раздутые генеральные штабы государственной администрации, профсоюзов и кооперативов; сотни тысяч председателей и членов исполкомов бесчисленных районных, городских и областных советов; высшие звенья армии, флота и тайной полиции; и т. д. Троцкий попытался оценить какую часть советского национального продукта грабили эти огромные слои социальных паразитов: «Если учесть не только жалование, все виды натурального обслуживания и всякие полузаконные дополнительные источники, но и присоединить долю бюрократии и советской аристократии в театрах, дворцах отдыха, больницах, санаториях, курортах, музеях, клубах, учреждениях спорта и проч. и проч., то пришлось бы, вероятно, сказать, что на долю 15, скажем 20%,

населения приходится не многим меньше, чем на долю остальных 80–85%» [Глава «Рост неравенства и социальных антагонизмов»].

Троцкий оставался поразительно близок к každодневным реалиям жизни в СССР. В советской прессе и в заявлениях высоких вождей он находил беглые и замаскированные ссылки — на бездомность, проституцию, женитбу из за лишней комнаты — которые опровергали официальную хвалю «счастливой жизни», которую Сталин якобы давал народу. С поразительной чувствительностью он замечал те «мелкие детали» жизни, иногда описываемые в советской прессе, которые обнажали рост социального неравенства: рабочий обращается к бюрократу на «вы», а тот «тыкает» в ответ; рабочие мирятся с маргарином и махоркой, а бюрократы наслаждаются маслом, хорошими сигаретами и лимузинами. В одном характерном абзаце, Троцкий возмущенно заметил арест в Москве «голодных женщин, торгующих с рук самодельными беретками или ситцевыми рубашками», и уничтожающе отбросил помпезное и циничное утверждение Сталина, что база спекуляции в СССР уничтожена и если спекуляция существует, то только из за отсутствия классовой бдительности.

«Экономическая база спекуляции уничтожена? — он заметил иронично — Но тогда нет надобности ни в какой бдительности. Если б государство могло, например, обеспечить население необходимым количеством скромных головных уборов, не было бы нужды арестовывать злополучных уличных торговцев. Вряд ли, впрочем, такая нужда есть и теперь. (Там же).

Страницы этой работы полны сердитого протеста Троцкого по поводу унижения социалистической мечты в руках сталинизма. «Школа и общественная жизнь учащихся — пишет он — насквозь проникнуты формализмом и лицемерием.» [Глава «Семья, молодежь, культура»]. Все проявления критического мышления подавляются: «Даровитых писателей, которые не умеют достаточно насилловать себя, преследует по пятам свора наставников, вооруженных беззащитностью и дожиной цитат. Выдающиеся художники либо кончат самоубийством, либо ищут материала в глубинах времен, либо умолкают.» (Там же).

Троцкий осудил жестокое угнетение культуры и развития национальностей, состоявших в СССР: «Не может быть, в самом деле, и речи о своеобразии национальных культур, когда одна и та же дирижерская палочка, вернее, одна и та же полицейская палка, берется регулировать все умственные отправления всех народов Союза. Украинские, белорусские, грузинские или турецкие газеты и книги являются только переводами бюрократических императивов на язык соответственных национальностей.» (Там же).

Протестуя против безмыслия и некритических описаний советской жизни в работах «радикальных туристов» вроде Джорджа Бернарда Шоу и неутомимых Сидни и Беатрисы Вебб, — которые навещали Советский Союз по приглашению бюрократии и получали люксовое обслуживание во время этих инсценированных туров, — Троцкий признался, что он нашел невозможным «...с другой стороны, не возмущаться пассивным, по существу индифферентным оптимизмом тех, которые закрывают глаза на рост социальных противоречий и утешают себя видя на будущее, ключ от которого они почтительно предлагают оставить в руках бюрократии.» (Там же).

Троцкий настаивал, что выживание СССР и его прогресс на пути к социализму зависит от двух взаимосвязанных развитий: возрождение революционного движения пролетариата в основных центрах мирового империализма и революционное свержение бюрократии советским рабочим классом. Но если этих событий не произойдет, то крушение Советского Союза и восстановление капитализма — неминуемо.

Троцкий предупреждал, что внутри СССР, бюрократия является основным социальным очагом контр-революции. Тут мы обязаны

вкратце рассмотреть его социологическую оценку бюрократии. Троцкий многократно решительно возражал против расхожего определения бюрократии, как нового правящего класса. Термин *класс*, для Троцкого являлся научным понятием, не прозвищем. С точки зрения марксизма, класс в основном определяется независимыми корнями в экономической структуре общества. Его существование обусловлено исторически конкретными видами собственности и связями производства, которые, в свой черед, воплощены в действиях этого социального стратума. Но внутри Советского Союза, бюрократия, несмотря на ее политическую власть не представляла такой исторической силы. Формы собственности, преобладающие в СССР, родились в пролетарской революции; пролетариат, не бюрократия, обеспечил массовую базу для новых форм собственности. Бюрократия прикрепила к этим новым имущественным формам и, на основе своей узурпации политической власти, извлекала из них свои привилегии.

Но хотя она и не являлась классом, Троцкий признавал, что советскую бюрократию нельзя просто сравнивать с государственной бюрократией в других обществах: «Но самый факт присвоения ею политической власти в стране, где важнейшие средства производства сосредоточены в руках государства, создает новое, еще не бывавшее взаимоотношение между бюрократией и богатствами нации. Средства производства принадлежат государству. Но государство как бы «принадлежит» бюрократии. Если б эти совсем еще свежие отношения упрочились, вошли в норму, легализовались, при сопротивлении или без сопротивления трудящихся, то они в конце концов привели бы к полной ликвидации социальных завоеваний пролетарской революции.» [Глава «Что такое СССР?». Троцкий подчеркивал, что бюрократия не может превратиться в правящий класс, не создав предварительно «...социальной опоры, в виде особых форм собственности.» (Там же).

Но он предупредил, что социальная эволюция правящего слоя необратимо ведет в этом направлении. Предвидя, несколькими десятилетиями вперед, нынешнюю политическую ситуацию в СССР, Троцкий заявил, что программа капиталистической реставрации «...нашла бы немало готовых слуг среди нынешних бюрократов, администраторов, техников, директоров, партийных секретарей, вообще привилегированных верхов. (Там же).

Троцкий описал немедленные последствия контр-революции: «Крушение советского режима неминуемо привело бы к крушению планового хозяйства и, тем самым, к упразднению государственной собственности. Принудительная связь между трестами и заводами внутри трестов распалась бы. Наиболее преуспевающие предприятия поспешили бы выйти на самостоятельную дорогу. Они могли бы превратиться в акционерные компании или найти другую переходную форму собственности, напр. с участием рабочих в прибылях. Одновременно и еще легче распались бы колхозы. Падение нынешней бюрократической диктатуры, без замены ее новой социалистической властью, означало бы, таким образом, возврат к капиталистическим отношениям, при катастрофическом упадке хозяйства и культуры. (Там же).

Как мы видим, хотя Троцкий вовсе не преуменьшал опасности, стоящие перед СССР, он горячо отвергал мысль, что реставрация капитализма уже произошла или что она может произойти мирно и демократически. Несмотря на начальные формы ее развития, социальная контр-революция такой величины могла бы осуществиться лишь через кровавые и жесточайшие меры. Капитализм не мог возродиться не подавив советский рабочий класс. Итак, судьба СССР, — к капитализму или к социализму, — как ясно предвидел Троцкий, «...решится борьбой живых социальных сил, как на национальной, так и на мировой арене.» (Там же).

Закончив «Преданную революцию», Троцкий добился исторической победы над сталинизмом. На вершине видимого всемогущества Сталина, Троцкий, на основе марксизма показал банкротство режима тирана и неизбежность его крушения. Но крушение режима в большей части зависело от развития революционного руководства в рабочем классе, от его умения влиять на ход классовой борьбы. Если, извращенные и реакционные бюрократии социал-демократии и сталинизма сохраняют свой контроль над массовыми организациями рабочего класса и продолжат саботаж борьбы против капитализма за границами СССР, если рабочий класс не сумеет создать новую революционную организацию, свергнуть бюрократию и возродить советы, как настоящие органы пролетарской диктатуры, то первое рабочее государство само погибнет под развалами сталинизма. Резко поставив политические и исторические альтернативы, задача Четвертого Интернационала заключалась в том, чтоб показать рабочему классу дорогу из тупика, созданного предательствами его старых организаций и разрешить кризис революционного руководства.

Во время подготовки учредительного съезда Четвертого Интернационала, ГПУ совершило серию убийств, имеющих цель уничтожить ведущие кадры троцкистского движения. Среди жертв: Эрик Вольф, политический секретарь Льва Троцкого; Игнас Райсс, перебежчик из ГПУ, который осудил Сталина и поклялся в верности Четвертому Интернационалу; Рудольф Клемент, секретарь Четвертого Интернационала; и сын Троцкого, Лев Седов. Несмотря на эти преступления, учредительный съезд прошел в окрестностях Парижа 3 сентября 1938 года. Программа, принятая съездом, была написана Л. Троцким и вкратце суммировала теоретические концепции «Преданной революции».

«Советский Союз вышел из Октябрьской революции, как рабочее государство. Государствление средств производства, необходимое условие социалистического развития, открыло возможность быстрого роста производительных сил. Аппарат рабочего государства подвергся тем временем полному перерождению, превратившись из орудия рабочего класса в орудие бюрократических насилий над рабочим классом и, чем дальше, тем больше, в орудие саботажа хозяйства. Бюрократизация отсталого и изолированного рабочего государства и превращение бюрократии во всевластную привилегированную касту являются самым убедительным — не теоретическим только, а практическим — опровержением теории социализма в отдельной стране.»

«Режим СССР заключает в себе, таким образом, ужасающие противоречия. Но он продолжает оставаться режимом переродившегося рабочего государства. Таков социальный диагноз. Политический прогноз имеет альтернативный характер: либо бюрократия, все более становящаяся органом мировой буржуазии в рабочем государстве, опрокинет новые формы собственности и отбросит страну к капитализму; либо рабочий класс разгромит бюрократию и откроет выход к социализму.» [«Агония капитализма и задачи Четвертого Интернационала», Бюллетень оппозиции, № 66-67, май-июнь 1938 г., стр. 14].

Троцкий заметил различия, существующие внутри самой бюрократии и допустил, что в ней еще осталось «небольшое меньшинство», выражающее, правда пассивно, интересы рабочего класса. Но он предупредил, что еще сильнее и влиятельней «Фашистские, вообще, контр-революционные элементы, непрерывно растущие, выражают все более последовательно интересы мирового империализма. Эти кандидаты на роль комрадоров не без основания считают, что новый правящий слой может застраховать свои привилегированные позиции лишь путем отказа от национализации, коллективизации и монополии внешней торговли, во имя усвоения «западной цивилизации», т.е. капитализма.» (Там же, стр. 15).

Затем Троцкий наметил переходные требования, которые советская секция Четвертого Интернационала употребит для мобилизации рабочего класса и революционного свержения сталинского режима: свобода профессиональных союзов и заводских и фабричных комитетов, возрождение советской демократии, легализация советских партий, вытеснение бюрократии из советов и отмена ее привилегий, ревизия планового хозяйства в интересах рабочих и потребителей, реорганизация колхозов в соответствии с желаниями рабочих, замена бюрократической коллаборации с мировым империализмом на марксистскую программу пролетарского интернационализма. Троцкий настаивал, что «осуществить эту программу нельзя без низвержения бюрократии, которая держится насилием и подлогом. Только победоносное революционное восстание угнетенных масс может возродить советский режим и обеспечить его дальнейшее развитие к социализму. Повести советские массы на восстание способна только партия Четвертого Интернационала.» (Там же, стр. 16).

Менее чем через год после учреждения Четвертого Интернационала, подписание Пакта между Сталиным и Гитлером, взрыв Второй Мировой войны и советское вторжение в Финляндию привели к резкому конфликту внутри троцкистского движения в вопросе о верности анализу, предложенного в «Преданной революции». До августа 1939 года либеральная интеллигенция была вполне на стороне сталинского режима. Даже в Соединенных Штатах, влияние сталинцев было так сильно, что решение престарелого и знаменитого философа, Джона Дюи, весной 1937 года возглавить комитет для расследования обвинений Московских Процессов против Троцкого, потребовало значительной меры физической, интеллектуальной и моральной отваги.¹² Троцкий, справедливо, хотя и несколько сардонически, определил политику народных фронтов, как союз между буржуазной демократией и ГПУ. Сталинцы поддерживали Рузвельта и демократические претензии американского империализма; взамен либеральная буржуазия и демократы среднего класса отводили глаза, когда ГПУ убивало старых большевиков в подвале Лубянки, терзало и расстреливало революционеров в Испании, похищало и рубило головы троцкистам в Париже. Но, как и предавал Троцкий, когда Сталин подписал свой Пакт о «незамешательстве» и затем вошел в Финляндию, либеральные настроения внезапно повернулись против Советского Союза. Либеральное и демократическое общественное мнение было возмущено вовсе не новым предательством по адресу рабочего класса в, скорее, тем, что Советский Союз оставил лагерь демократического империализма и вошел в оппозицию к внешней политике Соединенных Штатов.

Сдвиг в общественном мнении политически откликнулся внутри Социалистической Рабочей партии, тогдашней американской секции Четвертого Интернационала. Джеймс Бернам, Макс Шахтман и Мартин Эберн создали фракцию и заявили, что вследствие пакта Сталина-Гитлера невозможно и далее считать СССР рабочим государством, даже переродившимся. Они, поэтому, потребовали, чтоб Четвертый Интернационал отказался от безусловной защиты Советского Союза в войне против капиталистических государств.

Троцкий отверг ревизию программы Четвертого Интернационала, предложенную Бернамом, Шахтманом и Эберном. Он указал на то, что марксисты не изменяют свое определение классовой сущности советского государства во имя мести за последнее преступление

бюрократии.¹³ Они изучают хозяйственную структуру советского общества и пытаются определить, продолжают ли существовать имущественные формы, порожденные в Октябрьской Революции, или они уже свергнуты. Если, несмотря на преступления бюрократии, государственные формы собственности и центральное планирование все еще сохранились, то Советский Союз остался рабочим государством, правда, перенесшим ужасное перерождение. Конечно, возрождение такого государства невозможно вне революционного восстания и низвержения бюрократии. Но такая революция будет иметь политический, а не социальный характер; после низвержения бюрократии пролетариат не окажется вынужден провести изменения в отношениях собственности, подобные тем, какие произошли после свержения Временного правительства в октябре 1917 года. Возрожденные советы осуществят широкие и поразительные изменения в управлении хозяйством: они беспощадно очистят государственный бюджет от бюрократической расточительности и капризов, установят строгую отчетность национальных ресурсов, возьмутся за неотложные социальные нужды масс в областях жилищного строительства и реконструкции, рабочих условий, здравоохранения, образования, экологии и товаров широкого потребления. Но все эти необходимые изменения, будут проходить под руководством демократических органов рабочей власти на основе существующей государственной собственности.

С точки зрения экономической структуры советского государства, война с капиталистическим государством поставит под угрозу что-то, гораздо более важное, чем головы бюрократов. Поэтому, несмотря на, и против сталинцев, Четвертый Интернационал безоговорочно защищает перерожденное рабочее государство против империализма, именно потому, что военное поражение угрожает полным уничтожением остающихся социальных завоеваний Октябрьской революции.

Троцкий писал: «Необходимо формулировать наши лозунги так, чтоб рабочие ясно видели, что именно мы защищаем в СССР (государственную собственность и плановое хозяйство) и против чего мы беспощадно боремся (паразитическая бюрократия и ее Коминтерн).»

Ни на минуту не упускать из виду, что вопрос о низвержении советской бюрократии подчинен для нас вопросу о сохранении государственной собственности на средства производства в СССР; что вопрос о сохранении государственной собственности на средства производства в СССР подчинен для нас вопросу о международной пролетарской революции.¹⁴ [СССР в войне, Бюллетень Оппозиции, №79-80, август-октябрь 1939 г., стр. 9; Бюллетень Четвертого Интернационала, №4, февраль 1991 г., стр. 118].¹⁴

¹³ Кто пытается ныне доказать, что советско-германский пакт меняет нашу оценку советского государства, тот в сущности становится на позицию Коминтерна — зернее на вечернюю позицию Коминтерна. Исторической миссией рабочего государства оказывается, согласно этой логике, борьба за империалистскую демократию. Имена демократов в пользу фашизма лишает СССР звание рабочего государства. На самом деле подписание договора с Гитлером только лишний раз измерит степень разложения советской бюрократии, и ее презрения к международному рабочему классу, включая и Коминтерн, но не дает никакого основания пересматривать социологическую оценку СССР. [СССР в войне, Бюллетень Оппозиции, №79-80, август-октябрь 1939 г., стр. 1-2; Бюллетень Четвертого Интернационала, №4, февраль 1991 г., стр. 105-6].

¹⁴ Дальнейшее развитие войны оправдало мнение Троцкого. Внезапное крушение Пакта между Сталиным и Гитлером и фашистское вторжение в июне 1941 года поставили под вопрос само выживание Советского Союза. Четвертый Интернационал не был пойман врасплох. Не отказываясь от, и не изменяя своей непримиримой вражды к сталинской бюрократии, он призвал рабочий класс к безоговорочной защите СССР от фашистского авантюризма мирового империализма.

¹² Комиссия Дюи поехала в Койован опросить Льва Троцкого, который открыл перед ней все свои архивы и давал показания во время расследования, длившегося более недели. В декабре 1937 года комиссия огласила результаты. Она нашла Троцкого невиновным и осудила Московские Процессы, как подлог.

В дебатах о классовой сущности советского государства есть еще один, более глубокий аспект. Согласно анализу Троцкого, сталинский режим есть «отратительный рецидив в процессе превращения буржуазного общества в социалистическое» (там же стр. 4; там же, стр. 110). Этот рецидив является результатом конкретных условий, в которых находилась Советская Россия после 1917 года: т. е. наследие отсталости, империалистическое окружение, поражения европейского пролетариата и оттяжка мировой социалистической революции. Сталинский режим выражал не банкротство социалистической перспективы вообще, а банкротство ревизионистской программы «социализма в отдельной стране». Кроме того, Троцкий твердо верил, что новые выступления международного пролетариата возродят Октябрьскую революцию и очистят советское общество от сталинских наросов.

Хотя лидеры уклона в СРП и не понимали этого, логичное развитие их доводов вело, как немедленно понял Троцкий, к отрицанию обоснованности марксистской исторической перспективы.¹⁵ Если советский режим выражал собою новую форму эксплуатации, в которой бюрократия играла роль носителя новых отношений собственности, то революционная роль пролетариата была либо уже исчерпанной, либо была идеологической иллюзией с самого начала. Если это так, то приходится признать, что гниение капитализма ведет не к социализму, а к непредвиденному «бюрократическому коллективизму», или, как выразился Бернам, к «обществу заведующих», основанному на эксплуатации пролетаризованных рабочих элитой технократов. В соответствии с этим мировоззрением, сталинская советская система, Третий Рейх Гитлера, Корпоративное государство Муссолини и, даже Новая Сделка Рузвельта, это все формы такого возникающего послекапиталистического мирового порядка. Как ни трагично заключение пролетариата, оно является исходом его собственного органического неумения сыграть независимую историческую роль в реорганизации общества.

Троцкий отверг это болезненное заключение, пытавшееся вывести не-революционный характер пролетариата из предательства сталинских и социал-демократических рабочих бюрократий. Если пролетариат врожденно неспособен стать правящим классом, то нет возможности разрешить противоречия капитализма прогрессивным путем. В таком случае, перед человечеством стоит перспектива все более ужасных войн между тоталитарными режимами. Иначе говоря, цивилизация в тупике. Такие заключения, весьма распространенные среди мелкой буржуазии, были, по мнению Троцкого, выражением моральной и интеллектуальной простратии из-за недавних поражений пролетариата и из-за силы победившей социальной реакции. В объятиях горького цинизма, так часто сопровождающего крушение старых надежд, угнетенные и разочарованные мелко-буржуазные интеллигенты не могли найти сил продумать политический процесс, включая и силы враждующих тенденций внутри рабочего движения, который предшествовал поражениям. Гораздо легче обвинить побежденный, молчаливый и страдающий пролетариат, чем продолжать политическую борьбу против могучих социал-демократических и сталинских бюрократий, политика которых привела к катастрофе.

¹⁵ Руководители этого уклона яростно сопротивлялись против троцкой характеристики их мнений, как анти-марксистских. Бернам, во время все более резкой полемики с Троцким, настаивал, что он остается твердым сторонником марксистской программы, несмотря на свое отрицание философской обоснованности диалектического материализма. Но в мае 1940 года, менее шести недель после своего разрыва с СРП, Бернам объявил о своем отрицании марксизма и социализма. Политическая эволюция Шехтмана напролом была более длительной; но и он закончил свою карьеру, как сторонник Демократической партии и интервенции США во Вьетнаме.

Троцкий открыто признавал, что развитие революционного руководства в рабочем классе оказалось весьма сложной задачей. Но он настаивал, что история Российской революции доказала, что такое руководство может быть создано. Так же как российские марксисты во время реакции и ссылки основывались на исторических возможностях, впервые показанных Парижской Коммуной и, затем, первой Российской революцией 1905 года, так и Четвертый Интернационал основывает свой революционный оптимизм на миротрясающей и исторической силе, показанной рабочим классом в 1917 году.

Троцкий пережил лишь первые шаги Второй Мировой войны. Он умер в Мексике 21 августа 1940 года, через день после удара в голову ледорубом агента ГПУ. Но, как и предвидел Троцкий, десять месяцев спустя Гитлер направил свои армии против Советского Союза. На земном шаре развернулся самый страшный и ужасный военный конфликт между империалистической Германией и Советским Союзом, а вовсе не союз тоталитарных «бюрократических коллективистских» государств, предсказанный Бернамом. Быстрое крушение рабочего государства, ожидаемое и Гитлером и многими экспертами в Соединенных Штатах, не произошло. Война показала огромные производительные возможности советского хозяйства (которое вскоре превзошло германское) и, несмотря на сталинский режим, глубокую внутреннюю спайку между массами в СССР.¹⁶

Советские армии завоевали потрясающую победу над германским империализмом; после крушения фашистского режима в мае 1945 года, международный престиж Советского Союза стоял в зените. Кроме того, советская оккупация Восточной Европы постепенно, несмотря на начальное личное сопротивление Сталина, привела к взятию власти местными сталинскими партиями, к экспроприации буржуазии и огосударствлению производительных сил.

Под давлением этих событий возникла новая линия аргументов против анализа, предложенного Троцким в «Преданной революции». Эти аргументы заявляли, что Троцкий был чрезмерно категоричен в его осуждении сталинского режима и недооценивал его остававшийся революционный потенциал. Несмотря на ошибки и, даже преступления, совершенные советской бюрократией, она все еще осуществляла, правда своим собственным жестоким и прагматичным путем, историческое наследие Октябрьской революции и большевистской партии. Это теоретическое и политическое оправдание сталинизма было впервые выдвинуто в 1949 году в биографии Сталина, написанной Исааком Дойчером, эмигрантом из Польши, который раньше активно участвовал в левой оппозиции, но порвал с Троцким

¹⁶ В 1934 году, за семь лет до войны между Германией и СССР, Троцкий предложил такую оценку развития событий и военной силе СССР: «Чтобы оценить силу Красной армии, нет надобности ни в какой идеализации того, что есть. Говорить о благоденствии народов Советского Союза, по меньшей мере, рано. Есть слишком много нужды, горя, несправедливости, а следовательно, и недовольства. Но мысль о том, будто советские народные массы склонны ждать помощи от армий Миклода или Гитлера не может быть оценена иначе, как бред. Несмотря на все трудности переходного режима, политического и нравственного спайка народов СССР достаточно крепка, во всяком случае крепче, чем вероятных врагов. Сказанное вовсе не означает, что война, хотя бы победоносная, была бы в интересах Советского Союза. Наоборот, она далеко отбросила бы его назад. Но сохранение мира зависит, по крайней мере, от двух сторон. Надо брать факты, как они есть: война не только не исключена, она почти неизбежна».

«Кто умеет и хочет читать в книге истории, тот поймет заранее, что, если русскую революцию, действуя с приливами и отливами уже почти тридцать лет (с 1905 г.), заставят направить свой лоток в русло войны, она развернет грохотную и сокрушительную силу». [Красная Армия, стр. 16-17, Архив Троцкого, Гарвардский Университет, T-3653].

из за решения учредить Четвертый Интернационал.¹⁷ Работа Дойчера, «Сталин: политическая биография» объяснила, что его сопротивление по отношению к учреждению Четвертого Интернационала было основано не на тактических соображениях о возможности этого проекта, как он ранее утверждал. Его несогласие выросло из совершенно иной оценки сущности сталинского режима.

Дойчер отверг утверждение Троцкого о контр-революционном характере сталинского режима. Он не верил, что этот режим представляет орган империализма в советском и международном рабочем движении, что сталинская бюрократия подготавливает почву для реставрации капитализма в Советском Союзе. Далее, Сталин не является, несмотря на утверждение Троцкого, «могилишком революции». Дойчер писал, что Сталин принадлежит к тому роду великих революционных деспотов, как Кромвель, Робеспьер и Наполеон.... Он велик, если его мерить по размаху его попыток, широте его действий, огромной величине сцены, которую он занимает. Он революционер, не в том смысле, что он остался верен всем первоначальным идеям революции, а тем, что он осуществил фундаментально новый принцип социальной организации...» (Isaac Deutscher, *Stalin: A Political Biography* [New York: Oxford University Press, 1949], pp. 565-66).

В сложных и трудных условиях, окружавших троцкистское движение после окончания Второй Мировой войны, мнения Исаака Дойчера нашли отклик и были программно сформулированы Мишелем Пабло и Эрнестом Манделем, которые тогда играли ведущую роль в Интернациональном Секретариате Четвертого Интернационала в Европе. В свете послевоенных событий ортодоксальная троцкистская перспектива казалась им весьма проблематичной. Не правда ли, спрашивали они, что международный престиж советского режима и авторитет местных компартий, несмотря на все их преступления и предательства, стоят выше, чем когда либо? Не правда ли, что свержение капиталистической собственности в Восточной Европе было результатом не пролетарской революции по образцу 1917 года, а интервенции Красной Армии? Не значит ли это, что советская бюрократия все еще может играть исторически прогрессивную и даже революционную роль? Итогом этих импрессионистских и скептических соображений была фундаментальная ревизия троцкистской программы, развитой на основе «Преданной революции». Они пришли к выводу что 1) советская бюрократия являлась не агентством империализма в рабочем движении, а его революционным врагом; 2) сталинский режим был не историческим рецидивом, результатом поражений рабочего класса, а необходимой и закономерной формой развития социализма; и 3) восточноевропейские режимы, созданные под эгидой советской бюрократии являлись историческими прототипами «искаженных рабочих государств», через которые в течение нескольких столетий осуществится социализм.

Хотя практические политические выводы Пабло и Манделя были, на первый взгляд совершенно иными, чем заключения Бернама и Шахтмана за десять лет до того, их подпочвенная историческая перспектива была, на более глубоком уровне, поразительно схожа. Обе теории отрицали марксову идею о независимой и созидательной исторической миссии рабочего класса. Хотя каждая предлагала различные теории о характере «после-капиталистического» общества: тоталитарно-коллективистские «общества управляющих» (Бернам-Шахтман) и социалистические «искаженные рабочие государства» (Пабло-Мандель), они соглашались между собой, что решающим

инструментом исторического превращения стала бюрократическая элита.

В формулировке своей перспективы, Пабло и Мандель ошибались, делая обширное теоретическое обобщение из конкретных политических событий, которые они искусственно вырывали из их международного и исторического контекста. Так, они придали большое прогрессивное значение сталинистской экспроприации буржуазной собственности в Восточной Европе, забывая при этом роль, которую сыграл Кремль в саботаже революционного движения западноевропейского пролетариата в конце и сразу по окончании Второй Мировой войны. Они упустили из виду тот факт, что изменения в имущественных отношениях, бюрократически осуществленные в Восточной Европе, существенно не оспорили, а во многом, даже усилили политические соглашения между Москвой и империалистами в Ялте и Потсдаме. Что еще значительней, бюрократическая экспроприация буржуазии на территориях, захваченных Советской Армией, сопровождалась жестоким удушением всякой независимой, революционной, политической деятельности рабочего класса.

Мысли лишь в рамках Восточной Европы, — то есть, абстрагируя международный и исторический контекст, — меры, принятые под давлением Москвы имели прогрессивный характер. Но тот факт, что режимы установленные сталинцами в Восточной Европе по окончании Второй Мировой войны были несомненно лучше, чем военно-фашистские режимы Хорти в Венгрии, Пилсудского в Польше и Антонеску в Румынии, даже не упоминая разные монархии на Балканах, не означает, что они представляли закономерные пролетарские революции или новые точки отправления в социальном развитии человечества. Наоборот, в той степени, что послевоенные меры Кремля подрывали революционную инициативу рабочего класса во всем мире и, поэтому, помогали стабилизации мирового капиталистического порядка, суммарный баланс событий в Восточной Европе был отрицательным.

В своем блестящем предвидении послевоенной ситуации, Троцкий осветил именно этот момент в конце 1939 года, когда он оценил политические последствия экспроприаций, осуществляемых на территории, захваченной Советской Армией после вторжения в Польшу:

«Чтобы создать возможность оккупации Польши посредством военного союза с Гитлером, Кремль долго обманывал и продолжает обманывать массы СССР и всего мира и довел этим до полного разложения ряды своего собственного Коминтерна. Главным мерилом политики являлись для нас не преобразования собственности на том или другом участке территории, как ни важны они могут быть сами по себе, а изменение в сознательности и организованности мирового пролетариата, повышение его способности защищать старые завоевания и совершать новые. С этой единственно решающей точки зрения политика Москвы, взятая в целом, полностью сохраняет свой реакционный характер и остается главным препятствием на пути к международной революции...»

«Огосударствление средств производства, сказали мы, есть прогрессивная мера. Но ее прогрессивность относительна, ее удельный вес зависит от совокупности всех остальных факторов. Так, прежде всего приходится установить, что расширение территории бюрократического самодержавия и паразитизма, прикрытое «социалистическими» мерами, может увеличить престиж Кремля, породить иллюзии насчет возможности заменить пролетарскую революцию бюрократическими маневрами и пр. Это зло далеко перевешивает прогрессивное содержание сталинских реформ в Польше. Чтоб национализация собственности в оккупированных областях, как и в СССР, стала основой действительно прогрессивного, т.е. социалистического развития, необходимо низвергнуть московскую бюрократию. Наша программа сохраняет, следовательно, всю свою

¹⁷ В заключительном томе своей биографической работы о Троцком, Дойчер признает, что он был автором аргументов против учреждения Четвертого Интернационала, выдвинутых двумя польскими делегатами во время учредительной конференции в 1938 году. (Читайте *The Prophet Outcast*, Vinage, p. 421.)

силу." I. СССР в войне", Бюллетень Оппозиции, №79-80, август-октябрь 1939 г., стр. 8-9; Бюллетень Четвертого Интернационала, №4, февраль 1991 г., стр. 117-181.

Когда Троцкий написал эти строки он не ожидал, что расширение бюрократического самодержавия и паразитизма породит иллюзии о "прогрессивном" характере сталинизма среди руководства Четвертого Интернационала. "Объективные социальные реалии, — писали Пабло и Мандель в начале 50-х годов, — состоят в основном из капиталистических режимов и сталинского мира", таким образом отбрасывая классовую борьбу, как незначительный, тем менее, независимый и решающий фактор в историческом процессе. Эта точка зрения на социальные реалии была несовместима с понятием, что будущее человечества зависит от построения массовой революционной партии в рабочем классе. Пабло и Мандель принизили политическую роль троцкистского движения до роли неофициального, закулисного советника сталинских партий в деле создания искаженных рабочих государств. На основе такой поразительной перспективы — нашедшей свое самое экстравагантное выражение в апокалиптической теории, что социализм выйдет из ядерной войны между Советским Союзом и Соединенными Штатами — Пабло и Мандель, злоупотребляя своим политическим авторитетом в Интернациональном Секретариате, начали систематически демонтировать существующие секции Четвертого Интернационала. Например, когда руководство французской секции отказалось выполнить распоряжения Интернационального Секретариата о самоликвидации в французскую компартию, Пабло и Мандель безапелляционно исключили большинство секции из Четвертого Интернационала.

Пабло и Мандель нашли дальнейшее оправдание своей ревизии троцкистской программы и предложения ликвидировать Четвертый Интернационал в политическом беспорядке внутри Кремля сразу же после смерти Сталина в марте 1953 года. Они не только утверждали, что советская бюрократия готовится выполнить свою "войну-революцию" против мирового империализма; они также заявляли, что она начала процесс прогрессивной само-реформы. В ходе выполнения исторической миссии, которую Пабло-Мандель приписывали бюрократии, под руководством реформистских элементов, как Хрущев и Микоян, бюрократия очистится от специфично сталинских характеристик и возродится, как большевистская организация! Эта фантастичная концепция было совершенно чужда научному анализу сталинского режима, сделанному Троцким в "Преданной революции". Сущность сталинизма состояла для Троцкого не в конкретных методах, которые употребляла бюрократия для своего политического правления; социальный характер бюрократии, как касты, привилегии которой зависят от ее монополии политической власти определяют конкретные методы, применяемые ею для сохранения этой монополии. Итак, политически невообразимо, что бюрократия существенно реформирует себя, то есть, изменит свою социальную сущность и перестанет быть привилегированной кастой. Словами не позволяющими превратного толкования, исключая тех, кто не согласен с тем, что они читают, Троцкий писал: "Все показание сходятся на том, что дальнейший ход развития должен с неизбежностью привести к столкновению между культурно возросшими силами народа и бюрократической олигархией. Мирного выхода из кризиса нет. Ни один дьявол еще не обстригал добровольно своих когтей. Советская бюрократия не сдаст без боя своих позиций. Развитие явно ведет на путь революции." (Глава "Куда идет СССР").

По мере того, как политические последствия ревизии Пабло-Манделя стали ясней, ортодоксальные троцкисты внутри Четвертого Интернационала сформировали Интернациональный Комитет для руководства борьбой против капитуляции Интернационального

Секретариата перед сталинизмом. Эта борьба была открыта Джеймсом Кэнноном, основоположником троцкистского движения в Соединенных Штатах. В "Открытом письме к мировому троцкистскому движению" написанному в ноябре 1953 года, Кэннон еще раз подтвердил те принципы, на которых Троцкий основал Четвертый Интернационал. "Начиная со своего зачатия, — напомнил Кэннон кадрам мирового движения, — Четвертый Интернационал поставил революционное свержение сталинизма внутри и за пределами СССР, как одну из своих основных задач." Кэннон настаивал, что сталинизм остается основным препятствием, стоящим на пути к организации рабочего класса на основе настоящей революционной программы, что сталинизм "который привлекает рабочих через эксплуатацию престижа Октябрьской Революции в России, чтоб вслед за тем, предав их доверие, оттолкнуть их обратно в объятия социал-демократии, или в апатию, или назад к иллюзиям в капитализм" (C. Slaughter, editor, *Trotskyism Versus Revisionism: A Documentary History* [London: New Part Publications, 1974], vol. 1, p. 300).

Основываясь в полной мере на теоретических понятиях, разработанных 17 лет до того в "Преданной революции", ортодоксальные троцкисты основавшие Интернациональный Комитет, сумели разработать анализ после-военного и после-сталинского сталинизма, поразительное предвидение которого может быть полностью оценено лишь в свете недавних событий. Они подчеркивали, что роль советской бюрократии в конце Второй Мировой войны была фундаментально реакционной. "Например, — объяснили они, — вся послевоенная политика Кремля по отношению к Германии, ключевом государстве в Европе, — участие Москвы в разделе Германии, ее режим в Восточной Германии, ее дипломатические маневры в отношении Западной Германии, — помогает капиталистической реакции и облегчает цели империализма."

Сопротивляясь паблотроцкистскому восхвалению сталинских режимов в Восточной Европе, как политических прототипов нового мирового порядка бюрократического социализма, ортодоксальные троцкисты заявляли, что эти ненавидимые режимы исторически нежизнеспособны и сами погибнут от рук революционного движения рабочего класса. Они заявляли, что восстание восточногерманских рабочих против сталинского режима в июне 1953 года не только доказало непримиримую вражду между паразитической бюрократией и пролетариатом, но также дало понять о будущем развитии событий во всей Восточной Европе и внутри самого СССР. "Троцкисты, — писали они, — основывают свою революционную перспективу на зреющих противоречиях между бюрократической системой и рабочими массами; эти противоречия приведут массы к открытому сопротивлению против тоталитарной диктатуры. Восточногерманские события предвещают развития в этом смысле также и внутри Советского Союза."

История оправдала политическую и теоретическую борьбу Интернационального Комитета против ревизии троцизма со стороны тенденции Пабло-Манделя. Недавнее развитие событий нанесло сокрушительный удар по ревизионистам этой группы. Распад сталинских режимов в Восточной Европе представляет собой самое красноречивое опровержение ревизионистского утверждения, что "искаженные рабочие государства" представляли необходимую форму перехода к социализму. Не распространившись по всему миру, не просуществовав века, сталинские режимы наоборот продлились менее четырех десятилетий.¹⁸

¹⁸ Мы могли бы добавить, что события в Восточной Европе нанесли не менее тяжелый удар по различным теориям о "новом классе" и "государственном капитализме". Если какой-либо факт и стал абсолютно ясным из-за краха сталинских режимов, то это то, что они не представляли ни конкретную форму

История не удовлетворилась простым опровержением Манделя. С его собственной помощью она его сумела опростоволосить. Совсем недавно в 1988 году, Мандель патетично завершил свои почти 40 лет про-сталинистской апологетики написав энергичную хвалу Михаилу Горбачеву, назвав ее «За перестройкой». Назвав Горбачева одним из величайших политических лидеров XX века, Мандель осудил «глупую теорию, что советский лидер пытается восстановить капитализм в Советском Союзе» (Ernest Mandel, *Beyond Perestroika* [New York: Verso, 1988], p. 129). Объявляя о своей политической солидарности с политикой Кремля, Мандель заявил, что «если реформы Горбачева смогут продолжиться и их побуждение не будет потеряно или отвергнуто, то перестройка начнет со временем приносить плоды и жизненные уровни людей поднимутся. В этом случае опыт Горбачева удался» (там же, стр. xv).

Вовсе не нужно отвечать на мандельскую защиту Горбачева от обвинения, что последний восстанавливает капитализм. Как мы уже заметили, «глупая теория», что политика советской бюрократии неминуемо ведет к реставрации капитализма была сформулирована Львом Давидовичем Троцким. Но со времени прихода к власти Горбачева, этот анализ нашел не одно только теоретическое подтверждение в форме общей исторической тенденции. Намеренное и систематическое уничтожение национализованной собственности и основ центрального планирования советского хозяйства уже привело СССР к грани полного хозяйственного краха. Близкие советники Горбачева открыто признают свое восхищение теориями Милтона Фридмана и политикой Маргарет Тэтчер. Новые советские законы о собственности были начертаны под присмотром буржуазных профессоров; горбачевские экономические планы «шоковой терапии» проходят проверку и корректировку в руках Интернационального Монетарного Фонда. Уже далеко зашла интеграция Советского Союза в экономическую и политическую структуру мирового империализма. Итак, все контр-революционные тенденции сталинизма осуществляются на практике горбачевской перестройкой.

Когда пишутся эти строки и идут последние приготовления к публикации этого нового издания «Преданной революции», международная пресса полна новыми известиями из Москвы, где «демократический» Съезд Народных депутатов голосует за фактически неограниченные права Горбачева справиться с кризисом в Советском Союзе. Лишь пару месяцев после получения одного из наиболее престижных призов буржуазного мира, нобелевский лауреат злобно потрясает ежовой рукавицей по адресу мятежного населения и угрожает восстановить «закон и порядок». Внезапное крушение демократических претензий гласности подтверждает еще одно

государственно-управляемого капитализма, ни новую форму эксплуататорского общества, основанного на исторически уникальных формах собственности, разработанных бюрократией.

Основываясь на различных теориях государственного капитализма невозможно объяснить преобразования имущественных отношений, проводимые сейчас в Восточной Европе. После ликвидации Восточной Германии, ее хозяйственная структура не могла быть попросту присоединена и интегрирована в западногерманскую. Восстановление капитализма осуществляется на основе систематического уничтожения государственной собственности.

К тому же понятно, что правление бюрократии коренилось не в формах собственности, представлявших собственную независимую историческую миссию нового правящего класса. Как только их лишили поддержки вооруженных сил советской бюрократии, восточноевропейские режимы остались без каких либо независимых средств сохранить свою власть. Кроме того, оппортунистическое, паразитическое и, в большой мере, враждебное отношение бюрократии к старым государственным формам собственности было доказано той скоростью, с которой значительные секции бюрократической элиты обжали капиталистический рынок. Ни один правящий класс в истории еще так успешно не соглашался с уничтожением имущественных форм и социальных отношений, от которых зависит его собственное существование.

предсказание сделанное Троцким: капитализм не может быть восстановлен в Советском Союзе мирным и демократическим путем и, что, напротив, восстановление настоящей, то есть, советской демократии в СССР возможно лишь на основе анти-бюрократической политической революции. Или, как кратко выразился Троцкий, «на пути к капитализму контр-революция должна была бы сломить сопротивление рабочих; на пути к социализму рабочие должны были бы низвергнуть бюрократию» (Глава «Что такое СССР?»).

...

У книг есть своя судьба: будущее «Преданной революции» связано с судьбой ее принципов и идеалов. Внутри Советского Союза и других стран под давлением сталинских партий, она была запрещена, как и все остальные работы Троцкого. Сталин не пытался оспаривать аргументами «Преданную революцию»; вместо этого он послал убийцу в Мексику. Даже после смерти Сталина, так называемая «оттепель» не дошла до Троцкого. Сталинцам было недостаточно убить Троцкого; они пытались убить и его идеи. Поколения советских школьников учились из учебников, которые систематически извращали самые основные факты о жизни Троцкого и гротескно искажали его политические идеи. Совсем недавно в ноябре 1987 года, Михаил Горбачев, в своей речи по телевизору, посвященной семидесятой годовщине революции на постыдилась наврать о роли Троцкого в 1917 году и в первые годы советского государства. Запрет на работы Троцкого был частью огульного уничтожения огромного сооружения марксистской политической культуры, которая в прошлом цвела в рабочем классе и среди социалистической интеллигенции. Если начальные шаги нынешней политической дезинтеграции сталинского режима проходят под влиянием анти-коммунистических крикунов, то это происходит лишь потому, что великое наследие марксистской борьбы против бюрократии остается до сего дня, — но мы надеемся ненадолго, — неизменным в советском народе. Если взять за мерку политического ренессанса советских масс те потоки корреспонденции от советских рабочих и интеллигентов, которые почти ежедневно приходят в парткомы Интернационального Комитета Четвертого Интернационала, то нет никакого сомнения, что «Преданная революция» сыграет огромную роль в возрождении советской революции.

Но влияние «Преданной революции» распространится далеко за границы Советского Союза. В течение десятилетий, умелые мастера общественного мнения в Соединенных Штатах пытались, с известным успехом, изолировать рабочий класс и критически настроенные слои интеллигенции от марксизма. Их успех зависел гораздо больше от деятельности кремлевской бюрократии и ее агентов, чем от прямых репрессий. Тот факт, что средства буржуазной массовой информации постоянно зовут сталинских гангстеров «марксистами» и «коммунистами» вовсе не является простым недоразумением. Из всех услуг, которые сделал мировому империализму сталинизм, ни одно не было столь важным, как дискредитация социализма в глазах широких слоев рабочего класса. Фальсификация и деградация марксизма от рук сталинцев сыграла решающую роль в интеллектуальном и политическом обеднении рабочего движения в капиталистических странах, прежде всего, в центрах мирового империализма.

Но углубляющийся кризис мирового капиталистического порядка, вместе с последними политическими потрясениями в Советском Союзе, Восточной Европе и Китае, неминуемо ведут к возрождению интереса в классиках марксизма. Две величайшие эхи послевоенной эпохи, — что сталинизм выражает социализм и, что капитализм, хотя бы в метрополиях, совместим с миром и демократией, — крушатся под давлением событий. Ни прагматичные буржуазные нострумы органов

массовой информации, ни пресный экзистенциальный фатализм, культивируемый в университетах, не могут удовлетворить требования трудящихся масс в выходе из социальной катастрофы, к которой ведет капитализм.

Принципам Льва Давидовича Троцкого и Четвертого Интернационала, так блестяще изложенным в этой книге, суждено глубоко повлиять на будущий ход мировой истории.

Давид Норт
Детройт, Мичиган, США
29 декабря 1990 г.

Статьи Л. Д. Троцкого:

Экс-радикальная интеллигенция и мировая реакция¹⁹

Старшее поколение радикальной интеллигенции находилось за последнее десятилетие под большим влиянием сталинизма. Сейчас поворот от сталинизма, по крайней мере, в передовых странах, распространяется все шире и шире. Одни искренне разочаровываются в своих иллюзиях, другие видят просто, что корабль в опасности и спешат покинуть его. Было бы наивно ожидать, что эти «разочарованные» вернутся к марксизму, которого они, по существу дела, никогда не знали. Отход от сталинизма означает для большинства интеллигентов полный разрыв с революцией и пассивное примирение с национальной демократией. Такие «разочарованные» образуют своего рода питательную среду для бастиона скептицизма и пессимизма. «Сейчас ничего сделать нельзя, говорят они, Европа все равно попадет целиком под власть фашизма, в Соединенных Штатах буржуазия слишком могущественна. Революционные пути не ведут никуда. Надо приспособиться к демократическому режиму, надо защищать его от ударов. IV Интернационал не имеет будущего, по крайней мере, в течение ближайших двух-трех десятилетий» и т. д. и т. д.

Среди разочарованных не одни сталинцы, есть и временные попутчики большевизма. Виктор Серж, — чтоб назвать один пример, — объявил недавно, что большевизм переживает кризис, который предвещает «кризис марксизма». В своей теоретической невинности Серж воображает, что он первым сделал это открытие. Между тем во все реакционные эпохи десятки и сотни неустойчивых революционеров провозглашали «кризис марксизма», последний, окончательный, смертельный кризис. Что старая большевистская партия израсходовалась, выродилась, погибла — это бесспорно. Но гибель определенной исторической партии, которая в известный период опиралась на марксистскую доктрину, вовсе не означает гибель этой доктрины. Поражение армии не отменяет основных начал стратегии. Когда артиллерист дает промах, то этим не отменяется баллистика, т. е. алгебра артиллерии. Когда армия пролетариата терпит поражение, или партия его вырождается, то это не отменяет марксизма, который есть алгебра революции. Что Виктор Серж переживает «кризис», т. е. безнадежно растерялся, подобно тысячам других интеллигентов, это ясно. Но кризис Виктора Сержа не есть кризис марксизма.

Троцкий за работой

Во всяком случае, ни один серьезный революционер не станет измерять ход истории масштабом растерянных интеллигентов, разочарованных сталинцев и унылых скептиков. Мировая реакция несомненно достигла ныне чудовищного размаха. Но этим самым она подготовила величайший революционный кризис. Фашизм может захватить всю Европу. Однако удержаться в ней он не сможет не только «тысячу лет», как мечтает Гитлер, но и десять лет. Фашизация Европы означает чудовищное обострение классовых и международных противоречий. Нелепо, не научно, не исторично думать, что реакция будет развиваться так же медленно, как накапливалась. Реакция означает механическое подавление противоречий. На известном уровне взрыв неминуем. Мировая реакция будет свергнута величайшей исторической катастрофой, вернее, серией революционных катастроф. Ближайшая война, которую теперь все ждут в самый короткий срок, будет означать крушение всех иллюзий не только реформизма, пацифизма и демократизма, но и фашизма. Один единственный маяк будет возвышаться над кровавым хаосом: маяк марксизма.

Гегель говорил: все разумное действительно. Это значит: всякая идея, которая отвечает объективным потребностям развития, приходит к торжеству и победе. Ни один интеллектуально честный человек не может отрицать, что тот анализ и тот прогноз, который давали большевики-ленинцы (IV Интернационал) в течение последних пятнадцати лет, нашел и находит полное подтверждение в событиях наших дней. Именно этой уверенностью в своей правоте крепки и несокрушимы

основные секции IV Интернационала. Те катастрофы европейского и мирового капитализма, которые надвигаются на человечество, расчищают путь перед закаленными кадрами революционных марксистов. Предоставим разочарованным хоронить своих мертвецов. Рабочий класс — не мертвец. На нем по-прежнему держится общество. Он нуждается в новом руководстве. Он не найдет его нигде, кроме IV Интернационала. Все разумное действительно, т.е. реально. Социалдемократия и сталинскратия уже сейчас представляют грандиозные фикции. А IV Интернационал представляет собой несокрушимую реальность.

Л. Троцкий 30 января 1939 г.

Еще о «кризисе марксизма»²⁰

Когда в доброе старое время говорили о кризисе марксизма, то имели в виду совершенно определенные положения Маркса, которые будто бы не выдержали испытания фактов, именно: теорию обострения классовой борьбы, так называемую «теорию обнищания» и так называемую «теорию крушения» капитализма. На эти три центральных пункта обращались удары буржуазной и реформистской критики. Сейчас споры на эту тему просто невозможны. Кто возьмется доказывать, что социальные противоречия не обостряются, а смягчаются? В Соединенных Штатах министр внутренних дел Икес и другие высокие сановники вынуждены в своих речах открыто говорить о том, что «60 семейств» держат в своих руках контроль над хозяйством страны; с другой стороны, число безработных колеблется между 10 миллионами в годы «благополучия» и 20 миллионами в годы кризиса. Те строки «Капитала», где Маркс говорит о поляризации капиталистического общества, росте богатства на одном полюсе и нищеты — на другом, строки, которые обличались, как «демагогия», сейчас оказываются просто фотографией действительности.

Старая либерально-демократическая концепция постепенного и всеобщего подъема благосостояния, культуры, мира и свободы потерпела окончательное и непоправимое крушение. Вслед за ней обанкротилась социал-реформистская концепция, которая представляла по сути своей лишь приспособление идей либерализма к условиям существования рабочего класса. Все эти теории и методы корнями уходили в эпоху индустриального капитализма, свободы торговли и конкуренции, т.е. в то безвозвратное прошлое, когда капитализм был еще относительно прогрессивным строем. Ныне капитализм реакционен. Его нельзя лечить. Его надо позавать.

Вряд ли остались тупицы, которые серьезно верят Блюми не верят, в мгу, что чудовищное обострение социальных противоречий может быть преодолено при помощи парламентского законодательства. Во всех, решительно во всех элементах своего анализа, как и своего «катастрофического» прогноза, Маркс оказался прав. В чем же состоит «кризис» марксизма? Нынешние критики не дают себе труда хотя бы членораздельно сформулировать самый вопрос.

В историю будет записано, что капитализм, прежде чем издохнуть, сделал гигантское усилие самосохранения, которое заполнило собой длительный исторический период. Буржуазия не хочет умирать. Весь унаследованный ею от прошлого заряд она превратила в бешеную конвульсию реакции. Именно в этот период мы живем.

Сила не только побеждает, она на свой манер «убеждает». Натиск реакции не только физически крушит партии, но и морально

разлагает людей. У многих господ радикалов душе уходит в пятки. Своей испуг перед реакцией они переводят на язык беспредметного и всеобщего критицизма. «Что то должно было быть ложно в старых теориях и методах», «Маркс ошибался...» «Ленин не предусмотрел...» Иные идут еще дальше. «Революционный метод обанкротился». «Октябрьская революция привела к злейшей диктатуре бюрократии». Но и Великая французская революция закончилась реставрацией монархии. Мир вообще плохо устроен: молодость приводит к старости, рождение к смерти, «все возникающее достойно гибели».

Эти господа удивительно легко забывают, что человек пролагает себе путь от полуобезьяньего состояния к гармоническому обществу без путеводителя, что задача трудна, что шаг или два шаг вперед соответствуют полшагу, шаг, а иногда и два шага назад, что путь уссеян величайшими прелестями, и что никто не выдумал и не мог выдумать такого секрета, который обеспечил бы непрерывный подъем на историческом эскалаторе. Печально, что господа резонеры не были призваны на совет, когда строился человек и определялись условия его развития. Но это дело, вообще говоря, непоправимо...

...Хорошо, вся предшествующая революционная история, да пожалуй, и вся история вообще, была просто цепью ошибок. Но как быть с сегодняшней действительностью? Как быть с грандиозной армией хронических безработных, с разорением фермеров, с общим понижением хозяйственного уровня, с надвигающейся войной? Скептические мудрецы обещают когда-нибудь в будущем перенумеровать все те альпийские корки, на которых споткнулись великие революционные движения прошлого. Но может быть эти господа скажут нам, что делать дальше, сегодня, сейчас?

Тщетно стали бы мы ждать ответа. Перепуганные резонеры сами разоружают себя пред лицом реакции, отказываясь от научного социального мышления, сдавая не только материальные, но и моральные позиции и лишая себя какого бы то ни было права на революционный реванш в будущем. Между тем условия, которые подготовили нынешнюю волну реакции, крайне неустойчивы, противоречивы, недолговечны и подготавливают новое наступательное движение пролетариата. Руководство им будет по праву принадлежать тем, кого резонеры называют догматиками и сектантами. Ибо «догматики» и «сектанты» не согласны отбрасывать научный метод, пока никто — решительно никто — не предложит ничего лучшего взамен.

Л. Троцкий 7 марта 1939 г.

Основание Четвертого Интернационала

Речь записанная 18 октября 1938 г. на граммафонной пластинке (на английском языке), для митинга в Нью Йорке по поводу 10-ти летия основания американской организации большевиков-ленинцев и по поводу учредительного съезда Четвертого Интернационала.

Дорогие друзья и товарищи!

Я надеюсь, что на этот раз мой голос дойдет до вас, и мне удастся таким образом участвовать в вашем двойном празднике. Оба события: и десятилетие нашей американской организации, и учредительный съезд IV Интернационала заслуживают несравненно большего внимания рабочих, чем все воинственные жесты тоталитарных вождей, дипломатические происки и пацифистские конгрессы. Оба события войдут в историю крупными вехами; никто уже не имеет права больше сомневаться в этом теперь!

Надо тут же отметить, что возникновение американской группы большевиков-ленинцев, по мужественной инициативе товарищей Каннона, Шахмана и Аберна, не стояло особняком, — оно совпадало приблизительно с началом систематической международной работы левой оппозиции. Правда, левая оппозиция в России возникла уже в 1923 г., пятнадцать лет тому назад. Но правильная работа в международном масштабе началась с VI конгресса Коминтерна. Не видя друг друга, мы сошлись с американскими пионерами IV Интернационала прежде всего на критике программы Коминтерна. Так, в 1928 г. положено было начало той коллективной работе, которая через 10 лет привела к выработке нашей собственной программы, утвержденной недавно нашей международной конференцией.

Я скажу, что эта десятилетняя работа была не только настойчивой и терпеливой, но и честной работой. Наши немногочисленные кадры, международные пионеры искали путей революции, как подлинные марксисты, не в своих чувствах и желаниях, но в анализе объективного хода событий. Больше всего мы были озабочены тем, чтоб не обманывать ни других ни себя. Мы искали серьезно и честно. И кое-что существенное нашли. События ясно подтверждают наши прогнозы. Никто не может более отрицать этого!

Джеймс П. Каннон (James P. Cannon) пионер троцкизма в США

Теперь нужно, чтоб мы сумели остаться верны своей программе, т. е. самим себе. Это не легко. Задачи — грандиозны, враги — бесчисленны. Мы имеем поэтому право расходовать наше внимание и время на юбилейные праздники лишь постольку, поскольку на уроках прошлого мы можем готовиться к будущему.

Дорогие друзья! Мы не являемся партией, как другие партии. Наша амбиция не в том, чтоб иметь больше членов, больше газет, больше денег в кассе, больше депутатов. Все это нужно. Но все это

только средство. Наша цель — полное материальное и духовное освобождение трудящихся и угнетенных посредством социалистической революции. Никто не подготовит ее и никто не встанет во главе ее, кроме большевиков-ленинцев. Я повторяю: никто, кроме нас!

Старые Интернационалы — Второй, Третий, Амстердамский, — прибавим к ним еще и Лондонское Бюро — прогнили несказно. Те грозные события, которые надвигаются на человечество, не оставят от них камня на камне. Только Четвертый Интернационал уверенно глядит в будущее, как мировая партия социалистической революции. Не было еще большей задачи на земле!

На каждом из нас лежит великая историческая ответственность. Наша партия требует каждого из нас полностью и целиком. Предоставим филистерам гоняться за собственной индивидуальностью в пустом пространстве. Для революционера — отдать себя партии целиком, значит найти самого себя... Да, наша партия берет каждого из нас без остатка. Зато она дает каждому высшее удовлетворение: сознание, что участвуешь в строительстве лучшего будущего, что несешь на своих плечах частицу судьбы человечества, что твоя жизнь будет прожита не даром!

Верность делу трудящихся требует, поэтому, непреклонной преданности нашей международной партии. Она также может, конечно, ошибаться: общими силами мы будем поправлять ее ошибки. В ее ряды могут попасть недостойные элементы; общими силами будем удалять их. Новые тысячи, которые вступят завтра в ее ряды, окажутся лишены необходимого воспитания; общими силами мы будем поднимать их революционный уровень. Будем, однако, при этом помнить: наша партия есть ныне величайший рычаг истории. Оторванный от этого рычага каждый из нас — ничто. С этим рычагом в руках, мы — все!

Нет, друзья, мы не являемся партией, как другие партии. Недаром нас так бешено преследует по пятам капиталистическая реакция. Убийцами на ее службе являются агенты московской бонапартистской клики. Наш молодой Интернационал знает уже немало жертв. В Советском Союзе они исчисляются тысячами, в Испании — десятками, в других странах единицами. С благодарностью и любовью мы всех их вспоминаем в эти часы. Их тени продолжают участвовать в нашей борьбе...

В своей тупости, в своем цинизме палачи думают, что нас можно запугать. Они заблуждаются. Под ударами мы становимся крепче. Зверская политика Сталина есть политика отчаяния. Убить отдельных солдат нашей армии можно. Запугать — нельзя. Товарищи, — особенно вы, мои молодые друзья — повторим в день этого чествования снова: запугать нас нельзя!

Десять лет понадобилось кремлевской клике, чтоб задушить партию большевиков и превратить первое рабочее государство в зловещую карикатуру. Десять лет понадобилось Третьему Интернационалу, чтоб втоптать в грязь свою собственную программу и превратиться в смердящий труп. Десять лет! Только десять лет! Позвольте мне закончить мою речь предсказанием: в течение ближайших 10-ти лет программа Четвертого Интернационала станет программой миллионов, и эти революционные миллионы сумеют взять штурмом и землю и небо!

Да здравствует Рабочая Социалистическая Партия Соединенных Штатов!

Да здравствует Четвертый Интернационал!

18 октября 1938 г.
Койоакан

Капитализм: жестокая реальность

Безработный рабочий убивает свою семью,
кончает с собой.

„Они были жертвами системы!“

Статья из *Bulletin* Рабочей Лиги США за 12 апреля 1991 г.
Автор: Шила Брем

Понтиак, Мичиган. — Ужасная трагедия поразила на этой неделе рабочий район в этом ранее процветавшем промышленном городе к северу от Детройта. Жители Шеридан Авеню, хорошо ухоженной, обрамленной деревьями улицы односемейных коттеджей были поражены, когда узнали, что попытки одной семьи найти работу и новое начало в жизни окончились смертью в пустыне около города Рено, штате Невада.

Власти в Неваде сообщили, что Давид Гринвуд, 32 лет от роду, убил охотничьим ружьем свою жену Елизавету, 31 год, и их троих маленьких детей — Деррика и Линду Берд, детей миссис Гринвуд от ее предыдущего замужества, и Сторми, двухлетнюю дочку Гринвудов. Потом он повернул ружье дулом к себе. 6 апреля, шестнадцать дней после того как они выехали из Понтиака, пять тел были найдены мертвыми.

За несколько дней до смерти, Давид Гринвуд подал заявление на работу в Able Temporary Service (агентство временной работы) в Ридспорт штата Орегон. Секретарша объяснила ему, что рабочих мест нет, обратиться можно потом. Он казался в отчаянии, сказала она, и спросил, есть ли у него шансы скоро найти работу. Она ответила, чтоб он отозвонил еще раз. Гринвуд ей сказал, что он должен ехать дальше и искать работу.

Деррик Берд

Линда Берд

Сцена трагедии объясняет что произошло. На телах и в старом фордовском пикапе не оказалось никаких денег; горячего в баке было лишь на доннышке. Пикап был доверху загружен личными вещами. В машине было найдено наполовину заполненное заявление на продовольственное пособие в штате Орегон и несколько визиток из агентства временной работы. Семья Гринвуд погибла без гроша, без дома, без возможности даже продолжить свои поиски работы.

21 марта, Гринвуды неожиданно объявили своим соседям на Шеридан Авеню, что им предстоит потерять дом. Шерли Райли, ближайшая соседка Гринвудов, продавшая им дом за 37 тысяч долларов в 1989 году вспоминает: „Они были так восторжены куплей дома, так им горды. Но за день до их отъезда перед домом было выставлено поразившее всех объявление о распродаже.“

„Они иногда говорили, что может они уедут на Запад; все молодые так разговаривают, это было так неопределенно, они попросту болтали. В четверг примерно в 11 утра я увидела, что они загружают пикап. Друзья начали заходить; они выносили мебель из дома. Миссис Стэси и я пошли туда, чтоб узнать, что происходит. Они сказали, что в предыдущий вечер они решили начать свое большое приключение, они едут в Орегон.“

„Там никогда не было шумно, никогда не было никаких проблем. Малыши, десятилетний Деррик и восьмилетняя Линда часто бывали тут у меня. Им не разрешалось бегать по улице, но они могли приходить сюда. Я была их 'бабушкой' и мой муж был их 'дедом.' У меня есть мои собственные два внука и когда они сюда приходили, то детишки Гринвудов бежали сюда играть.“

„Они были такого типа, и он и она, кто всегда разговаривают. Секретов они никогда не держали. Дети были всегда ухоженными, одетыми. У них не было хороших вещей, но они никогда не ходили в лохмотьях. Мы все были так ошеломлены, так потрясены.“

Падение жизненного уровня.

Реальные условия жизни семьи Гринвуд не так уж необычны. Они повторяются в жизни миллионов молодых рабочих семей в Америке. Взгляд на последние несколько лет и последние дни в жизни семьи Гринвудов обнажает потрясающий спад в жизненных условиях всего рабочего класса.

Давид Гринвуд встретил свою жену, когда оба работали в Нумерико, в непрофсоюзной механической мастерской в районе Оберн Хиллс. Они переехали на Шеридан Авеню в красного кирпича коттедж в стиле Кэп Код, когда уже родилась их малютка Сторми.

Гринвуды были поглощены выплатой ежемесячных платежей 225-и долларов за ипотеку за дом. Один из соседей вспомнил о том, как Елизавета Гринвуд часто разговаривала об этой проблеме: „Она рассказывала вам, что происходит. В прошлом году, она рассказывала о том, что она получила обратно излишки подоходного налога и теперь может уплатить за ипотеку.“

Шерли Райли сказала: „Он работал весь день и она ухаживала за детьми; она работала ночью и он присматривал за детьми ночью. Она должна была пойти в госпиталь для операции на обе ноги и была вынуждена оставить работу; в течение долгого времени она лежала в гипсе. Я предполагаю, что это было из-за ее работы, она ведь стояла на ногах весь день.“

Незадолго до Рождества, сам Давид Гринвуд потерял работу. Работая с ядовитыми химикатами он получил серьезную сыпь. Миссис Райли сказала что аллергия произошла от чего то, с чем он работал. Я видела его. Он был покрыт язвами с ног до головы.“

Репортеры в прессе пишут, что Гринвуд подал на компанию за суд, но не мог немедленно начать получать пособие за безработицу. Из

за сужившихся прав на пособия, почти две трети американцев, теряющих работу не могут получить пособия за безработицу.

Коттедж семьи Гринвуд на Шеридан Авеню с объявлением «Продается», выставленным агентством недвижимого имущества.

Миссис Райли объяснила: «Когда он заболел, мы все были обеспокоены проблемой продуктов; мы были так близки к детям. Мы беспокоились, мы ведь знали, что у них проблемы. Во время Рождества они получили пособия от штата, Армия Спасения принесла кое что, мы все кое чем помогли. Но он постоянно искал работу, он все время работал на кратковременных или неполных местах. Он вовсе не лентяй».

Последнее рабочее место Дэвида Гринвуда — на бензозаправке компании Мобил на Авеню Фезерстоун напротив от Понтиак Силвердоум. Он приносил домой лишь сто долларов в неделю.

Ворли Стэйси, другой сосед Гринвудов и сам пенсионер, проработавший всю жизнь на компанию Джeneral Моторс, заметил: «Я читаю в газетах и не могу поверить своим глазам. То что случилось, я думаю, что виновата система. Они были жертвами системы, системы безработицы и социальных пособий. Я сочувствую любому, с кем это случается. Это конечно повлияет на психику любого. Жить в положении, когда у тебя трое маленьких детей и нет никакой возможности за ними ухаживать. Проблемы, которые я бы сказал, любого приведут в отчаяние».

«Они оба были рабочими. Они не лентяи. Он всегда работал или искал работу. Но, как я понимаю, социальная опека не помогала. Иначе говоря, если ты зарабатываешь сто долларов в неделю, то это на два доллара выше того, что разрешает закон, и они тебе ничем не помогут. Это бессмысленно. Они были жертвами системы, это все, что я могу сказать».

«Мы были соседями, не друзьями, а просто дружелюбными соседями. Я встретил его лишь один раз. Я никогда с ним много не говорил, он всегда был где то на работе. Он сказал мне и моей жене, что он зарабатывает сто долларов в неделю. Они не могли покрыть свои платежи за дом».

Бюджетные урезывания штата.

Кроме общего ухудшения в экономическом положении в Понтиаке, особенно уничтожения тысяч неплохо оплачиваемых рабочих мест на фабриках и заводах Джeneral Моторс, еще важны последствия реакционной социальной политики правительства штата Мичиган.

Первого марта всеобщие урезания программы велфэйр (программа социального обеспечения для хронически бедных) и всех других программ социальной опеки были введены республиканским губернатором Джоном Энглером и демократическими главами законодательного собрания штата Мичиган. Это было кульминацией целой серии действий отобрать все необходимые пособия у рабочих и толкнуть их в нищету.

Беседа между Елизаветой Гринвуд и Ворли Стэйси за несколько дней до отъезда семьи из Понтиака на Запад дает понять, что бюджетные сокращения подтолкнули Гринвудов к их фатальному решению покинуть штат Мичиган.

«Они имели затруднения с получением помощи от людей в собесе» — сказала Стэйси. «Лиза сказала, что то ли велфэйр, то ли отдел по безработице выплатил им слишком много и теперь требуют возвращения денег. Они не зарабатывали достаточно, чтоб это выплатить».

За день до отъезда, сказал Стэйси, «Лиза позвонила моему сыну и спросила или он хочет купить их лестницу. Она сказала, что им нужны деньги, чтобы попытаться заплатить долг за дом за этот месяц. Она ничего не сказала об отъезде, только то, что они не могут выплачивать ипотеку и жить на сто долларов в месяц. Семья а пять человек не может прожить на это».

«Они загрузили этот пикап до отказа. Он сказал, что хочет проехать Чикаго до вечера. Она сказала, что они потеряли свой дом. Я попробовал ей сказать, что они не могут его потерять так быстро, что это берет время, что они могут прожить временно на свои активы. Агентство недвижимой собственности поставило вывеску «Продается» за несколько дней до того, как они уехали. Мы не знали, что они не могли продолжать свои выплаты. Мы только знали, что у них затруднения».

Шерли Райли так обобщила свои чувства: «Вся семья была жертвой системы». Она рассказала о случае несколько лет назад, когда семья, живущая на велфэйр пришла к ней в конце месяца, чтоб одолжить немного картошки, чтоб им хватило до того, когда придут их продовольственные пособия за следующий месяц. Она щедро наполнила их корзинку едой и отвела их в собес, где оба нашли работу.

«Но их зарплата была такой маленькой, что они не могли платить за квартиру. Все услуги были отключены собесом. Они получали едва достаточно, чтоб заплатить за квартплату, и у них не было ничего есть. Это было десять лет назад. Почему собес не сказал, мы дадим вам разницу? Это случилось с тремя разными семьями в том доме. Я опасаясь, что то же самое случилось и с Гринвудами».

Клинтон Вэллс.

Газеты написали, что Дэвид Гринвуд страдал от психической депрессии и имел тенденции к самоубийству, и в 1986 году был положен в районную психиатрическую больницу Клинтон Вэллс. Определили, что он страдает дистимией и зависимостью от алкоголя. Это состояние можно лечить лекарствами, но его доктор пометил на больничном листе: «Он нуждается в дальнейшей госпитализации».

Управляющие больницей не объяснили, почему он не лечился после этого. По всей вероятности, Гринвуд был одним из 37 миллионов

американцев без медицинского страхования, кто не обеспечен доступом к необходимому лечению.

Кроме того, программы, вроде психологического лечения, находятся под постоянными нападками в Мичигане, сначала при губернаторе Бланчарде, теперь при Энглере. Во время нынешнего кризиса бюджет штатское правительство намеревается срезать еще 300 миллионов долларов из бюджета психиатрических программ. Четыре поликлиники были закрыты 1 апреля.

Миссис Райли, пенсионерка, проработавшая в учреждениях для ухода за престарелыми и в психиатрических лечебницах, заметила, «Я годами проработала в Новой Шотландии, в Канаде. Я не понимаю этот штат. Я не понимаю эту страну. Я не понимаю, почему здравоохранение не национализировано. Тут, если вы бедный, вам отказывают в медицинской помощи».

Капиталистические газеты и телевизионные станции в районе Детройта превратили смерть Гринудов в сенсацию. Они обрисовали Дэвида Гринауда, как психозного алкоголика, пытавшегося превратить эту социальную трагедию в личную неудачу. Но картина семьи Гринаудов, рисуемая их соседями, совершенно иная.

Хорошие соседи.

Ворли Стэйси объяснил, «Они были хорошими соседями. Она могла все, что угодно для вас сделать. Я плохо вижу и зимой она приходила с детьми и убирала снег потому что я почти не вижу. Они никогда не просили ни цента, они просто это делали».

Другая соседка, Терри Хофалинг, пожилая и больная эмфиземой. Она сказала: «Они пришли и убрали снег зимой. Они делали все возможное, чтоб помочь. Когда мой муж умер в сентябре, Дэвид принес вазу цветов».

«Миссис Райли сказала, «Мой муж год назад имел операцию по удалению легкого и он был очень болен, а я перенесла операцию позвоночника. Они вывели нашу дорожку от снега. Если они подрезали траву в своем дворе, они заканчивали и нашу. Они очищали машину в случае снега. За день от отъезда, Деррик пришел и сказал мне, что бумага застряла в мой двор и он собрал ее. Они выносили мой мусорный ящик каждый понедельник. Они просто были такими людьми».

«В три часа после обеда в четверг я поцеловала детей на прощание, обняла Лизу и Дэвида. Она передала мне ключи и сказала, «Мы позвоним маме (Дэвиде) и скажем, что ключи у вас». Мы не могли их отговорить. Они просто взяли и уехали. Вот и все. Я не могу это забыть. Я все время думаю об этих трех малышах на заднем сиденье. Один из них должен был быть застрелен первым».

Соседние семьи выражают свое соболезнование

Все соседи соболезнуют с трагедией семьи Гринудов. Другие семьи в этом районе испытывают похожие условия безработицы, нищеты и бюджетных урезаний. Сидя на ступеньках своего дома с тремя детьми, Мэри Картер сказала: «Я получаю 37 долларов каждые две недели. Мой муж не может найти работы. Меня так не воспитали, на велфайр. Моя мама работала в Мичиган Балл (телефонная компания); мой папа работал музыкантом».

«Я думаю — это ужасно. Дэвид Гринуд был наверное очень расстроен, денег не было. Я хочу дать моим детям все возможное, но я не могу. И я и мой муж расстроены. Каждый родитель болеет

в душе, если он не может дать ребенку то, что ему нужно, то что он просит».

Мэри Картер и ее дети

Война, чума, голод, смерть: четыре всадника капитализма.

Редакционная статья из газеты "Bulletin" Рабочей Лиги США за 10 мая 1991 г.

Катастрофа, объявившая крестьян юга Бангладеш после циклона 30 апреля лишь последняя из катастроф, принесших смерть и разрушение бедным и угнетенным массам Земли.

Утопление 200,000 людей и судьба еще 10 миллионов, оставшихся без еды, чистой воды или убежища, есть так же мало результат «природных бедствий», как и трагедия курдских и шиитских беженцев в Ираке, убийственная эпидемия холеры в Латинской Америке или голодная смерть 30 миллионов африканцев.

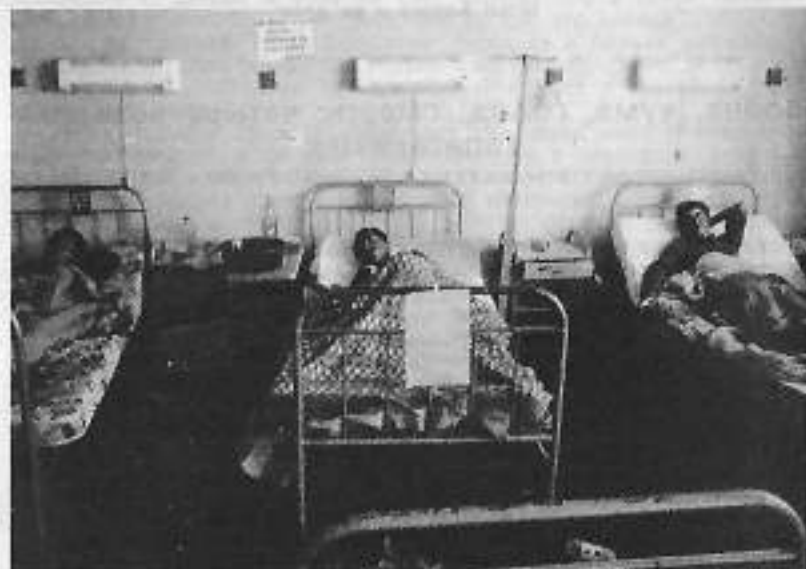
В своей смертельной агонии, капиталистическая система, вместе с присущей ей хозяйственной анархией и лабиринтом национальных границ и таможенных барьеров, приводит к человеческим трагедиям так быстро, что заголовки о вчерашних ужасах в одной части света, вытесняются сегодня новостями о катастрофах где то еще.

Апологиеты капитализма в буржуазной прессе и в университетах могут сколько угодно болтать о «триумфе» системы прибыли. Но вот факты: в конце XX века, несмотря на самые поразительные достижения науки и техники, капитализм не в состоянии разрешить самые элементарные проблемы продовольствия, убежища, одежды, сантехники и безграмотности преследующие громадное большинство населения Земли. Вместо этого, он превращает библейское апокалиптическое видение — Четыре Всадника символизирующих войну, чуму, голод и смерть — в реальность, стоящую перед сотнями миллионов людей.

Например, смерть 20 тысяч курдов и тысяч шиитских беженцев в южном Ираке является прямым последствием империалистической войны Соединенных Штатов и их империалистических и буржуазно-

националистских союзников против маленькой и фактически беззащитной страны. Обширные человеческие страдания среди беженцев последовали вслед за военным убийством более 100,000 иракцев и уничтожением экономической и социальной инфраструктуры всей страны. Империалистические центры капитализма, в своей погоне за ресурсами нефти и переделом сфер влияния в Персидском Заливе, оставили арабским массам наследие смерти, болезней и голода.

Распространение холеры во всей Южной Америке — лишь суровый конечный итог империалистического гнета и хищной сущности местной буржуазии. Все хваленые схемы национальной самостоятельности и развития, которые в прошлом выдавали правящие классы Латинской Америки, рухнули под весом массивной задолженности и давлением кровавых империалистических банков. Огромная перекачка ценностей из Латинской Америки в денежные ящики американских, японских и европейских империалистов ведет к обнищанию рабочего класса и крестьянства целого континента. Хозяйственные и социальные инфраструктуры стран вроде Перу и Боливии рушатся: безработица взвинчена вверх, потерявшие все крестьяне наводняют предместья городов своими шалашными районами — лишенными канализации, или вообще любых санитарных и гигиенических услуг. Холера, — болезнь тесно связанная с отсталостью и разложением, — выражает социальный упадок, произведенный капитализмом в этой части мира.

Жертвы холеры в Лиме, столице Перу.

Голодное бедствие в Африке стало настолько рутинным для буржуазии, что оно даже редко упоминается на страницах газет или в радио и телевизионном репортаже. Агента помощи предполагают, что 30 миллионов африканцев от Либерии до Мозамбика находятся на грани голодной смерти. По странам цифры таковы: Судан — 7,7 миллионов; Эфиопия — 7,5 миллионов; Сомалия — 5,9 миллионов; Мозамбик — 1,9 миллиона; Ангола — 1,9 миллиона; Нигер — 1,8 миллиона; Буркина Фасо — 1,5 миллиона; Либерия — 1,4 миллиона; Малави — 1,0 миллион.

Нашествие СПИДа есть еще одно проявление ужасной нищеты и отсталости в этом регионе. Эксперты предупреждают, что эта болезнь сама по себе к началу XXI века угрожает убить половину населения Уганды.

Нищета населения этих стран разжигается империалистическими интересами, которые грабят национальные хозяйства, манипулируют племенными и общинными раздорами, нанимают наемные армии для убийств и саботажа. Узкий слой местных буржуазных элементов не в силах установить какую либо независимость от империализма и развить нацию на прогрессивной основе. Вместо этого, они действуют все более и более открыто, как компродорские лакеи западных банков и многонациональных корпораций.

Миллионы людей, погибающих от нехватки продовольствия и от болезней на всем африканском континенте — не менее жертвы империалистической катастрофы, чем миллионы жертв в газовых печах Гитлера.

В случае губительного циклона в Бангладеш, кровавая рука империализма видна и здесь. С фундаментальной точки зрения, трагическая судьба утонувших в волнах прилива, как и тех кто спасся лишь чтоб умереть от голода, холода или болезни, есть продукт империалистического раздела индийского субконтинента по окончании Второй Мировой войны. Чтобы поддержать свои экономические интересы в регионе, британский империализм подтолкнул субконтинент к расколу по религиозным признакам, на мусульманский Пакистан и индуистскую Индию. С тех пор, европейские и американские империалисты способствовали общинным и религиозным делениям, чтоб расколоть ряды рабочих и низших крестьян. Индуистская и мусульманская буржуазия явились охотными сообщниками в этом плане сохранить капиталистическое правление. В итоге, хозяйство всего региона оказалось грубо искажено и искоравлено, жизненный уровень масс упал до грани голода. Бангладеш, отколовшаяся от Пакистана в 1971 году под покровительством индийской буржуазии, есть дальнейший результат империалистического разделения и продолжающегося правления местной буржуазии.

Страна с населением в 110 миллионов, но с площадью равной штату Висконсин, Бангладеш является одной из беднейших стран мира; средний душевой доход равенется 170 долларам в год. Плотность населения — 2000 человек на квадратную милю, является третьей самой высокой в мире.

Нищета столь тяжела, что миллионы отчаявшихся безземельных крестьян вынуждены поселяться на южном и юго-восточном берегах страны, возле Бенгальского залива, несмотря на частые циклоны и убийственные приливы, которые заливают эту низменную область. Дальнейшие сотни тысяч поселились на еще более опасных островах, некоторые из которых состоят из ила и всего на несколько футов выступают от уровня океана. Богатые землевладельцы в Читтагонге организуют и поощряют новые заселения отдаленных островков. Взамен, поселенцы обязаны отдавать им часть своего рыбного улова. Часто, посредством оброчной наемной системы, эти поселенцы превращаются фактически в рабов: их долг хозяину продолжает увеличиваться и становится непомерным. Эти уровни капиталистического гнета привели к таким условиям, что в Бангладеш 635,000 людей погибли от шторма за последние 21 год.

Реакция империализма на бедствие происшедшее 30 апреля была на грани равнодушия. Согласно Обществу Красного Креста и Красного Полумесяца, 4 миллиона людей находятся в опасности из за нехватки еды и чистой воды, и стоят лицом к лицу перед эпидемиями холеры и других болезней. Официальные лица ООН и других агентств помощи предупредили, что без крупной и немедленной

помощи, а также и вертолетов для ее переправки в отдаленные места, еще 100.000 бангладешцев погибнут в ближайшие дни.

До сего дня, империалистические страны уделили лишь жалкие гроши в помощь: 12 миллионов долларов от Общего Рынка, 7 миллионов от Великобритании, 2,5 миллиона от Японии, 1,5 миллиона от Канады и лишь 7,1 миллион от Соединенных Штатов. Соединенные Штаты повторно отказались предоставить вертолеты.

Эта неизмеримая человеческая трагедия, по сравнению с которой бледнеет плачевное состояние курдов, потонула на задних страницах американских газет в то время, когда репортажи об иракских курдах день за днем занимают ведущие заголовки и передовицы и выделяются в телевизионных репортажах. И в то время, как США не могут выделить ни одного вертолета для помощи голодающему населению Бангладеш, они тратят миллиарды на обслуживание сотен вертолетов и тысяч солдат на севере Ирака.

Нетрудно разгадать причину такой вопиющей разницы. Американская буржуазия питает не больше симпатии к курдским беженцам, чем к страдающим бангладешцам. Но курды живут в богатом нефтью районе Персидского Залива. Американский империализм с нетерпением использует их страдания для обеспечения своего контроля в этом районе и отражения притязаний европейских и японских конкурентов на их собственные сферы влияния в регионе.

„Гуманитарная“ помощь погибающим бангладешцам не обещает подобных выгод. Один из официальных лиц в одном из агентств помощи, заметив отсутствие интереса в помощи, сказал открыто: „Так ведь, геополитическая заинтересованность к Бангладеш отсутствует.“

Война, чума, голод, смерть — таковы капиталистические блага в конце XX века. Эти блага ожидают также и рабочий класс Советского Союза и Китая, если сталинистские бюрократы и их империалистические партнеры сумеют реставрировать капитализм. Рабочий класс в империалистических странах, как Соединенные Штаты, тоже все более ощущает настоящее обличье капитализма в форме массовой безработицы, бездомности, бюджетных урезаний, сокращений профсоюзов и милитаризма.

Вывод, к которому должен прийти рабочий класс — это необходимость построения Мировой Партии Социалистической Революции, Интернационального Комитета Четвертого Интернационала — чтобы навсегда выбросить капиталистическую систему, куда ей положено, в мусорный ящик истории.

.....

Экономические „нелепости“ и американский капитализм

Заметка Мартина Маклофлина из газеты *Bulletin* Рабочей Лиги США за 10 мая 1991 г.

Статья, опубликованная на первой странице субботней *„The New York Times“* описывает экономический кризис, охвативший Восточную Европу в результате демонтажа планированных хозяйств в этом регионе и расторжения долгих связей с Советским Союзом, одним из важнейших рынков экспорта для таких стран, как Польша, Чехословакия и Венгрия.

Репортер, Стифен Энгельберд, ссылается мимоходом, как бы о само собою разумеющемся и доказанном факте, на „врожденную нелепость“ центрально управляемых хозяйств. Как вообще во всем репортаже в капиталистической прессе Америки о кризисе в Восточной Европе и Советском Союзе, Энгельберд не делает различия между центральным планированием, как оно виделось Марксу и Энгельсу, и исполнялось Лениным и Троцким, и извращением

центрального планирования, осуществленным при тоталитарном правлении сталинистской бюрократии.

Суперцентрализация этой системы, распространенная в Восточную Европу по окончании Второй Мировой войны, вовсе не является необходимой предпосылкой социализма или планирования, а выражает политические нужды привилегированной бюрократии, которая узурпировала власть советского рабочего класса и попыталась удержать свою политическую монополию через концентрацию всей административной власти в Кремле.

Капиталистическая пресса обычно идентифицирует сталинизм и центральное планирование, чтобы дискредитировать социализм, и никогда не упоминает о критике сталинизма слева Троцким и Четвертым Интернационалом.

Статья Энгельберда демонстрирует фундаментальные предрассудки капиталистической прессы. Репортеры, даже в тех редких случаях, когда они описывают социальные условия в Соединенных Штатах, и не думают оценить их, как факты, обнажающие „врожденные нелепости“ капиталистической системы. Но как же иначе охарактеризовать следующие примеры:

Бездомный в городе Нью Йорке

• Согласно анализу Статистического Бюро, сообщенному агентством *Associated Press* 26 апреля, 10,3 миллиона домов, коттеджей и квартир в Соединенных Штатах пустуют. Наиболее высокий процент пустых жилищ — на юге, включая Флориду, Луизиану и Техас, где крах сберегательных касс оставил целые жилищные кварталы и микрорайоны незаселенными. В то время, как число пустующих жилищ увеличилось на два миллиона в течение 80-х годов, число бездомных в тот же период перевалило за три миллиона. Логика „рыночной

экономики* не позволяет разместить три миллиона бездомных в десять миллионов пустых квартир: эти люди — бедные, безработные или очень низко оплачиваемые — не могут позволить себе квартплату.

* Репорт в газете *«Wall Street Journal»* 1 мая под заголовком, «Хотя лечение есть, нищета убивает многих больных раком», ссылается на цифры данные Национальным Институтом по Раку, которые показывают, что процент больных грудным раком, выживающих пять лет, прямо зависит не от их здоровья или лечебных процедур, а от их доходов. 78% всех больных грудным раком в Гарлемском госпитале в Нью Йорке, умерли в течение пяти лет от диагностирования. В случае белых женщин, зарабатывающих более 30 тысяч долларов в год, смертность была лишь 22% из за более раннего диагноза и быстрого доступа к лечению. Даже когда бедные женщины находят рак рано в его развитии, они очень часто месяцами ждут своей биопсии, а в это время опухоль может разрастись до неоперабельных размеров.

* 26 апреля чиновник в администрации Буша свидетельствовал, что правительство США не может уделить ни одного миллиарда долларов для необходимого лечения психиатрически больных, бездомных людей. Кристина Най, директор отдела Медикэйр в бюро, которое оплачивает здравоохранение, сослалась на «режим денежных ограничений». Администрация Буша потратила почти миллиард в день на войну в Персидском Заливе и запланировала расходы на сумму в 500 миллиардов на покрытие банкротства сберегательных касс. На прошлой неделе, Конгресс вотировал начальное разрешение на выплату 30 миллиардов первого взноса для того, чтоб выручить Федеральную Страховую Корпорацию Ваносов (*Federal Deposit Insurance Corporation*), которая страхует ведущие банки.

Подобные примеры разложения американского общества под давлением углубляющейся рецессии, финансового кризиса и всемирной торговой войны происходят каждый день. Но мы сошлемся лишь на один добавочный пример, на этот раз из *«New York Times»*. Номер за 14 апреля напечатал репорт корреспондента в Китае, Николаса Кристофа, который заметил, что уровень детской смертности был ниже, а продолжительность жизни — выше в крупнейшем городе Китая, Шанхае, чем в городе Нью Йорке, и это несмотря на огромное превосходство медицинской техники в Соединенных Штатах.

В Шанхае, 10,9 из каждой тысячи новорожденных умирают в первый год жизни; в Нью Йорке, этот уровень на 20% выше — 13,3 из тысячи. Ожидаемая продолжительность жизни в Шанхае — 75,5 лет; в Нью Йорке она стоит на уровне 73 лет у белых, и 70 лет у не-белых. Кристоф указывает, что разница не имеет ничего общего с новейшим оборудованием или деньгами; Шанхай тратит лишь 38 долларов на здравоохранение, по сравнению с Нью Йорком, где тратится 2.100 долларов.

Превосходство китайского здравоохранения — в широкомасштабном планировании, упором на предупредительную медицину и предоставление основного медицинского ухода всем за счет государства. Несмотря на паразитическую роль китайской сталинистской бюрократии, — которая полностью встала на дорогу реставрации капиталистических отношений собственности, — механизмы экономического планирования демонстрируют его огромную силу и потенциал для дальнейшего развития человеческого благосостояния.

Отдел писем

Дорогим корреспондентам от редакции:

Мы с радостью свидетельствуем о получении широкого отклика со стороны советских рабочих, интеллигенции и молодежи. Многие письма являются краткими запросами о литературе, об общей информации о Четвертом Интернационале и Л. Д. Троцком и добрыми пожеланиями в адрес редакции и Четвертого Интернационала. Редакция благодарит всех читателей за эти выражения помощи и солидарности. В меру возможности мы пытаемся ответить на все вопросы и письма. Некоторые письма представляют особенный и широкий интерес для советских рабочих из за выраженных настроений разных слоев населения и затрагиваемых исторических и политических вопросов. Ниже мы печатаем некоторые из корреспонденций и ответов редакции. Ответ следует за письмом из СССР и может быть несколько сокращен для экономии средств.

Анабасис²¹

или

был ли Советский Союз социалистическим и будет ли он советским?

«Да здравствует правда!»

Л. Троцкий, 1937 г.

Передо мной — первые номера *«Бюллетеней Четвертого Интернационала»* на русском языке.... 60 лет назад Каганович утверждал, что «испоганенное, разорванное в клочья рабочим классом, знамя троцкизма» (какой блестящий оборот: «испоганенное... рабочим классом!» — И. Ш.) более не является течением в международном социалистическом движении. Но — о, ирония истории! — вот они чистые «клочки» троцкистского знамени, влые бюллетени с Серпом и Молотом, и — где он, Каганович? — испуганный старичок, доживающий свой век жалким сталинским пугалом среди опустошенного, не без его участия, всесоюзного огорода...

Времена меняются — и новый *«Бюллетень»* тому порукой. Архивные материалы, помещенные здесь, однозначно бесценны поразительной созвучностью сегодняшним проблемам Советского Союза и всего мира. Очень интересен, и совершенно необычен для нас, живущих в России, анализ ее, России, дня сегодняшнего, вчерашнего и завтрашнего, политики Горбачева, Ельцина, сущности перестройки и многого другого — словом, есть что обсудить, тем более, что держась одних и тех же берегов, мы с Вами ощущает подчас противоположные ветры, и призываем ставить разные паруса.

Сталинизм в отдельно взятой стране

«Свинцовый зад бюрократии перевесил голову революции. Такова разгадка советского Термидора.»

Л. Троцкий, 1936 г.

Великая заслуга Л. Д. Троцкого в том, что он первым дал прекрасный марксистский анализ классовой сущности сталинского

²¹ Эта статья была написана и прислана в редакцию *«Бюллетеня»* молодым советским историком.

Анабасис — буквально, «лечь внутрь страны», название двух сочинений: о походе Кира в Грецию (Ксенофонт), и о походе Александра Македонского в Персию (Аристин).

режима, и определил возможные пути развития политической системы СССР, в которой обнаружил эклектическое соединение элементов рабочего государства и дореволюционного режима. При этом, вопрос о будущем СССР остался открытым: либо прямой контрреволюционный переворот бюрократии, либо рабочая революция против бюрократического абсолютизма.

Печально, но первое совершилось, когда Мексика, по привычке, уже стала забывать скромную могилу с Серпом и Молотом, когда Четвертый Интернационал был занят внутренней фракционной борьбой, отдавая предпочтение абстрактной теории перед безрадостной практикой, когда не только троцкисты, но и весь мир не мог разглядеть пертурбаций за «железным занавесом», когда Запад видел лишь тени Кремлевских буфетов, слышал только слабые отголоски народных стонov, и в еле-еле долетающем ветерке, конечно, не мог почувствовать тошнотворный запах гниения, царивший на Российском пепелище среди мощей «рабочего государства».

Хрущевское преодоление культа личности* и частичная реабилитация жертв сталинизма, касавшаяся только пострадавших от чрезмерного рвения ГПУ невинных сталинских клеветов (правда, Хрущев собирался реабилитировать и близких ему «правых» во главе с Бухариным), при всей, бесспорно, имевшей место либерализации режима, эта, так называемая «оттепель», была ничем иным, как «справедливой» реакцией бюрократии на шаткость, нестабильность ее положения (точно подмеченное Троцким).

При всей пробюрократичности сталинского режима в СССР, особенностью его было существование остатков политических институтов, созданных при Ленине и Троцком, были живы воспоминания о первом периоде Советской власти, государственная собственность на средства производства, хоть и не была общенародной, но представлялась таковой и нещадно эксплуатируемому энтузиазму рабочих, и «добропорядочному» партсознанию бюрократов, и, главное, массовые репрессии, связанные с ними беспримерные кадровые перестановки и страх бюрократии перед непредсказуемой проскрипционной машиной — все это, вместе взятое, сдерживало всевластие бюрократии в сталинское время. Хрущев же фактически гарантировал стабильность положения придерживавшимся «правильной партийной линии». Бюрократия при нем настолько окрепла, что лоднялась даже до сыновней фронды, и в 1964-ом организовала свой «октябрьский переворот». Хозяев страны уже не удовлетворял либеральный и малограмотный, но независимый и импульсивный «вождь» — теперь нужен был совсем невождь, программируемый, предсказуемый и безвольный...

Брежневское правление, особенно в последний его период, отличалось полной абoulцией центральной власти, даже и не пытавшейся вмешиваться в дела несменяемых и полновластных республиканских, краевых и областных партийных сюзеренов, подбиравших своих людей на все ключевые посты в своем регионе. Такая клановая система государственной власти, базирующаяся на бесконтрольном централизованном распределении, вела к созданию мафиозных групп, настоящих капиталистических монополий, широко диверсифицированных, охватывающих все сферы человеческой жизни и, как правило, имеющих покровителя (зачастую «Крестного отца») в союзных министерствах, в Кремле и на Старой площади.

Таким образом, примерно в конце 50-60-х годов произошло преобразование бюрократии, как социальной группы, в особый класс, контролирующей полностью все производство, распределение, обмен и потребление. (Маркс характеризует класс именно как группу людей, занимающую особое место в области производства, распределения, обмена и потребления).

Начатое Сталиным превращение социализма, социалистической революции в их противоположности, было закончено без него его

наследниками, еще более посредственными, эмпирическими, равно далекими от интеллекта и от теории.

В стране с непропорционально развитой экономикой, с разоренной, по выражению Троцкого, «козлинными прыжками коллективизации» деревней, с деклассированным, раскрестьяненным крестьянством, переродившимся в ленивое колхозно-совхозное батрачество, с рабочим классом, рекрутированным на 2/3 из деревни и согнанным в послушные начальству профсоюзы, в стране, построенной наподобие классической капиталистической монополии (но только с еще большей нормой прибавочной стоимости) — в этой отдельно взятой (бюрократической осадой) стране в эру Брежнева был построен развитый сталинизм, с марксизмом и октябрьскими грезами большевиков имевший лишь пустую формально-символическую связь.

От базара — к рынку

Из всех слов советского общества бюрократия наилучше разрешила собственный социальный вопрос и, вполне довольная тем, что есть...

Л. Троцкий, 1936 г.

Итак: «Социализм умер!» — шептала победоносная бюрократия, и вопила вслух: «... да здравствует социализм!» Не мудрено, что за этими оглушающими криками, за звоном вручаемых друг другу орденов и вереницей шумных и пустых, похожих как две капли воды, бесконечных праздников, съездов и заседаний, подбиравшая самое себя по признаку личной преданности и антиинтеллектуальности, проявляя камеральность не расслышала (и не могла расслышать) неумолимых шагов истории — весь мир даггался вперед, к нам уже не хватало пальцев, чтобы подсчитать «преимущества» «социализма» в недоразвитой стране с консервативной антиэкономической политической системой и отсталой антипотребительской экономикой...

Мастер закулисного маневра, гроссмейстер вольной борьбы на самых высоких коврах, в 1985 г. Горбачев смог заполучить «коммунистическую» державу с термоядерным скипетром впридачу. В течение первых 2,5 лет своего правления он перетряхивал аппарат партии, правительства и «компетентных органов» в темпе 30-ых годов. Развязывание рта прессе было прелюдией к общей либерализации системы. Сталинизм и его «развитые» модификации 50-ых — 80-ых годов впервые в СССР были подвергнуты полной, свободной и всесторонней критике; борьба с мафией и коррупцией, начавшаяся при Андропове, обрела новую силу; СССР вышел из политического заточения в концентрационном лагере «реального социализма» на арену мировой политики; постепенно Советский Союз отказывается в поддержке диктаторским режимам, вскормленным чашью прибавочной стоимости нашего рабочего, крестьянина, интеллигента. Возрождение Советов, невиданное для СССР ограничение всевластия главы государства (его реальная выборность, подотчетность Верховному Совету), создание Комитета Конституционного Надзора, и конституционная отмена монополии КПСС на власть, начало multipartийности, предсказанное Троцким — положили конец прежней политической системе.

Все эти шаги вызвали яростное сопротивление бюрократии, стремившейся через свои органы (газета «Советская Россия», журналы «Молодая Гвардия», «Москва», «Наш Современник», почти вся старая провинциальная пресса) дискредитировать перестройку старых структур, отстоять старые сталинские догматы, протестовать против «очернения» истории страны. Не меньшую злобу мафиозной олигархии разбудило движение страны к рыночной экономике. Сам Горбачев первоначально гнушался этой идеей, но со временем не

только принял ее, а даже сделал «своей», одобряя «Программу Шаталина», провозгласившую основой основ освобождение народа из-под власти «монополистов товаропроизводителей и монополистов товарораспределителей» (Известия, №248, 5 сентября 1990 г., «Человек, свобода, рынок» — Программа Шаталина).

С 1 октября Россия осуществляет программу перехода к рынку, на важность которого Троцкий указывал еще 60 лет назад: «Только взаимодействием государственного планирования, рынка и советской демократии, может быть осуществлено правильное руководство хозяйством переходной эпохи...» («Бюллетень оппозиции», №31, стр. 9).

Государственное планирование становится, наконец, самим собой, ибо: «План проверяется и, в значительной мере, осуществляется через рынок. Регулирование самого рынка должно опираться на обнаруживаемые через его посредство тенденции» (там же, стр. 8).

Советская демократия, обретая конституционную плоть и многопартийную кровь, приходит на место бесконтрольной олигархии плутократов.

Рынок освобождает массы от гнета громадной государственной монополии (с которой по жестокости и наглости эксплуатации, по беззащитности эксплуатируемых, могут сравниться разве мануфактуры периода первоначального накопления капитала), рынок наполняет рубль реальным содержанием, возвращая ему значение всеобщего эквивалента («Система переходного хозяйства немислима без контроля рублем». Это предполагает, в свою очередь, что рубль равен самому себе», там же, стр. 8), наконец, рынок «предусматривает восстановление действительной зависимости заработка от результата собственного труда с обязательным, хотя и постепенным ростом его реального наполнения» (Известия, №248, «Программа Шаталина»).

Конечно, становление настоящего планирования, полнокровной советской демократии и истинного, на смену «азиатскому базару», свободного от монополизма рынка — эти процессы таят в себе много опасностей. Демократия может превратиться в охлократию, рынок может вознестись на верхние ступени общества вскормленные барышами прежней «теневой», базарной экономики наторопившей. Но — у старой системы бюрократической диктатуры — роль преимуществ перед любой другой, а мафия продолжает господствовать — и не только в экономике! Именно породненные мафия и бюрократия, а также принимавшая в их разбое долевое участие часть интеллигенции — эти группы держатся за свои «кормушки», за обеспеченную ренту с «социалистического» государства. Эти коммунистические рэпты, вкупе с самыми темными, отсталыми людьми, заблудившиеся в дебрях черносотенного шовинизма и казарменного коммунизма — вот единственные враги советской демократии и рынка в СССР.

Мы возвращаемся вперед!

«Рабочие — реалисты. Нисколько не обманывая себя насчет правящей касты... они видят в ней пока что сторожа некоторой части своих собственных завоеваний. Они неизбежно прогонят нечестивого наглого и ненадежного сторожа, как только увидят другую возможность».

Л. Троцкий, 1936 г.

Вот мы и совершили свой «анабасис», поход по следам контрреволюции и революции вглубь страны, народ которой выстрадал все нынешнее преобразование. «Попытки построить систему отгороженную от внешнего мира, практически обрекли на деградацию и застой большинство отраслей нашей экономики» (Известия, №248, 5 сентября 1990 г., «Программа Шаталина»). Сбылись предсказания Троцкого о нежизнеспособности сталинского «социализма» в

114 «отдельно взятой стране». Мы поднимаем «железный занавес», мы

возвращаемся в Европу, мы возвращаемся в мир. На пути у нас — только мракобесы, возвращенные вгонизирующим сталинизмом, и было бы очень обидно, если бы к андреевым, лигачевым, макашовым, ползковым и стародубцевым, в их критике перестройки и защите монопольной государственной собственности и казарменно-базарной экономики, присоединились теоретические Маркса, Ленина и Троцкого наследники.

В марксизме есть гуманистические, общечеловеческие идеи, сам Маркс в юности писал христианские стихи, Троцкий в свое время увлекался народничеством, никто из марксистов никогда не бился в пароксизмах революционного сладострастия, глядя на кровавые пятна на жестоком солнце революции с болью неизбежности, а не с похотью кровавого вождения, среди 18 групп и движений, входящих в правящий в Чехословакии «Гражданский форум», есть и троцкисты. Страшно, гадко, неправильно, если «Бюллетень Четвертого, троцкистского, Интернационала» обратит свой острый серп и тяжкий молот против Советской власти, уже победившей в Москве, Ленинграде, передовых промышленных районах — на Урале, в Донбассе, Кузбассе, власти, при поддержке передовых рабочих, обращающейся к рынку, к нуждам широких масс. Прочтите еще раз главу «Неизбежность новой революции» в «Преданной Революции» Троцкого — ведь многие его пророчества претворились и претворяются в жизнь руками новой Советской власти, которая сегодня не занимается перебиранием четок — «социализм — капитализм» — а под истошные крики бюрократических муздинов с партийных минаретов об опасности «отказа от социализма», строит новое общество, где «бюрократическое самовластье должно уступить место советской демократии» (Л. Троцкий, «Что такое СССР и куда он идет?», издательство «Слово», Париж, 1989 г., стр. 292), где происходит «восстановление права критики и действительной свободы выборов... свободы советских партий, начиная с партии большевиков, и возрождение профессиональных союзов... радикальный пересмотр планов в интересах трудящихся. Свободное обсуждение хозяйственных проблем...», где народ получает «возможность свободно дышать, критиковать, ошибаться и мужать», где «наука и искусство освободятся от оков», где «внешняя политика вернется к традициям революционного интернационализма» (там же, стр. 292), в этот последний (обратитесь к «Декрету о мире» и «Декларации прав...» 1917 г.) вовсе не означает экспорта революции, подрывной работы в «недружественных» странах и ласкового кормления сукиных сынов вроде еще правящих Наджибуллы и Ким Ир Сена, уже восточного Живкоза и в бозе почившего Чаушеску.

Вывод из всего этого таков: система всеобъемлющей политической и экономической госмонополии есть универсальная система бесконтрольной скрытой собственности бюрократии на государство; возрождаемая и грядущая на смену сталинизму в СССР система советской демократии есть антимонопольная система рыночного хозяйства.

Если Вы не променяли диалектики на амплу инженера (наивной девушки), знакомой только с правоучениями своей синечулочной воспитательницы, если Вы на стороне карбонариев²² — вот Вам рука, товарищи!

Пойдемте вместе — мы возвращаемся вперед!

• • •

²²Карбонарии — по-итальянски, «угольщики»; шахтеры Донбасса, Кузбасса, Воркуты — одна из главных опор демократических Советов, в первую очередь, возглавляемого Б. Н. Ельциным Верховного Совета России.

Я наконец отвечаю на Ваши письма. По возвращении из Советского Союза, товарищи Ф. и Н. рассказали мне о своих беседах с Вами и тепло отзывались о Вашем искреннем интересе к идеям и принципам Л. Д. Троцкого. Они передали мне копию Вашей статьи «Анабазис», которая была написана, как я понял, после того, как Вы впервые прочли «Преданную революцию».

Из этой статьи ясно, что Вам глубоко симпатична личность Льва Троцкого и его непримиримая борьба против сталинских преступников, уничтоживших большевистскую партию и предавших Октябрьскую революцию.

Мы с удовольствием опубликовали в последнем номере «Бюллетеня Четвертого Интернационала» Ваш ответ Васецкому на его нападки на Троцкого. В наше время, подобная полемика играет ключевую роль в перевооружении революционного рабочего движения в Советском Союзе.

Но любящая яростью с которой Вы защищаете историческую роль Троцкого от лжи сталинцев, я должен сказать откровенно, что политические позиции, развитые в «Анабазисе» резко расходятся с позициями Троцкого, которые он тщательно разработал в множестве своих работ о «русском вопросе».

Основной вопрос вот в чем: борьба Троцкого против бюрократии основывалась на перспективе мировой социалистической революции. Согласно Троцкому, основным преступлением сталинцев было то, что они подчиняли, таким образом отрицая, борьбу против мирового капитализма созданию политически и экономически безжизненного «национального социализма» внутри границ СССР. Троцкий предупреждал, что преследуя эту реакционную утопию, бюрократия систематически подрывала формы собственности, созданные Октябрьской революцией, и подготавливала предпосылки для реставрации капитализма.

Итак, Троцкий оценивал исторически прогрессивными лишь те тенденции, борьба которых против сталинского режима преследовала революционные социалистические цели и на этой основе, ожесточенно защищал все оставшиеся социальные завоевания Октябрьской революции. Это принципиальное отношение всегда отделяло Четвертый Интернационал от бесчисленных разновидностей вульгарного анти-сталинизма, которые, во время своей схватки с бюрократией, забывают о фундаментальной борьбе против международной буржуазии и против империалистического мирового порядка; в конечном итоге, бюрократия является не более, как политическим агентством этих двух.

Многие сегодня провозглашают свою «оппозицию» сталинизму и, в то же время, объявляют о своей поддержке восстановления капитализма. Многие из таких «противников» сталинизма в СССР и в других странах Восточной Европы в течение долгого времени являлись (или были в прошлом) высокопоставленными чиновниками правящей бюрократии. Борис Ельцин — самый видный представитель этого направления. Их превращение в ярых защитников «свободного рынка» вовсе не противоречит их предыдущей политической позиции. Наоборот, это конечное завершение контр-революционной логики сталинизма, который вырос, как политическая реакция против Октябрьской революции.

Основная ошибка Вашей статьи в том, что она не различает между правой оппозицией сталинизму, которая ведет к реставрации капитализма в Советском Союзе и левой оппозицией, которая пытается свергнуть паразитическую бюрократию и в то же время сохранить национализированное имущество, как экономическую базу для развития социалистического планирования. Ваш документ приветствует переход к капиталистическому рынку, как законную,

демократическую и прогрессивную альтернативу тоталитарному правлению бюрократии, которая, по Вашему утверждению, со времени прихода Брежнева к власти, превратилась в «особый класс, контролирующий полностью все производство, распределение, обмен и потребление». На основе этого социологического определения бюрократии, Вы намекаете, что троцкизм защита имущественных отношений, созданных Октябрьской революцией стала недействительной, так как они были уже уничтожены этим новым «особым классом». Вы даете понять, что в этой новой ситуации, установление капиталистического рынка будет означать уничтожение экономической основы этого «нового класса», — то есть, его контроль над государственной собственностью, — и, таким путем откроет дорогу более демократическому, «анти-монопольному» распределению собственности.

Этот аргумент весьма шаток. Вы недооцениваете Маркса, приписывая ему довольно простое определение класса, как «группы людей, занимающей особое место в области производства, распределения, обмена и потребления». Почти каждый человек, так или иначе, впадает в это очень объемное определение. Чтобы правильно определить конкретную социальную группу, как класс, вовсе недостаточно показать, что она является частью системы производства, обмена и потребления. Нужно пойти гораздо дальше и продемонстрировать, что данная система производства, обмена и потребления и те формы собственности на которых она основана, вырастают, являются выражением, и нераздельно связаны с историческим развитием и деятельностью этой социальной группы. Советская бюрократия, несмотря на ее огромную власть и жестокость в употреблении этой власти, не проходит проверку этих более строгих мерил. Экономическая основа бюрократии — не ее собственные, исторически уникальные формы собственности; напротив, материальные корни ее власти были и есть в национализированном имуществе, созданном экспроприацией буржуазии российским пролетариатом после революции 1917 года. Доходы бюрократии происходят из ее паразитического отношения к национализированной собственности и из ее монополистического злоупотребления политической властью. Если бы, в результате политической революции, она потеряла свой контроль над органами государственной власти, бюрократия сразу же перестала бы играть независимую роль в советском хозяйстве.

Я должен признаться, что я нашел Вашу работу несколько бессвязной и эклектичной; похоже, что Вы детигуете окончательную победу бюрократического «особого класса» «Октябрьским переворотом» Хрущева в 1964 году. Но придать такое огромное историческое значение этому жалкому дворцовому перевороту, значит, в некотором смысле, льстить бюрократии. Для марксистов, революция означает переход власти от одного класса к другому и соответствующее свержение существующих отношений собственности. То что имело место в октябре 1964 года было гораздо менее героическим: Хрущев вернулся из отпуска в Крыму и узнал, что его выкинули из его кабинета и отправили на пенсию. Чтоб превратиться в «особый класс» бюрократия должна была бы сделать гораздо больше.

События последних шести лет в Советском Союзе и Восточной Европе совершенно опровергли все различные теории, придававшие бюрократии исторический статус «класса». Огромные социальные потрясения во всем СССР на деле показывают, что именно лежит за переворотом отношений собственности, основанных на основе Октябрьской революции. Кроме того, как уже показано в Восточной Европе, паразитическая бюрократия не проявила никакой особенной привязанности или прочной верности по отношению к государственной собственности; такое отношение было бы вовсе непонятным если бы

бюрократия являлась правящим классом. Как только советская бюрократия убедилась, что она не в силах и дальше удерживать рабочий класс под контролем, она начала искать способы гарантировки собственного дохода не зависящие от существования государственной промышленности. Наоборот, как только они узнают о выгодных личных возможностях каких либо сделок с буржуазией, сталинские предводители приветствуют и открыто сотрудничают в ликвидации государственного имущества, которое они уже в большой части испортили своим паразитизмом и некомпетентностью.

Даже если бы мы приняли Ваше социологическое определение бюрократии как „особого класса“ основанного на монопольном контроле государственной собственности, вовсе не следует, что восстановление капиталистического рыночного хозяйства приведет к более демократическому распределению собственности. Громадное большинство советского народа абсолютно ничего не выиграет из раздела ценностей гос-промышленности. Не имея доступа к капиталу, они были бы вынуждены наблюдать со стороны, как их заводы и имущество их коллективов распродаются из под молотка в руки транснациональных корпораций или советских предпринимателей, в числе которых они увидят множество бывших бюрократов, сумевших использовать свои связи для скопления золотой кубышки.

В Вашей статье Вы выражаете разочарование по поводу враждебного отношения „Бюллетеня Четвертого Интернационала“ к политике Горбачева, намекая, что наша критика перестройки может привлечь нас в лагерь Полозкова и Лигачева. Вы пишете, что было бы ужасно, если бы такая судьба постигла „теоретических наследников Маркса, Ленина и Троцкого“.

Но именно потому, что мы являемся теоретическими наследниками этих титанов революционного социализма, мы сопротивляемся всем секциям советской бюрократии, от Ельцина и Горбачева до Лигачева и Полозкова. В сущности, различия между всеми этими разращенными и дряхлыми представителями бюрократии — незначительны. Они все согласны с необходимостью установить систему „свободного рынка“. Их различия — в основном тактические: о темпе перехода и, что еще важнее для них, о разделе добычи, полученной от ликвидации государственного имущества.

Справдывая Вашу защиту перестройки, Вы описываете события, как будто перед советским народом стоит выбор: самодержавие или демократия, не обдумав классового наполнения этих политических категорий. Это, в основном, некритическое описание не улучшается добавкой слова „советская“ перед термином „демократия“. Я убежден, что Вы знаете, что слово „советы“ было так же злоупотреблено в СССР, как и слово „демократия“ — в США. Институты, созданные бюрократией под крылом Горбачева в 1988-1989 гг. вовсе не демократические и вовсе не советы (если мы понимаем под последним термином такой тип массовой рабочей организации, созданный в 1905 и 1917 годах).

Во всяком случае, нам кажется, что Ваш энтузиазм по отношению к так называемой „советской демократии“ является преждевременным. Мы тоже являемся непримиримыми сторонниками дела советской демократии; но мы должны обратить Ваше внимание на то, что Троцкий повсеместно настаивал, что возрождение советской демократии возможно лишь на основе защиты отношений собственности, основанных Октябрьской революцией.

Мы можем, без особенных усилий, процитировать бесчисленные цитаты из работ Льва Троцкого в которых он опроверг и осмеял доводы тех, кто заявлял, что реставрация капитализма в СССР приведет к демократическому обществу. Мы даем лишь одно категорическое заявление по этому вопросу. В 1929 году Троцкий сказал: „В таких условиях переход на рельсы капитализма может быть осуществлен никак иначе, чем через длительную и жестокую

гражданскую войну, при сопровождении открытой или замаскированной интервенции извне.“

„Единственная возможная политическая форма такого переворота — военная диктатура, современная разновидность бонапартизма“ (Чго и как произошло, 1929 г.).

Но вовсе не нужно звать цитатами, чтоб доказать это утверждение. Давайте, просто, проанализируем этот вопрос с точки зрения практических последствий современных событий в Восточной Европе и в Советском Союзе. Как наглядно показано во всем этом громадном регионе, реставрация капиталистического рынка ведет к резкому понижению социального и культурного уровня рабочих масс. И полный размер разрушительных последствий этого процесса еще неизвестен. В бывшей ГДР, реставрация капитализма уничтожила фактически всю промышленную инфраструктуру страны. Предвидится, что к концу лета от половины до двух третей работающего населения останется без заработка. Менее года тому назад, официальные знатоки провозглашали, что огромная экономическая сила Западной Германии гарантирует сравнительно безболезненный переход к капитализму на Востоке. Оказалось не так. Вместо этого никем (за исключением троцкистов) не предвиденные последствия воссоединения потрясают хозяйственный и политический эквилибриум всего немецкого государства. Демократический аппарат, насажденный по окончании войны (после поверхностного очищения остатков нацистского режима) в Германии американским империализмом подвергается сейчас небывалому давлению. Сколько нибудь продленное ухудшение экономического положения, бросив рабочий класс в борьбу, превратит германское государство в новое подобие Веймарской республики. Иначе говоря, интенсификация классовых напряжений должна, раньше или позже, перегрузить демократическую систему германского буржуазного государства. Недавнее террористское убийство Детлева Розведдера, немецкого промышленника, ответственного за приватизацию национализированной промышленности бывшей ГДР, есть лишь одно выражение растущей неустойчивости. На его похоронах, Иоганнес Рау, один из руководителей социал-демократической партии оплакивал деморализацию, охватившую Германию со времени воссоединения 3 октября 1990 года: „Мы были тогда так полны надежд. Все это кажется так давно.“

Если даже давным давно установленная демократия в Германии начинает шататься после воссоединения, то какой же будет судьба стран Восточной Европы и СССР, где процесс капиталистической реставрации нужно проделать без помощи „большого братишки“ — капиталиста, вроде Западной Германии? Для ответа стоит лишь взглянуть на положение в Польше, Болгарии, Румынии или Югославии, уже не говоря об СССР. Там нигде нет ни малейшего признака, что из развивающейся экономической катастрофы могут вырасти жизнеспособные демократические режимы.

Смешно, но факт: из якобы цветущего расцвета демократии вырастает не один только, а двое Бонапартов! Горбачев и Ельцин, оба требуют право декретного, внепарламентского правления! А смехотворные московские „Советы“, — которые сами являются лишь жалкими карикатурами на разращенные буржуазные парламенты, — голосуют за всякие чрезвычайные президентские полномочия.

Согласно последним известиям из Советского Союза, многие из ведущих сторонников капиталистического рынка утверждают сейчас, что для того, чтобы провести необходимую для рынка „шоковую терапию“, необходимо установить авторитарный (по просту говоря, нео-фашистский) режим, похожий на режим генерала Пиночета в Чили. Эта позиция имеет преимущество большей откровенности, чем красочные дифирамбы более лиричных защитников перестройки. Эти люди понимают, что демократические методы не подходят для целей

повержения масс в полную нищету и превращения их в сырье для неограниченной совместной эксплуатации империалистами и новым классом российских капиталистов-компрадором.

Сегодня, когда я пишу эти строки, газеты сообщили о последней дискуссии о создании коалиционного правительства между сторонниками Горбачева и Ельцина. Статья в *Financial Times* цитирует интервью с Владимиром Дурасовым и Олегом Румянцевым, которые заявили что «демократы были бы готовы поддержать какие то будущие авторитарные реформы» предложенные Горбачевым и Павловым».

Размышляя о возможностях системы демократического рынка в СССР, давайте припомним некоторые исторические факты. Современное государство, в такой форме, в какой оно существует в самых передовых капиталистических странах, является историческим продуктом демократических революций, объединивших растущую буржуазию, сельские массы и зарождающийся пролетариат против реакционного, феодального [в Соединенных Штатах — рабовладельческого] класса. Развитие капитализма породило и современный пролетариат. После демократических революций, скажем, в Англии, Франции и в Соединенных Штатах, быстрый рост капиталистических отношений дал толчок развитию пролетариата. Вытекающий из этого взрыв социальной борьбы между буржуазией и пролетариатом обнажил классовую сущность демократического государства, то есть, его роль защитника буржуазной собственности. В течение последнего столетия, все, по настоящему значительные завоевания социальных прав для рабочего класса, — то есть, восьмичасовой рабочий день, право на образование, право организовывать профсоюзы, и пр., — были завоеваны рабочим классом в прямой борьбе против буржуазно-демократического государства. (Кстати говоря, почти все эти завоевания сейчас находятся под жестокой атакой в Западной Европе и в Соединенных Штатах.)

Кроме того, уже в XIX веке Маркс заметил, что когда появляется угроза со стороны более развитого рабочего класса, буржуазия склонна отступать от борьбы за демократию против своего традиционного феодального врага. Поэтому в государствах с запоздавшим буржуазным развитием, где пролетариат успел вырасти в могучую и независимую социальную силу еще до перехода политической власти в руки представителей буржуазии, демократия влечет такое жалкое существование. Троцкий замечательно объяснил в своей разработке теории перманентной революции, что с того момента, когда пролетариат выступает на историческую сцену, как массовая социальная сила, борьба за демократию неразрывно сливается с социальной борьбой против буржуазии.

К тому же мы должны заметить, что режим буржуазной демократии, со всеми присущими ему ограничениями на права пролетариата, является роскошью, которая по карману лишь самым богатым капиталистическим странам. В большинстве стран земного шара, особенно в Латинской Америке, Африке, Ближнем Востоке и Азии, жестокие диктатуры являются характерной формой буржуазного правления.

С точки зрения, включающей реальное историческое развитие, становится абсолютно ясен утопичный характер программы, обещающей совместить демократию с капитализмом в Восточной Европе и СССР. Вплоть до 1989 года еще не бывало попыток призвать капитализм в странах, с уже существующим и высокоразвитым рабочим классом. Как я заметил: первые признаки не обещают ничего доброго для демократического разрешения этого эксперимента. В каждой из этих стран, восстановление капитализма может быть выполнено лишь за счет рабочего класса. Хотя высокопоставленные

бюрократы, дельцы черного рынка и нувориши Восточной Европы и Советского Союза ожидают сделать миллионы в их роли агентов интернационального капитала, рабочий класс абсолютно ничего не выиграет от этих планируемых хозяйственных трансформаций.

Уже сейчас, руководители этих правительств открыто утверждают, что возможность сохранения демократии зависит от добровольной приостановки социальной и политической борьбы рабочего класса. Иначе говоря, новоиспеченные капиталистические демократы призывают рабочих «демократически» сдать свои демократические права. Лишь в этом случае сможет процветать демократия! Но если рабочие отвергнут эти призывы и станут бороться против планов довести их до нищеты в интересах жизнеспособного рыночного хозяйства, то новые лидеры этих малокровных демократий употребят все силы в их распрямлении для подавления стачек и протестов.

Возвращаясь к «Анабазису», я думаю, что Ваши попытки найти защиту экономической программы перестройки в работах Троцкого, безнадежны. Вы пишете: «С 1 октября Россия осуществляет программу перехода к рынку, на важность которого Троцкий указывал еще 60 лет назад. Только взаимодействием государственного планирования, рынка и советской демократии, может быть осуществлено правильное руководство хозяйством переходной эпохи...».

Дорогой И., прочтите эту цитату еще раз. Во первых, о каком переходе пишет Троцкий? от капитализма к социализму или от социализма к капитализму? До конца своей жизни Троцкий рассматривал события 1917 года, как начало новой эпохи в истории человечества. Отменив частную собственность на средства производства и установив центральное планирование, советский пролетариат сделал первые шаги для превращения, до того, неограниченного действия закона ценности. В этом и лежит великая историческая победа, выраженная российской пролетарской революцией. Этот первый великий эксперимент хозяйственного планирования не достиг тех целей, на которые надеялись великие революционные стратеги, подготавлившие и ведущие это гигантское социальное новшество. Хроника исторического прогресса человека полна таких трагических разочарований. Но несмотря на предательство сталинцев и ужасное извращение советского государства, Октябрьская революция, в виде ее принципов планирования, взяла в историю мира новую, и по сравнению с внешней капитализма, более высокую форму социальной организации.

Конечно, Троцкий понимал, что в конкретных условиях, которые Советская Россия унаследовала от царизма, в стране погруженной в полу-феодальную отсталость, ни законы ценности, действующие в капиталистическом обществе, ни рынок, как бессознательный регулятор процесса производства и распределения не могут быть отменены декретом. Действуя с точки зрения защитника государственной собственности на средства производства, центрального планирования и монополии внешней торговли, Троцкий признавал прочную роль, которую играл рынок, как фактор для регулирования и поправок шаткого механизма отсталой и изолированной советской экономики. Но по концепции Троцкого, рынок играл свое влияние в рамках государственной собственности и центрального плана и, особенно, через посредство советской демократии.

Но перестройка предлагает что-то совсем другое. В согласии с требованиями международного капитала, рынок заменит и упразднит государственную собственность и центральный план. Советское правительство и его советники открыто провозглашают, что рынок является высочайшим достижением цивилизации, что идея регулирования хозяйственной жизни на плановой основе — совершенно утопична. Иначе говоря, приравняв принцип планирования с его сталинской

карикатурой, они отбрасывают социализм, как «невозможную мечту», которую большевики глупо, если не преступно, навязали на русский народ. Товарищ Игорь, если они правы, то нет ни малейшей причины защищать программу и принципы Льва Троцкого, или даже бороться за социализм. С таким же успехом можно, по примеру Дон-Кихота, воевать с мельницами.

В Вашей цитате, Троцкий говорит о советской демократии, как об одной из сил, влияющих на действие рынка. Но демократия так же мало нужна перестройке, как и центральное планирование. Ведь, в конце концов, советская демократия предполагает, как минимум, осуществление рабочим классом прямого контроля над производством и распределением через посредство демократически избранных органов рабочей власти, начиная с фабзавкома. Как может действие капиталистического рынка внутри СССР ужиться с революционным порывом настоящих советов — потенциальных органов рабочей власти? Мы ведь должны полагать, что советы будут организованы на фабриках и заводах, которые являются непродуктивными и убыточными с точки зрения мирового капиталистического рынка. Итак, если они придерживаются «идеалов» рынка, первым шагом советов в таких условиях станет проведение рационализации, массовых увольнений и даже закрытий целых предприятий.

Вы пишете нам, что «Рынок освобождает массы от гнета гомогенной государственной монополии», но Вы забываете добавить, что он бросает массы в руки силы, гораздо более могучей и жестокой: в объятия мирового капиталистического хозяйства под господством огромных международных корпораций. Единственная «свобода», которую рынок предложит советскому народу — это «свобода» отчаянно искать работу за любую зарплату после того, как их теперешние рабочие места исчезнут.

Может Вы думаете, что я преувеличиваю. Позвольте мне широко сослаться на статью из сегодняшнего номера газеты *The Detroit Free Press*, буржуазной газеты ярко правого толка. На восьмой странице напечатана статья под названием: «Женщины выносят основную тяжесть воссоединения Германии». Вот ее начало:

«В прошлом я засыпала, как только ложила голову на подушку. Теперь я страдаю бессонницей» сказала Ева Валплер, наклонив голову вниз.

«Я не одна из таких людей, кто вешает голову, но мое положение безнадежно».

«Она — одна из 787.000 безработных в бывшей коммунистической Восточной Германии».

Будучи женщиной, Валплер состоит в группе, понесшей величайшую потерю в воссоединении Германии. Почти 55% безработных в Восточной Германии — женщины.

«Безработица бьет по всему населению, как стихийное бедствие», сказала Аннализа Браун, председатель женской группы взаимопомощи в Восточном Берлине.

«Людей увольняют не потому, что у них нет квалификации или образования, а потому что огромные бывшие государственные индустрии урезают число рабочих, чтоб выжить против западной конкуренции. Женщины, особенно с детьми, обычно первые во время увольнений и последние в найме».

«В Восточной Германии 91% работоспособных женщин работали, хотя большинство работало полную неделю. Хотя коммунистическое правительство обеспечивало работой из за своих собственных соображений, оно сделало самостоятельными миллионы женщин».

«Чтобы помочь женщинам совместить свои роли работницы и матери, государство поддерживало широкую сеть социальных программ, включая бесплатные детские сады и ясли. Женщины

получали целый год декретного отпуска по рождению ребенка с гарантированной зарплатой и рабочим местом а также оплачиваемый отпуск, чтобы ухаживать за ребенком во время болезни. Все женщины также могли бесплатно получать противозачаточные средства и аборт».

«Все это быстро исчезает. Бони намерен быстро закрыть большинство детских садов для экономии денег. Западногерманские работодатели гораздо менее щедры с отпусками и возможность получить аборт наверное исчезнет».

«Многие женщины чувствуют, что они все теряют: социальные права, экономическую независимость и надежду выжить посреди повышений квартплаты, стоимости общественного транспорта, газа, электричества и т. п.»

Эта статья закончилась интервью с членом Берлинского парламента, который сообщил газете *The Detroit News*: «Эти неопределенности выражаются в повышении уровня алкоголизма и семейного насилия; женщины вновь становятся жертвами. Они все больше и больше вытесняются на края общества. Это катастрофа».

Те, кто живет в передовых капиталистических странах хорошо знакомы с разглазательствами об «освободительной» роли рынка. К сожалению те, кто воспевают чудо рынка в Советском Союзе почти ничего не знают о реалиях капитализма в Соединенных Штатах и Европе, даже не говоря об отсталых странах, где живет большинство мирового населения. Они попросту не понимают, что значит быть безработным в Соединенных Штатах, быть уволенным за участие в стачке или попытке организовать профсоюз, выражать семью на зарплату среднего рабочего, стоять лицом к лицу с денежными последствиями непредвиденной болезни не имея страхового полиса, пережить отключение отопления или электричества из за невозможности оплатить счет, или даже быть вышвырнутым из дома из за неуплаты квартирной платы. Это все «нормальные» проблемы, которые стоят перед миллионы средних американцев каждый день; но они и не упоминаются в праздничной пропаганде о чудесах рынка.

Кстати говоря, Рейган часто говорил о том, чтобы «сбросить правительство с шеи народа» имея в виду упразднение даже тех ограничений особенно преступных форм эксплуатации со стороны капиталистических предприятий, которые были приняты в закон во время расцвета социального либерализма. Кажется поразительным, что сегодня такие по-настоящему реакционные и дискредитированные панацеи находят последователей в Советском Союзе даже среди тех, кто, как и Вы, считают себя социалистами.

Этот идейный феномен можно объяснить лишь сокрушительным понижением общего уровня международного рабочего движения, за которое ответственны преступления сталинизма и социал-демократии. Многие из тех, кто славословит чудеса рынка упускают из виду настоящие последствия того, что вернее называть «анархией капиталистической формы производства». Слишком много людей забыли, что социализм стал массовым движением именно потому, что пролетариат, потом и кровью собственного опыта узнал жестокость и безжалостность спонтанного действия закона ценности в капиталистическом обществе. В той мере, что искренние интеллигенты в СССР, — то есть не те, кто спит и видит, как его обогащает реставрация капитализма, — ожидают, что рынок «освободит массы» от бюрократии, они уже не верят в социализм или в возможность рабочего класса сбросить бюрократию. Иначе говоря, они возлагают на мировую буржуазию и на ее агентуру в СССР задачу, которая должна быть разрешена советским рабочим классом с помощью международного пролетариата.

Позвольте мне вернуться к Вашей критике по адресу нашего враждебного отношения к перестройке. Как бы упрекая отказ

„Бюллетень Четвертого Интернационала“ поддержать перестройку. Вы обращаете наше внимание на тот факт, что „среди 18 групп и движений, входящих в правый в Чехословакии Гражданский форум“, есть и троцкисты.“ Я должен сообщить Вам, что люди, которых Вы так называете — вовсе не троцкисты, а оппортунисты, сторонники архи-ревизиониста и врага марксизма, Эрнеста Манделя. Эти, так называемые „троцкисты“, сотрудничающие с Вацлавом Гавелом и принявшие его буржуазную программу, окажутся разоблаченными перед чехословацкими рабочими по мере того, как социальные последствия их реакционного союза выйдут наружу.

В отличие от оппортунистов, Интернациональный Комитет многократно предупреждал рабочих, что ожидать каких-либо улучшений от свержения сталинистских бюрократий можно лишь при условии, что это свержение выполняет классово сознательный пролетариат под руководством марксистской партии. В Германии, товарищи из Лиги Социалистических Рабочих вели непримиримую и жестокую борьбу против политики Модрова и Нового форума. Наши немецкие товарищи отказались приспособлять свою программу к лжи сталинцев или к наивным иллюзиям рабочих, которых угасили поверить в фантазию, что реставрация капитализма даст им рай на земле.

То, что говорили наши товарищи не пользовалось популярностью; бороться за нашу программу было очень трудно. Но Ленину и большевикам было так же тяжело сопротивляться Временному правительству, в те месяцы после свержения царя, когда оппортунисты в руководстве Советов это правительство поддерживали. Но именно опыт масс позволил последним понять дальновидный характер политики большевиков.

Подобным образом, все более широкие секции германского рабочего класса начинают понимать, что они были обмануты Колем, Модровым, Новым форумом и павлоистами (сторонниками Эрнеста Манделя). Авторитет АСР постепенно растет.

События в Советском Союзе быстро развиваются. Все зависит от развития дальновидного революционного руководства, которое бесстрашно основывается на уроках непримиримой борьбы Льва Троцкого и Четвертого Интернационала против сталинизма. Настоящие троцкисты ни в коем случае не могут позволить знамени Четвертого Интернационала быть использованным в качестве политической ширмы, для скрытия преступных планов тех, кто пытается реставрировать капитализм. Наоборот, они должны принять непреклонно враждебное отношение ко всем фракциям бюрократии и эгоистичной мелкой буржуазии. Они должны предупреждать, что образование коалиционного правительства, теперь обсуждаемое в Кремле, вызовет совершенно реакционный союз между ведущими секциями бюрократии (в настоящий момент все еще под руководством Горбачева) с открытыми представителями выходящей наружу российской контрпролетарской буржуазии (под руководством Бориса Ельцина). В рамках этой коалиции, обе группы попытаются примирить свои тактические разногласия и перейдут к неограниченно жестокому нападению на рабочий класс. Лихорадочные переговоры между фракциями Горбачева и Ельцина являются их испуганной реакцией на растущее независимое движение рабочего класса, которое обе фракции видят, как величайшую угрозу собственным социальным интересам.

Борясь за революционное руководство в СССР, Интернациональный Комитет призывает всех своих советских сторонников открыто объяснять рабочим, занятым в героической борьбе по всему Советскому Союзу, что они должны отвергнуть всех тех, кто пытается надуть их, канализируя их отверженную борьбу против сталинской бюрократии в тулуп капиталистического „свободного рынка“. Подумайте о судьбе польского пролетариата и

его массового движения Солидарности. Миллионы рабочих боролись против сталинизма за лучшую жизнь. Но они были преданы негодными вроде Валенсы, представляющими правую и про-капиталистическую оппозицию сталинской бюрократии. В итоге, сегодня миллионы польских рабочих остались без работы; жизненные условия народных масс урезаны до такой степени, что имело место десять лет назад.

История рабочего класса повторно свидетельствует о несчастье, о том как после того, как пролетариат снабжает массовую силу и львиную долю человеческих жертв, необходимых для свержения старой тирании, из-за недостатка независимого революционного руководства он теряет политическую инициативу в пользу своих двуличных мелко-буржуазных „демократических“ союзников. А последние, после завоевания своих собственных социальных целей, навязывают нового тирана на рабочий класс.

Позвольте мне обратить Ваше внимание на слова Маркса и Энгельса, написанные ими в 1850 году и объясняющие политическое мировоззрение мелко-буржуазных демократов и их отношение к рабочему классу, после поражения революции 1848 года:

„Далекие от мысли произвести переворот во всем обществе в интересах революционных пролетариев, демократические мелкие буржуа стремятся к такому изменению общественных порядков, которое сделало бы для них по возможности более сносным и удобным существующее общество.“

„В настоящий момент, когда демократические мелкие буржуа повсюду угнетены, они вообще проповедают пролетариату единение и примирение, они протягивают ему руку и стремятся к созданию одной большой оппозиционной партии, которая охватила бы все оттенки в демократической партии, т. е. они стремятся к тому, чтобы стянуть рабочих в партийную организацию, где господствуют общие социально-демократические фразы, за которыми скрываются их особые интересы, и где ради столь желанного мира не должны быть выставлены особые интересы пролетариата. Подобное объединение безусловно принесло бы вред пролетариату и было бы выгодно исключительно им.“ (Обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов, март 1850 г.)

Предупредить предательство, которое имело бы трагические последствия для советского и международного пролетариата, рабочий класс должен превратить свои стачки в настоящие рабочие советы, выставить свои собственные демократические и социальные требования и взять под свой контроль политическую и хозяйственную жизнь в тех городах и регионах, где они действуют. Массовое движение рабочего класса, организованное в настоящие советы (по примеру 1905 и 1917 гг.) может и должно стать основанием для реорганизации производства и распределения в интересах рабочего класса.

Я надеюсь, что Вы вступите в эту развивающуюся борьбу с подобной программой. Но какие бы ни были Ваши первые мысли о вопросах, которые я затронул в этом письме, я надеюсь скоро лично и подробно обсудить все важные политические, исторические и теоретические вопросы, поднятые Вашим „Анабазисом“.

Для Вашего сведения, Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала организует Всемирную конференцию рабочих против империалистической войны и колониализма. Она будет проведена в Берлине 16-17 ноября 1991 года. Мы надеемся, что Вы найдете возможность принять в ней участие.

С самыми горячими пожеланиями,
Давид Норт

P.S. И, я недавно написал вступление к новому изданию *„Преданной революции“*, которое более детально обсуждает теоретические вопросы связанные с классовой сущностью советского государства. Я отдельно посылаю Вам копию этого вступления и всю книгу.

Пожалуйста сообщите мне о получении этого письма. Если Вы имеете возможность, то номер моего телефакса: 313-875-6385. Мой рабочий телефон: 313-875-8695.

• • •

Здравствуй.

Пишут Вам люди, которые очень интересуются жизнью и деятельностью Л.Д.Троцкого.

Мы прочитали в газете *„Комсомольское знамя“* интервью Николая Бимса — национального секретаря Социалистической Рабочей Лиги Австралии, и Ф. К. — журналиста, сотрудничающего в *„Бюллетене Четвертого Интернационала“* этой газете. И заинтересовались предложением написать в редакцию *„Бюллетеня Четвертого Интернационала“*. Потому что мы собираем по крупицам материалы из биографии и труды нашего известного земляка, ведь его родина находится в каких-то 70 км от нашего города. Но позоря: мы собираем все по крупицам (вырезки из газет и всевозможные подпольные пути), потому что для нас, жителей СССР, была тайной вся его жизнь и деятельность; все сведения о Л.Троцком были завешены занавесом секретности и о нем даже разговаривать вслух было аморально и не воспринималось обществом. И поэтому мы просим Вас выслать более подробные материалы о его жизни и работе. Или хотя бы ответить на наше письмо.

С уважением, руководители группы троцкистов:

несколько имен... 22.11.90 г.

• • •

Уважаемая редакция!

Пользуясь возможностью, предоставленной публикацией в газете *„Комсомольское знамя“* работы Л.Д.Троцкого *„Об украинском вопросе“*, чтобы обратиться к Вам. Личность Л. Д. Троцкого, его работа в политике и литературная деятельность более 60 лет замалчивалась и фальсифицировалась в СССР. Нынешний этап развития нашей страны — это не только восстановление правды о прошлом, но и поиск идей, способных дать лучшую жизнь людям.

В этой связи, на мой взгляд, вызывают большой интерес идеи Льва Давидовича Троцкого и его последователей — Четвертый Интернационал. Но работы Л. Д. Троцкого практически недоступны, а о деятельности Четвертого Интернационала практически ничего не известно. В связи с этим буду благодарен Вам за любую информацию о работах Л.Д.Троцкого и его последователей, о *„Бюллетене Четвертого Интернационала“*.

Особенно интересно, как Вы трактуете вопросы соотношения классового и общечеловеческого, классового и национального, как Вы (а, соответственно, и Л. Д. Троцкий) трактуете политическую борьбу в СССР в 1921–30 годах, которая связывается с именами Л. Д. Троцкого, Сталина, Зиновьева, Каменева, Бухарина и чем Вы объясняете победу Сталина и Термидор. Вопросов много, информации о Л.Д.Троцком практически нет, и, поэтому, я буду

благодарен Вам за любую информацию, а, особенно, если Вы сочтете возможным прислать работы Л. Д. Троцкого.

Кратко о себе. Я (имя, адрес), инженер-программист, 30 лет.

А. К. 13.11.90 г.

Дорогой товарищ К.И 5.1.90 г.

Спасибо за Ваше недавнее письмо. Пожалуйста извините меня за запоздание с ответом на Ваши вопросы.

Чтобы познакомить Вас с историей Четвертого Интернационала и с его сегодняшней программой, я высылаю Вам изданную на русском языке интернациональную программную резолюцию Интернационального Комитета Четвертого Интернационала, а также и прошлые номера *„Бюллетеня Четвертого Интернационала“*. К сожалению, из-за большой стоимости авиапочты, я вынужден послать эти материалы наземной почтой, что займет больше времени.

В рамках этого письма невозможно ответить на вопросы, которые Вы затрагиваете. Но в следующем номере *„Бюллетеня“* мы напечатает замечательную статью Троцкого *„Их мораль и наша“*, в которой он обрабатывает вопрос связи между „классовыми“ и „общечеловеческими“ проблемами. Вы увидите, что он рассматривает этот вопрос гораздо более серьезно, чем мистер Горбачев, который проповедует над-классовую и над-историческую мораль, лишь чтоб оправдать реставрацию капитализма в Советском Союзе. Ценность этой лицемерной морали, а, также и тех, кто вознаграждал его Нобелевской премией, может быть оценена его накоплением диктаторских сил и его все более безрассудными угрозами по адресу советских рабочих и беспокойных национальных меньшинств.

Уважаемая редакция *„Бюллетеня Четвертого Интернационала“*!

Искренне признателен Вам за письмо (номера *„Бюллетеня Четвертого Интернационала“* пока не доставила), и особенно, за присланную Вами статью Л. Д. Троцкого. Возвращение к нам этого могучего мыслителя и пламенного революционера — наибольший и радостный результат общественного развития в СССР. Еще несколько лет тому назад имя Троцкого что-то говорило лишь нескольким тысячам уцелевших участников революции и гражданской войны, таких, как мой дед, который несколько раз во время боевых действий в 1919–20 годах слушал выступления Л. Д. Троцкого перед бойцами Красной Армии. Он не раз рассказывал мне, как после выступлений Председателя Революционного Совета голодные, плохо вооруженные и обученные полки Красной Армии преодолевали усталость и страх и шли в бой с белогвардейцами и интервентами. Но для подавляющего большинства граждан СССР и вчера и сегодня, Троцкий — это участник бесконечных оппозиций, враг Ленина и коммунизма (в интерпретации проталинских догматиков) или сионистско-массонский враг русского народа (в интерпретации черносотенцев, группирующихся вокруг журналов *„Молодая гвардия“* и *„Наш современник“*).

Парадоксально, но огульно „уничтожая“ личность, взгляды и деятельность Л. Д. Троцкого его противники сами подтверждают актуальность и современность взглядов Л. Д. Троцкого. И это логично. Ни сталинско-брежневская КПСС с ее партийной бюрократией, ни неолбералы, как выразители интересов буржуазии, не могут и не хотят решить коренных проблем основной массы

трудящихся СССР. Отсюда такая резкая реакция партийно-правых и черносотенно-правых на самое имя Л. Д. Троцкого. Поэтому сегодня возвращение в СССР Л. Д. Троцкого как исторического деятеля — это правда о истории революции и гражданской войны, а возвращение его как политического деятеля и основателя IV Интернационала — это борьба за утверждение как революционно-пролетарских, так и общечеловеческих ценностей, укрепление связей с мировым рабочим движением.

Л. Д. Троцкий выступает перед бойцами Красной Армии

Сегодняшний день в СССР и в мире — это резкие перемены, радужные миражи и глубокие провалы. Те формы жизни и борьбы, которые дало начало XX века сильно видоизменились внешне, но коренные проблемы остались. И каждое возвращенное слово правды — это благо.

Еще раз благодарю Вас за письмо и желаю Вам успехов в Вашей деятельности. Надеюсь наше переписка продолжится.

С уважением, А. К. 21.02.91

...

В редакцию „Бюллетеня Четвертого Интернационала“

Я узнал адрес редакции через газету „Комсомольское знамя“ от 2.11.90 г., где в частности было помещено интервью с журналистом и сотрудником „Бюллетеня“.

При возможности, я хотел бы узнать более глубокую и детальную информацию:

1. о Четвертом Интернационале;
2. о публикациях в „Бюллетене Четвертого Интернационала“;
3. о деятельности Рабочей Лиги США;
4. об актуальных работах Л. Д. Троцкого.

Я работаю врачом, а поэтому мне очень интересно было бы знать отношение Четвертого Интернационала к высоко актуальной проблеме наших дней, когда Человечество и все живое на Земле находятся уже на грани гибели, так как на Планете, особенно в СССР, возникла чрезвычайно опасная экологическая обстановка и здоровье населения, в частности, в Приднепровско-Донецком регионе Украины находится в катастрофически опасном состоянии и генофонд доведен до губительного состояния, когда у каждого второго ребенка отмечается при рождении наследственная патология, что несоизмеримо со страшной деятельностью немецкого фашизма, и др. По этой проблеме у меня имеется 49 научных публикаций, в частности одна из работ опубликована в Журнале Американской Медицинской Ассоциации: наши научные работы включались в программы 3 Международных и 19 Всесоюзных симпозиумов, съездов, конференций, а также включены в компьютерный Банк идей Фонда социальных изобретений СССР № 228 от марта 1989 г. При возможности, я бы мог представить материал на эту тему и в „Бюллетень Четвертого Интернационала“, так как проблема уже недалекой тотальной катастрофы — это и политическая проблема наших дней, от которой не должны уходить все партии, все прогрессивные движения.

Я одновременно являюсь филателистом. Меня очень интересуют марки, изданные с изображением Л. Д. Троцкого, а также посвященные Четвертому Интернационалу. Мне хотелось сделать такой раздел в филателистической выставке!

С глубоким уважением, С.

15.11.90 г.

Дорогой товарищ С!

09.04.91

Я прочел Ваше недавнее письмо с глубоким вниманием и удовлетворением. Извините меня, пожалуйста, за некоторую задержку с ответом.

Мы весьма заинтересованы рассмотреть и, по возможности опубликовать в нашем „Бюллетене“ материалы, написанные Вами об экологических проблемах, существующих в СССР.

Ничто так ясно не обнажает лживый и лицемерный характер бюрократической претензии, что она представляет социализм, как то жестокое безразличие, с которым она разорила экологию Советского Союза и Восточной Европы. В то время, когда настоящее социалистическое планирование видит хозяйственное развитие в контексте всестороннего и рационального развития человеческого общества, „план“ бюрократических паразитов был направлен лишь на увеличение собственных привилегий. Эгоистично эксплуатируя настоящее за счет будущего, они бессмысленно уничтожают природу и отравляют население.

Безответственное отношение бюрократии к экологии нашей планеты тесно связано с ее реакционной политикой и, потому, совершенно чуждо традициям марксизма, который включает в свое осуждение анархической сущности капиталистического производства также и близорукий грабеж драгоценных ресурсов земного шара в своем преследовании прибыли. Задолго до того, как советская бюрократия начала вторить методом буржуазии, Энгельс уничтожающе писал об испанских плантаторах на Кубе: «Какое было дело испанским плантаторам на Кубе, выжигавшим леса на склонах гор и получавшим в золе от пожара удобрение, которого хватало на одно поколение очень доходных кофейных деревьев, — какое им было дело до того, что тропические ливни потом смывали беззащитный отныне верхний слой почвы, оставляя после себя лишь обнаженные скалы! При теперешнем способе производства как в отношении естественных, так и в отношении общественных последствий человеческих действий принимается в расчет главным образом только первый, наиболее очевидный результат. И при этом еще удивляются тому, что более отдаленные последствия тех же действий, которые направлены на достижение этого результата, оказываются совершенно иными, по большей части совершенно противоположными ему...» [Ф. Энгельс, «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»].

Сегодняшняя буржуазия не более внимательна к шеткому состоянию экологии нашей планеты. Хотя они и признают необходимость заботиться о природе на словах, на деле капиталисты не останавливаются ни перед чем в их погоне за наживой. На прошлой неделе мы узнали, что слой озона над географическими широтами Соединенных Штатов иссякает вдвое скорее, чем рассчитывали ученые. Согласно последним правительственным сведениям, примерно 12 миллионов американцев болеют кожным раком в течение следующих 50 лет из-за недостаточной озоновой защиты от ультра-фиолетовой солнечной радиации.

В той степени, что капиталисты рассматривают уничтожение озонового слоя угрозой самим себе, — в конце концов, они любят лежать на солнце у роскошных бассейнов на своих фешенебельных курортах, — то эта конкретная опасность внимательно описывается в прессе. Гораздо меньше внимания уделяется систематическому и огромному уничтожению человеческих жизней из-за употребления ядовитых химических продуктов в промышленности. Там, угроза в основном для жизни обыкновенных рабочих, вынужденных работать с жизне-опасными препаратами, — поэтому проблема не считается неотложной. Почти десять лет тому назад, газете троцкистского движения в США, «Бюллетень», опубликовала серию статей об «Индустриальной бойне», детально описав использование ядовитых препаратов на фабриках и их эффект на рабочих.

С тех пор, ситуация ухудшилась так как правительство Рэгана резко смягчило осуществление законов и надзор за правилами, защищающими рабочих от самых преступных форм эксплуатации и злоупотребления.

Ничто не может предотвратить уничтожение природных и человеческих ресурсов нашей планеты кроме реорганизации производительных сил человека на рациональной, то есть, научно-планируемой основе. Но эта цель реализуема лишь через революционное превращение социальных отношений, произведенное путем объединенные и сознательные усилия международного рабочего класса.

Мы будем с нетерпением ожидать Ваши следующие письма в ближайшем будущем.

С братскими пожеланиями,
Давид Норт

по поручению редколлегии «Бюллетеня Четвертого Интернационала»

P.S. В ответ на Ваш последний абзац, я должен сообщить Вам, что в мире не существует ни одной марки с изображением Льва Троцкого. По вполне понятным причинам, все правительства, — и капиталисты и сталины, — отказались почтить память Троцкого.

• • •

Уважаемая редакция «Бюллетеня IV Интернационала»!

К сожалению, мне никогда не доводилось читать ваш журнал, но я не теряю надежды, что это когда-нибудь произойдет. Хотелось бы, конечно же, чтобы это произошло побыстрее.

Перед тем, как задать интересующие меня вопросы, позвольте представиться. Меня зовут С. П., 19 лет от роду, студент. Живу и учусь в городе Киеве, который в последнее время превратился в город бушующих политических страстей. Новые партии появляются словно грибы после летнего дождя. В такое бурное время таким как я молодым людям трудно, как мне кажется, правильно сориентироваться в такой обстановке и пристать к какому-нибудь «политическому берегу». Вам, очевидно, известно о «студенческом бунте», произошедшем не так давно в Киеве. Я участвовал в этих делах, хотя и не совсем разделял выдвинутые требования, но солидарность превыше всего.

И вот, узнав о существовании вашей организации, хотелось бы получить ответы на некоторые вопросы.

1. В чем видит IV Интернационал причину краха социалистической системы в СССР и других странах Восточной Европы?

2. Что думают троцкисты по поводу высказываний некоторых историков о том, что если бы Троцкий встал у власти в Советской России, он был бы вторым Сталиным?

3. Каково ваше мнение, имеет ли социализм будущее у нас, в СССР и, вообще не является ли он утопией?

4. Действительно ли между Лениным и Троцким существовала вражда? Я имею в виду слова Ленина о Льве Давидовиче, как о «политической проститутке»?

5. Что отличало концепции Ленина и Троцкого по созданию социалистического строя в России?

6. Что вы думаете о таком тезисе: империализм в своем развитии неизбежно перерастет в коммунизм?

7. Коммунизм — это утопия?

Надеюсь, что у вас найдется время ответить хотя бы на часть моих вопросов. С нетерпением жду вашего ответа.

17.11.90

С наилучшими пожеланиями, С. П.

Дорогой товарищ П. 06.01.91

Спасибо за Ваше недавнее письмо. В рамках этого письма трудно ответить на каждый из Ваших вопросов с тем вниманием, которое они заслуживают. Но я попытаюсь дать краткие и точные ответы.

1. В чем видит IV Интернационал причину краха социалистической системы в СССР и других странах Восточной Европы?

Во первых, с точки зрения IV Интернационала неверно применять термин «социалистические» к системам, существовавшим в Восточной Европе или к той, которая продолжает существовать в Советском Союзе. Уже в 1936 году, Троцкий определил СССР, как «переходное» общество, ни капиталистическое, ни социалистическое, историческая судьба которого оставалась неопределенной. Октябрьская революция 1917 года привела к экспроприации буржуазии и создала, в форме государственной собственности, основные предпосылки для эволюции советского хозяйства в сторону социализма. Но, в условиях отсталого характера российского хозяйства, революционная трансформация имущественных отношений не могла, сама по себе, создать передовую технологию и высокую производительность труда, превышающие те, которые уже существуют в передовых капиталистических странах и без которых социализм невозможен. Ленин понимал это и до 1917 года; он никогда не полагал, что социализм будет или может быть осуществлен внутри России на основе лишь национальных усилий. Большевики верили, что российский пролетариат сможет взять власть; но развитие социализма требует распространения революции за границы Советской России — в первую очередь, в передовые центры мирового капитализма в Западной Европе и в Северной Америке. Лишь, когда взятие власти европейским и американским рабочими классами покончит с империалистическим окружением и изоляцией Советской России, она сможет использовать ресурсы мирового хозяйства (включая мощную технологию передовых стран).

Мысль, что социализм можно построить в «отдельной стране», и при том, в отсталой стране, родился в конце 1924 года. Эта фундаментальная ревизия марксизма являлась политической реакцией все более консервативных секций большевистской партии на ряд поражений европейского пролетариата по окончании Первой Мировой войны. Это прагматическое приспособление к продленной изоляции Советского Союза нашло свое выражение в быстром росте бюрократии в государственном и партийном аппаратах, которые были гораздо менее озабочены развитием мировой революции, чем защитой тех материальных привилегий, которые они завоевали внутри существующих государственных границ.

Все проблемы советского хозяйства, которые были повторены в еще более вульгарной форме в Восточной Европе, имеют свои исторические корни в отвержении от революционного интернационализма и его замене отъявленно реакционным «национальным социализмом», который на деле подавил развитие производительных сил внутри СССР. Уже в 1930 году, в ссылке на Принцевых островах в Турции, Троцкий писал в введении к своей книге «Перманентная революция»:

«Марксизм исходит из мирового хозяйства, не как суммы национальных частей, а как могущественной самостоятельной реальности, которая создается международным разделением труда и мировым рынком, властно господствующим в нынешнюю эпоху над национальными рынками. Производительные силы капиталистического общества давно уже переросли национальные границы. Империалистическая война явилась одним из выражений этого факта. Социалистическое общество должно представлять собою в производственно-техническом отношении более высокую стадию по сравнению с капитализмом. Задаваться целью построения национально-замкнутого социалистического общества значило бы, несмотря на все временные успехи, тянуть производительные силы назад даже по сравнению с капитализмом. Пытаться, независимо от географических, культурных и исторических условий развития страны,

составляющей часть мирового целого, осуществить самодовлеющую пропорциональность всех отраслей хозяйства в национальных рынках, значит гоняться за реакционной утопией.» (Из предисловия к немецкому и позним изданиям; Хогтонский архив Гарвардского Университета, I-3303, стр. 2-3).

Несмотря на многочисленные хозяйственные, научные и культурные достижения в Советском Союзе и в других странах Восточной Европы, долговременное последствие их изоляции от ресурсов мирового рынка и международного разделения труда нашло свое законченное выражение во все более широком отставании их производительности труда от того же показателя в капиталистических странах. В результате революции в производстве на основе применения компьютерной технологии во всех областях промышленности в капиталистических странах, начиная с середины 70-х годов, это отставание даже расширилось.

Резюмируя все проблемы Советского Союза, как и те, которые привели к крушению сталинистских режимов в Восточной Европе выводятся из националистической и глубоко анти-марксистской политики правящей бюрократии.

2. Что думают троцкисты по поводу высказываний некоторых историков о том, что если бы Троцкий встал у власти в Советской России, он был бы вторым Сталиным?

Обычно, эти утверждения делаются апологетами бюрократии или анти-коммунистами, которые хотели бы убедить всех и вся, что преступления сталинизма являются неминуемым продуктом Октябрьской революции. Кроме того, что эти утверждения злобны, они отражают крайнее невежество исторического процесса.

Конфликт между Троцким и Сталиным вовсе не был соперничеством между двумя личностями, а напротив, между двумя противоположными программами и социальными силами. Программа Троцкого и левой оппозиции основывалась на революционном интернационализме, который начинал с исторического принципа, что осуществление социализма в СССР неразрывно связано с ходом классовой борьбы на мировом масштабе. Программа сталинизма, т. е. «социализм в одной стране», утверждала, что социализм может быть достигнут на основе национальных ресурсов Советского Союза. Эти взаимно-исключающие программы выражали интересы совершенно разных социальных прослоек.

Если мы позволим себе представить, что произошло бы если Троцкий и левая оппозиция победили над сталинской фракцией, то мы должны предположить, что это привело бы к определенным политическим последствиям, как внутри СССР, так и за границей. Внутри СССР, победа левой оппозиции означала бы восстановление пролетарского контроля над громадным гос- и партаппаратами, которые являлись массовой базой фракции Сталина. Это также означало бы более ранний и осторожный поворот к планомерному промышленному развитию, что привело бы к совершенно другим результатам, чем истощенная кампания сплошной коллективизации, проведенная Сталиным в 1929 году в ответ на неожиданный и катастрофический хлебный кризис.

За границами СССР, победа левой оппозиции привела бы к драматическим последствиям. Революционный интернационализм, на котором и был основан Коммунистический Интернационал, не был бы подменен реакционной программой «социализма в одной стране». Вместо расслабляющих чисток, которые деморализовали Коминтерн и сделали из него подчиненное орудие советской бюрократии, Коминтерн продолжал бы играть, как в 1919-22 гг., мощную роль в построении мирового революционного движения. Не произошли бы унижающие поражение Английской Всеобщей Стачки 1926 года и уничтожение Китайской Компартии в 1927 году; оба — продукты

политической линии Сталина. Если победила фракция Троцкого, то не произошло бы политической и мерзкой ультра-левицы „третьего периода“, последствием которого явилась победа фашизма в Германии. Даже из своей ссылки в Принкипо, Троцкий писал одну статью за другой, обличая преступную глупость ультра-левой политики сталинизированного Коминтерна и его германской секции. Он заранее предупреждал, что лишь единый фронт всех организаций рабочего класса в Германии может остановить продвижение фашизма. Он осуждал бессмысленное уравнение социал-демократии с фашизмом (согласно Сталину, социал-демократия и фашизм являлись „близнецами“). В политике, конечно, нету гарантий, но все таки весьма вероятно, что еслиб Германская компартия начала бы тактику „Единого Фронта“ против фашизма, — т. е. еслиб она преследовала такую же политику, как и большевики под руководством Ленина и Троцкого в августе-сентябре 1917 года, — то Гитлер потерпел бы поражение и германский пролетариат пришел бы к власти.

Победа рабочего класса в самой высокоразвитой капиталистической стране Европы мгновенно преобразила бы международное положение Советского Союза и открыла бы неограниченные возможности для разрешения его огромных хозяйственных проблем. И, конечно, советский народ не потерпел бы ужасных уронов Второй Мировой войны.

Иначе говоря, победа левой оппозиции самым коренным образом изменила бы внутренний и международный контексты политической жизни Советского Союза. Утверждение, что Троцкий стал бы „аторым Сталиным“, является совершенно бессмысленным: ведь совершенно различные объективные условия, ведущие к победе левой оппозиции и к дирекции Советского Союза на основе марксистской политики, предотвратили бы рост тоталитарного режима, известного сегодня, как сталинизм.

3. Каково ваше мнение, имеет ли социализм будущее у нас, в СССР и, вообще не является ли он утопией?

Нынешний кризис в Советском Союзе вовсе не является результатом неудачных и ошибочных поисков утопии. Он, скорее, является историческим итогом предательства интернационального социализма со стороны кремлевской бюрократии. Политика сталинистского режима привела к катастрофическим поражениям в международном рабочем движении, которые подорвали мировую позицию Советского Союза и гарантировали сохранение мировой капиталистической системы.

Будущее социализма в Советском Союзе зависит от: 1) свержения сталинистского режима советскими рабочими и возрождение настоящих, избавленных от бюрократии Советов, как демократических органов власти; и 2) от умения рабочего класса в капиталистических странах сознательно взяться за борьбу за власть. То есть, в ходе быстро ухудшающегося кризиса американского и международного капитализма, — уже выражающегося началом мирового спада, издержением империалистического милитаризма в Персидском Заливе и эскалацией торговых разногласий между основными империалистическими державами, — рабочий класс должен свергнуть буржуазию. Рабочий класс располагает достаточными силами, но ему необходимо революционное руководство, стоящее на такой же истинно интернационалистской позиции, как и та, с которой начинали большевики в 1917 году.

4. Действительно между Лениным и Троцким существовала вражда? Я имею в виду слова Ленина о Льве Давидовиче, как о „политической проститутке“?

В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий принимают парад

Ленин и Троцкий были настоящими, живыми людьми, жизнь которых была полна борьбой и разногласиями. В годы до 1917 года, Ленин вел очень трудную и длительную борьбу за создание революционной партии, основанной на новых организационных концепциях, которые находили упорное сопротивление со многих сторон в российском и европейском социал-демократическом движении. Троцкий был среди тех, кто в различные моменты между 1903 и 1917 годами резко конфликтовал с Лениным; ни тот, ни другой не были особенно склонны ограничивать свое поведение во время этой внутри-партийной полемики. Но, конечно, не соглашаться с Лениным, — который в то время считался своими товарищами простым смертным, а не божеством, — вовсе не принималось за смертный грех. Так или иначе, на основе своей блестящей роли на посту председателя Петербургского Совета во время революции 1905 года и своих замечательных способностей, как социалистический теоретик и публицист, и несмотря на свои разногласия с Лениным до 1917 года, Троцкий общеприято считался одной из ведущих фигур в российском и европейском социалистическом движении.

Нужно добавить, что хотя Троцкий был бесспорно неправ, критикуя организационные принципы большевизма, он был вполне прав в своей критике перспективы „демократической диктатуры пролетариата и крестьянства“, которую предлагал Ленин до 1917 года. Теория перманентной революции, разработанная Троцким по окончании событий 1905 года, постулировала возможность пролетарской революции и предвидела истинное развитие событий 1917 года. Когда Ленин вернулся в Россию и выставил свои „Апрельские Тезисы“, меньшевики и оппортунистические уклоны среди большевиков обвинили его в троцкизме. А Троцкий: крушение Второго Интернационала и опыт Первой Мировой войны убедили его в правоте организационных представлений Ленина; Апрельские Тезисы сняли все разногласия, разделявшие их политические перспективы. Троцкий организовал принципиальное объединение между тенденцией

межрайонцев, в которой он играл ведущую роль, и большевиками. Спустя несколько месяцев Ленин объяснил, что „нет лучшего большевика“, чем Троцкий. Ну, а в отношении ведущей роли Троцкого в организации Октябрьской революции, факты настолько ясны, что лишь наиболее упертые сталинцы могут их отрицать.

Высокое уважение Ленина по отношению к выдающейся роли Троцкого, как главнокомандующего Красной Армией, ярко показано в знаменитом „чистом бланке“, который Ленин написал в июле 1919 года и который гласил:

„Товарищи!

Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В. Ульянов (Ленин)

Л. Троцкий, „Сталинская школа фальсификации“ Берлин, 1932 г. и Москва, 1990 г. стр. 60.

Ленин передал Троцкому этот документ и предложил ему использовать его по собственному предвидению.

Конечно, между Лениным и Троцким время от времени возникали различные разногласия; следует особенно отметить „вопрос о профсоюзах“. Но эти диспуты были выражением здоровой внутренней жизни ВКП(б) после захвата власти, когда политическая линия формулировалась в ходе политической борьбы.

5. Что отличало концепции Ленина и Троцкого по созданию социалистического строя в России?

Кроме изолированных и эпизодических разногласий по определенным тактическим вопросам, между ними не было значительных разногласий об основной линии советской политики. Оба были убеждены, что выживание советского государства, не говоря даже об осуществлении социализма, зависит от победы социалистической революции в передовых капиталистических странах.

6. Что вы думаете о таком тезисе: империализм в своем развитии неизбежно перерастет в коммунизм?

Честно говоря, эта мысль кажется мне бессмысленной ерундой. Те, кто ее выдвигают, вовсе не понимают, что такое коммунизм или социализм.

7. Коммунизм — это утопия?

Ответы, которые я дал на Ваши предыдущие вопросы опровергают это утверждение и конкретно объясняют исторический процесс, который привел к изращению советского государства. Те, кто провозглашают коммунизм утопией, предлагают научно обанкроченное и самодовольное извинение того факта, что они даже не пытаются изучать прошлое. Они имеют в виду, что альтернативы капитализму не существует, что все попытки создать альтернативу обречены на провал.

Заявить, что коммунизм — утопия, значит отвернуться не только от теоретических завоеваний социального мышления конца XVIII и начала XIX веков, но также от основных уроков исторических достижений, также как и трагичного опыта международного рабочего движения XX века.

В конце XIX и в начале XX веков, на основе научных теорий, разработанных Марксом и Энгельсом, которые критически ассимилировали все значительное в предыдущем развитии политической экономики, философии и разных форм утопической социальной теории, выросло могучее международное революционное движение. Величайшим достижением этого движения был захват власти российским пролетариатом в октябре 1917 года.

Троцкий был первым, кто объяснил, как, в условиях продленной международной изоляции Советской России, партия, руководившая революцией пострадала от глубокой деформации. Потерпев урон в ходе Гражданской войны и массовой нищеты, советский рабочий класс потерял контроль над все более растущей государственной и партийной бюрократией, которая, в конечном итоге, узурпировала политическую власть и использовала ее для защиты и увеличения своих привилегий. Интернационализм большевиков был подменен теорией „социализма в одной стране“, которая в свой черед привела к ужасным поражениям международного пролетариата.

Если мы и употребим термин „утопия“ по отношению к истории Советского Союза, то нам следует применить его к политике сталинцев. Они пытались осуществить реакционную утопию барачного социализма, основанного на недоразвитом национальном хозяйстве России.

Вдобавок, если мы определяем „утопию“, как преследование социального видения, не имеющего реальных оснований, то этот термин нужно применить к программе тех, кто утверждает, что реставрация капитализма приведет к благоденствию и демократии. События в Восточной Европе, где миллионы трудящихся брошены в условия полного обнищания, обнажают жалкую сущность этих иллюзий.

Нужно добавить, что ухудшающийся кризис американского и всемирного капитализма вновь откроет глаза миллионов на великие научные открытия Маркса и Энгельса. В своем погружении в лучину мирового спада, империализм вновь угрожает всему миру новой эрой варварства. Те, кто шумно отвергают коммунизм, как „утопию“, обычно не предлагают рабочему классу какую-то другую программу, чтобы бороться против той весьма реальной социальной катастрофы, которой вновь угрожает капитализм. Вы знаете, гораздо легче осудить марксизм, чем развить и бороться за программу, отвечающую на немедленные нужды рабочего класса.

Чтоб ознакомить Вас с историей Четвертого Интернационала и с его современной программой, я посылаю Вам выпуск международной программной резолюции на русском языке а также предыдущие номера „Бюллетеня Четвертого Интернационала“. К сожалению из-за дороговизны авиапочты, я вынужден выслать их наземной почтой, что, конечно, замедлит их доставку.

Но в этом конверте я высылаю копию последнего письма Льва Давидовича Троцкого к рабочим Советского Союза, написанного им в апреле 1940 года, всего за несколько месяцев до его убийства от рук агента НКВД-ГПУ. Пожалуйста, распространяйте его среди Ваших товарищей и друзей; несмотря на шестие лет, оно остается политическим документом высочайшего значения.

Судьба рабочих в СССР, как и в капиталистических странах, зависит, больше всего, от тесного единения международного пролетариата. Ответ на преступления сталинизма лежит не в реставрации капитализма в СССР, а в программе мировой социалистической революции.

Примите наши добрые пожелания к Новому Году.

С товарищеским приветом,

Давид Норт,

от имени всей редакции „Бюллетеня Четвертого Интернационала“.

• •
• • • •

Дорогие товарищи!

Я студент на факультете романской и германской филологии в Киевском Государственном Университете. Я немножко узнал о деятельности IV Интернационала из публикации в советской прессе, в связи с приездом Б. и К. в Киев. В сущности, мое письмо вот о чем. Я познакомился со старым человеком. Его имя Виктор Зобнин. Он старый рабочий. Он живет на Урале в небольшом городке Каслы. До Великой Октябрьской Революции, этот городок был известен по всему миру из-за фигурного литья. И этот старый человек сохранил все секреты „Кашловского литья“. Он льет слепки и рисует картины дома. Но наши бюрократы не хотят признать его, он ведь простой рабочий, самоучка. Когда я был на Урале, я случайно познакомился с этим талантливым человеком. Я увидел его труды, хотя его мастерство заслуживает мирового признания. И я решил помочь ему.

Андре Бретон, Диего Ривера и Лев Троцкий

Я хочу предложить вам взять в свои руки организацию экспозиции работ Зобнина. Вы можете передать это предложение и другим секциям Интернационала. Я думаю, что выставка работ этого русского рабочего будет вам идеологически полезна. Этот художник не просит денег; он лишь мечтает, чтобы люди видели его работу.

Я высылаю вам несколько любительских фотографий его работ. Пожалуйста, сообщите мне о вашем решении.

Что касается меня, зная испанский и английский языки, я мог бы помочь вам в переводе статей из советской и украинской прессы, которые вас интересуют. Я надеюсь о скором отклике.

С уважением, В. М. 8.11.90 г.

Дорогой товарищ М. 12.14.90 г.

Благодарю вас за ваше письмо за 8 ноября. Я с интересом прочел ваше описание трудной борьбы Виктора Зобнина за художественное признание. Вопросы, которые затрагивает низменное

отношение бюрократии к этому рабочему-художнику, весьма важны для Четвертого Интернационала.

Знакомы ли вы с тем фактом, что Троцкий очень много писал о вопросах искусства и культуры? Вы знаете, он был полностью против подавления художественного творчества сталинистской бюрократией! В 1938 году он совместно с великим французским художником, Андре Бретоном, опубликовал Манифест, призывающий к свободному революционному искусству.

Если только возможно, наше движение постарается помочь товарищу Зобнину. По правде говоря, у нас нет прямого доступа в официальный „художественный истеблишмент“ в Соединенных Штатах; он полностью направляется финансами, а не социальными или эстетическими соображениями. Но все таки, я свяжусь с друзьями и сторонниками в разных странах, кто сами являются художниками, и кто, надеюсь, будут заинтересованы больше узнать о работе Зобнина. Я дам вам знать, как можно скорей, или мы сможем в чем то помочь. Было бы лучше, если бы вы могли прислать мне больше фотографий и дополнительную информацию об этом художнике.

Что касается вашего предложения о помощи, мы будем признательны за переводы материалов из советской и украинской прессы. Может быть вы сможете прислать нам ваши собственные соображения о развитии в Советском Союзе.

И, наконец, в отдельном конверте я посылаю вам прошлые номера „Бюллетеня Четвертого Интернационала“. Пожалуйста, сообщите нам ваше впечатление об этой публикации. Поскольку вы читаете по-английски, я посылаю вам также несколько номеров еженедельной газеты Рабочей Лиги, так как я полагаю, что вы заинтересованы узнать побольше о реалиях классовой борьбы в Соединенных Штатах и во всем мире.

С товарищеским приветом,

Давид Норт

...

Добрый день!

Познакомился с публикацией в „Комсомольском знамени“ за 2 ноября 90 г. „Троцкисты верят в победу“.

Хотелось бы больше узнать о Лэве Троцком, о 4-ом Интернационале.

Особенно интересуют вопросы религии. Отношение 4-го Интернационала к Богу, или вы проповедуете атеизм?

Буду рад вашему ответу.

Заранее признателен, с уважением Г. 9.11.90 г.

Дорогой товарищ Г.!

5.01.91

Большое спасибо за Ваше недавнее письмо. В ответ на Ваш вопрос, я должен отметить, что мы — атеисты, и разделяем отношение всех материалистов к религии и ко всем другим формам духовных предрассудков.

На основе религии нельзя познать научное объяснение космоса в котором мы живем, даже не говоря о планете, которую мы населяем. Кроме того, религиозные предрассудки цинично манипулируются в интересах социальной и политической реакции. Это совершается не только „богобоязненными“ священниками-баптистами в Соединенных Штатах, индусскими фанатиками в Индии, аятоллами Шиитами в

Иране, но также и сталинскими бюрократами, которые надеются, что возрождение Русской Православной церкви будет способствовать процессу капиталистической реставрации.

Сказав это, позвольте мне подчеркнуть, что идеологическая борьба против религии должна быть проводима терпеливо, тактично, с отзывчивым пониманием чувств верующих. Религия не может быть отменена по декрету и все верующие должны иметь право следовать своей вере без каких-либо угроз и преследований.

Для Вашего сведения, позвольте мне процитировать отрывок из статьи об источниках религии, написанной Троцким в 1924 году:

«Вопрос о религии имеет колоссальное значение и теснейшим образом связан со всей культурной работой и социалистическим строительством. Маркс в молодости своей сказал: «Критика религии — предпосылка всякой другой критики». В каком смысле? В том смысле, что религия есть некоторое мнимое знание о мире. Мнимость этого знания вытекает из двух источников: слабости человека перед природой и нескладности общественных отношений. Робя или пасуя перед природой, не разбираясь в общественных отношениях или пасуя перед ними, общественный человек пытается свести концы с концами, создавая фантастические образы, надевая их мнимой реальностью и становясь перед собственными творениями на колени. В основе этого творчества лежит практическая потребность человека в ориентировке, вытекающая в свою очередь из условий борьбы за существование. В религии выражаются поиски обобщенной ориентировки в окружающих условиях и в средствах борьбы за существование. В самой этой ориентировке имеются и практические, целесообразные правила. Но скреплено все это мифом, фантастикой, суеверием, мнимым знанием.» («Правда», 23 июля 1924 г. стр. 6).

К концу своей статьи (вернее речи), Троцкий утверждал, что религия лишь тогда потеряет свое влияние над человеком, когда человечество освободит себя от всех форм угнетения. Он сказал: «Религия переводит на язык фантастических образов хаос природы и хаос общественных отношений. Только ликвидация земного хаоса может покончить навсегда с его религиозным отражением. Сознательное разумное, плановое руководство всеми сторонами общественной жизни уничтожит навсегда всякую мистику и чертовщину.» (Пам. же).

Примите наши добрые пожелания к Новому Году.

С товарищеским приветом, Давид Норт,
от имени всей редакции «Бюллетеня Четвертого Интернационала».

• • • • •

Здравствуйте!

Вам пишет С. А. Т. Я живу и работаю в Киеве, столице Украины. Ваш адрес я узнал из интервью, которое Ваш сотрудник, Ф. К. дал украинской молодежной газете «Комсомольское знамя» № 210 от 2.11. 1990 г.

Интервью я прочитал с большим интересом. Пожалуйста, передайте Ф. К. мою благодарность за то, что он привез в СССР одну из статей Л. Д. Троцкого, которую я с большим удовольствием прочитал.

У нас в СССР, имя Троцкого предают проклятию более 140 шестидесяти лет — с начала, как вредителя, шпиона и диверсанта,

агента международного империализма, в сейчас, в наши дни, как жиде-массона-большевика, основателя красного террора и организатора и зачинщика гражданской войны.

Прочитав же сами работы Л. Д. Троцкого почти нет возможности — они большая библиографическая редкость. Кроме того, клеймо «врага народа» с Л. Д. Троцкого не сняли, по крайней мере официально. Поэтому о настоящей сути революционной работы Льва Давидовича известно у нас очень мало.

Что же касается непосредственно интервью, которое дал Ф. К., то мне больше всего понравились его слова о том, что «Реставрация капитализма в СССР в его самом хищническом виде — это бесспорно цель, преследуемая и проводимая в жизнь нынешним режимом в СССР». Если бы кто-нибудь в СССР сейчас сказал это от своего имени, его бы немедленно объявили в реакционности, отсталости, консерватизме и объединении с Ниной Андреевой, которая считается одной из фигур и врагом перестройки № 1.

Сейчас, по моему мнению, подавляющее большинство населения СССР убеждено, что капитализм, или, как его сейчас называют, «общество рыночной экономики» — это просто замечательно, и чем скорей его восстановят — тем лучше для всех.

О себе могу сообщить, что мне 28 лет, я по национальности русский, не женат, образование высшее, работаю преподавателем русского языка как иностранного в институте — учу иностранцев русскому языку. В совершенстве владею украинским языком. Английским языком владею достаточно хорошо для преподавания на начальном этапе обучения.

Мне бы хотелось во-первых, получить какую-либо информацию о деятельности Интернационального Комитета Четвертого Интернационала; и во-вторых, я предлагаю Вам свои услуги: я могу писать для Вас корреспонденции о политической жизни на Украине (на русском языке) или готовить для Вас обзор украинской прессы, издаваемой на украинском языке. Если у Вас есть какие-либо просьбы, то я всегда к Вашим услугам.

С. А. Т. 19.11.1990

Дорогой товарищ С. Т.! 10.04.91

Я с большим удовольствием получив Ваше недавнее письмо. Пожалуйста извините меня за невозможность ответить поскорее. Как Вы замечаете в письме, огромное современное значение работы Троцкого лежит именно в том факте, что она олицетворяет исторически прогрессивную, т. е., марксистскую оппозицию по отношению к сталинским предательствам социализма и Октябрьской революции.

Какие бы ни были тактические разногласия между Горбачевым и Ельциным, оба начинают с предпосылки, что единственное разрешение кризиса, стоящего сейчас перед Советским Союзом, это реставрация капитализма. Их оппозиция к сталинизму поэтому имеет вполне реакционный и лицемерный характер; их программа выражает логичный исход бюрократической ликвидации социального наследия большевизма.

Вы пишете, что огромное большинство населения СССР убеждено, что их спасение — в капитализме. Если это и так, то это лишь самое ядовитое наследие предательства сталинизма; последний сделал все возможное, чтоб дискредитировать социализм. Но иллюзии о сущности капитализма, остающиеся среди широких масс советского народа, не смогут пройти проверку опыта.

Менее года тому назад, сразу же после краха режима Хонекера, миллионы восточно-германцев были убеждены, что воссоединение с капиталистическим Западом принесет им несказанное благополучие. Когда канцлер Коль призвал местное население верить в могущество Немецкой Марки его приветствовали как спасителя в городах от Берлина до Карл-Маркс-Штадта. Но не прошло и года, как эти иллюзии испарились. Немецкая марка привела не к благоденствию, а к массовой безработице. Десятки фабрик и заводов закрываются каждую неделю. Согласно последним предположениям, к середине лета половина восточно-германского населения останется без работы. В то же время, цены подскочили вверх и программы социального обеспечения, существовавшие в старой ГДР, жестоко уничтожаются.

Я вовсе не упоминаю этот факт, как оправдание режима Хонекера. Наоборот, его реакционная сталинистская политика проложила дорогу капиталистическому воссоединению Германии. Но судьба рабочих Восточной Европы служит предупреждением советскому народу: если могучая революционная партия не будет построена, крушение сталинизма приведет к реставрации капитализма со всеми его ужасными социальными последствиями.

Согласно нашим последним сведениям, социальный кризис в Советском Союзе приближается к новой развязке. Правительство Горбачева полностью дискредитировано; вспыхнули стачки сотен тысяч, даже миллионов рабочих. Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала приветствует отъезд рабочих масс вышедших на улицы.

В этой ситуации рабочим следует помнить об уроках событий в Восточной Европе. Рабочие не должны ни в коем случае позволить перехватить политическую инициативу мелко-буржуазным элементам, которые в союзе с широкими слоями бюрократии, пропагандируют свободный рынок в качестве разрешения кризиса. Вместо этого они должны превратить стачечные комитеты в настоящие рабочие советы и взять полный контроль над политической и хозяйственной жизнью городов и областей, в которых они действуют. Массовое демократическое движение рабочего класса, организованного в настоящие советы по модели 1905 и 1917 годов, может и должно стать базисом для реорганизации производства и распределения в интересах рабочего класса.

Если у рабочих еще есть иллюзии о сущности капитализма, то пожалуйста, обратите их внимание на условия жизни в Соединенных Штатах. Мне было бы интересно узнать, или советская пресса сообщает о положении американского хозяйства. Сообщает ли пресса, что Соединенные Штаты сейчас охвачены все более углубляющейся рецессией, приносящей огромные бедствия широким слоям рабочего класса и мелкой буржуазии?

Согласно одной статье, напечатанной 7 апреля в одной из ведущих капиталистических газет, *New York Times*, «Спад так или иначе затрагивает громадное большинство американцев... 58% сказали, что они хорошо знают кого-то, кто находится без работы. Почти половина сообщили, что им все труднее сваять концы с концами».

Согласно опросу проведенному газетой: «Трое из десяти ответчиков и половина негров сказали, что член их семьи был какое то время без работы в прошлом году. Один из пяти белых и почти половина негров сказали, что велики шансы, что кто-то из их семьи будет уволен в течение года».

Хорошо известно, что планировщики перестройки в СССР состоят из горячих сторонников Гэтчер и Рэгана. Смешно сказать, но в Соединенных Штатах и в Великобритании все шире распространено мнение, что именно их оргия «свободного предпринимательства» подготовила сцену для нынешнего краха.

С теплейшим приветом,

Давид Норт
по поручению редколлегии «Бюллетеня Четвертого Интернационала»

Сотни безработных стоят в очереди в надежде получить одно из нескольких свободных рабочих мест в этом универсаме в Детройте, штате Мичиган.

• • •

Здравствуйтесь уважаемые.

Пишет Вам письмо киевлянин, О. Т. Я внимательно слежу за прессой и прочитал статью о IV Интернационале. Мне, как и многим советским гражданам, нет особого желания жить при старой системе государства СССР. Но изменяя е, появился новый термин «перестройка», нужно подойти со всей ответственностью к вопросам социальным, идеологии, политики, прав и свобод. И как бы мы не искали чего-то новенького, дабы блеснуть «шагом вперед», мы можем оказаться «два шага назад», сделав в прошлом-настоящем. Именно по этому обращаюсь к Вам и говорю, что вопросы социализма актуальны были, есть и будут. Поскольку смысл этого слова несет в себе и иная терминология, и иное время, но безусловно одно, что суть остается той же. История повторяется не столько от неоправданности происходивших уже событий, сколько от совершенных ошибок в процессе достижения святой, я считаю, цели. Более того, социальная революция, а «перестройка» признана так-таки

революцией, невозможно без национальной. Я украинец, и сетую над национальным ренессансом, который невозможен без социального. Имперская политика Польши, Литвы, Монголо-татарского хана, Российской империи, Германии брали всегда национальную независимость в зависимость через социальную, как впрочем брали и другие народы империалисты-шовинисты, махровые национал-социалисты. Каков же путь для моей Родины с украинцами, евреями, греками, крымчанами и крымскими татарами? Естественно уже избранный, но подаваемый «тирмой народов», которая создала верноподданных про-фашистов: монархическую партию, НТС, общество «Память», для воссоздания «единой и неделимой». Прочитав еще Льва Троцкого об украинском вопросе я открыл для себя Личность, истинного борца за свободу, равноправие и добрососедство наций, которого тщательно облачивали в средствах массовой информации долгое время.

Я поделился своими впечатлениями о статье Льва Троцкого, дал почитать — и мои единомышленники, друзья поддержали меня в том, что я решил обратиться к Вам, поскольку мы являемся первичной организацией всем известной на Украине гражданско-политической организации. И были бы мы рады Вам если поделитесь с нами идеями IV Интернационала, через него чтоб мы смогли конкретно увидеть путь развития Украины, добрососедства. Буду рад и будут рады мои товарищи получить письмо от Вас.

С уважением к Вам, член Старшинской Рады
Республиканской Партии Украины, О. И. К.

26.11.90. г. Киев

Дорогой товарищ К.!

10.04.91

Благодарю Вас за Ваше письмо, которое я прочел с глубоким интересом.

Крах сталинских режимов в Восточной Европе и смертельная болезнь бюрократической диктатуры в СССР вызвали, как Вы указываете в своем письме, возрождение национализма. Не удивительно, что после десятилетий репрессий со стороны сталинских самодержцев, украинцы, грузины, молдаване, азербайджане и все другие угнетенные национальности, теперь стремятся сбросить оковы Кремля.

Существуют два непримиримо враждебных подхода к борьбе за самоопределение: 1) национально-шовинистский подход, требующий, в ходе борьбы за права одной нации, «право» угнетать национальные меньшинства, живущие внутри государственных границ «освобожденного» большинства; или 2) интернационалистский подход, основанный на программе мировой социалистической революции, стремящийся реализовать освобождение всех угнетенных наций через объединение трудящихся всех стран.

Лишь второй подход предлагает жизнеспособный ответ на проблему национального гнета, который исторически неотделим от происхождения, развития и разложения капиталистической системы национальных государств.

При поверхностном подходе может показаться, что извержение национализма в СССР и в Восточной Европе свидетельствует о крушении «социалистического» выбора. Но, как и во всех других основных областях, политика советской бюрократии в национальном вопросе нарушала революционно-интернационалистские принципы, за которые боролись большевики. Принятие Сталиным и Бухариным в 1924 году, реакционной теории «социализма в одной стране» открыло дорогу практическому отречению социалистического интернационализма во всех областях политики и практики.

Уже в 1927 году, Троцкий и левая оппозиция подвергли национальную политику сталинского режима беспощадной критике и заметили ее вредные последствия:

«Бюрократизм, опираясь на великодержавный шовинизм, сумел превратить советскую централизацию в источник трений из-за дележа чиновничьих мест между национальностями (Закавказская федерация), сумел испортить отношения между центром и окраинами, сумел фактически свести на нет значение Совета Национальностей, сумел довести бюрократическую опеку над автономными республиками до лишения последнего права разбирать земельные споры между местным и русским населением. До сегодняшнего дня великодержавный шовинизм, особенно поскольку он действует через госаппарат, остается главным врагом сближения и сплочения разных национальностей.» («Проект платформы большевиков-ленинцев (опозиции) к XV съезду ВКП(б)», раздел VI, сентябрь 1927 г.).

По окончании Второй Мировой войны, сталинцы подчинили интересы рабочих и крестьян Восточной Европы прагматическим соображениям советской рилполитик, т.е. циничным сделкам Кремля с мировым империализмом. Вместо разрешения, они искусственно подавили живые национальные проблемы Восточной Европы и Балкан, которые сыграли столь важную роль в подготовке Первой и Второй Мировых войн. Следует особенно отметить, что Кремль никогда не попытался интегрировать области Восточной Европы и Балкан в единое, гармоничное, хозяйственное целое в рамках СССР. Вместо этого, с небольшими поверхностными переделками спорных границ, он сохранил старую реакционную систему национальных государств, созданную империализмом конца XIX и первой четверти XX веков.

Советские и восточноевропейские хозяйства, — покаянные бюрократической дезорганизацией и бесхозяйственностью и их изоляцией от ресурсов мирового рынка и международного разделения труда, — не смогли, на демократической основе, удовлетворить материальные нужды народов, живущих в этом громадном географическом регионе. Несмотря на громкие слова бюрократии о «братской солидарности» советского и восточноевропейских народов, борьба за распределение дефицитных ресурсов продолжала оставаться постоянным источником вражды между различными национальными и этническими группами.

А теперь, когда Советский Союз и Восточная Европа движутся к реставрации капитализма, национальные и даже религиозные антагонизмы неминуемо принимают все более жесткие формы. С точки зрения мелко-буржуазных националистов, шовинизм является способом подорвать классовое сознание рабочего класса и установить их собственное политическое преобладание. Помимо этого, шовинизм служит потребностям экономической политики, направленной на привлечение империалистических капиталовложений в свою собственную национальную единицу. Еще одним важным фактором во взрыве шовинизма являются махинации империалистов, которые искусно используют в своих собственных интересах, национальные и этнические соперничества.

Нужно подчеркнуть, что возрождение злокачественного национализма вовсе не специфично Восточной Европе и СССР. Наоборот, оно является интернациональным феноменом, который отражает углубляющийся хозяйственный и политический кризис мировой империалистической системы. Растущие торговые соперничества между основными капиталистическими странами ведут к между- и внутри-государственному антагонизму, выражающимся в грубых взрывах шовинизма. Канада, например, которая должна бы вроде быть самой спокойной из всех капиталистических государств, теперь стоит перед резким расколом между ее англо- и франкофонами; этот раскол угрожает перерасти в национальное крушение и гражданскую войну! В то же самое время, углубляющаяся

борьба за рынки, сырьевые ресурсы и источники дешевой рабочей силы стремительно ведут к развалу теплых отношений между Соединенными Штатами, Европой и Японией. Одним признаком нового политического климата между Соединенными Штатами и их важнейшими экономическими соперниками может явиться название недавней книжки: „Будущая война с Японией“.

Для более глубокого понимания опасности шовинизма в нынешней мировой ситуации, полезно вспомнить слова Троцкого, написанные за пять лет до развязки Второй Мировой войны:

„Классической ареной капитализма стало созданное им, в борьбе со средневековым партикуляризмом, национальное государство. Но едва успев сложиться, оно уже начало презращаться в тормоз для экономического и культурного развития. Противоречие между производительными силами и рамками национального государства, в сочетании с основным противоречием — между производительными силами и частной собственностью на средства производства — и образуют кризис капитализма, как мировой социальной системы.“ („Четвертый Интернационал и война“, декабрь 1933 г., Хогстонский архив Гарвардского университета, T-3032, стр. 61).

„Защита национального государства, прежде всего в балканизированной Европе, родине национального государства, является в полном смысле реакционной работой. Национальное государство со своими границами, паспортами, денежной системой, таможенными и армией на защите таможен, стало чудовищной помехой на пути экономического и культурного развития человечества. Задачей пролетариата является не защита национального государства, а его полная и окончательная ликвидация.“ (Там же, стр. 71).

„Рабочий класс не относится безразлично к своей нации. Наоборот, именно потому, что история поручает ему взять в свои руки ее судьбу, он отказывается доверить дело ее свободы и независимости империализму, который „спасет“ нацию только для того, чтобы завтра же подвергнуть ее новым смертельным опасностям во имя интересов ничтожного эксплуататорского меньшинства.“ (Там же, стр. 81).

Судя по Вашему письму, я думаю, что Вы согласитесь с мнением Троцкого: „Национальная проблема сливается с социальной. Только завоевание власти мировым пролетариатом может обеспечить действительную и неизбежную свободу развития для всех наций нашей планеты.“ (Там же, стр. 9).

Марксистская программа настоящего революционного интернационализма, столь бесстыдно и цинично преданная сталинцами, принимает сегодня для рабочих всего мира поистине характер жизни и смерти. Но эта программа не может быть выполнена без терпеливой и решительной борьбы за построение Четвертого Интернационала в массовую партию мирового пролетариата. Мы надеемся, что вы вступите в наши ряды в борьбе возродить в рабочем классе традиции революционного интернационализма.

В заключение, позвольте мне обратить Ваше внимание на план Интернационального Комитета Четвертого Интернационала провести международную конференцию против империалистической войны и колониализма. Эта конференция соберется в Берлине 16-17 ноября 1991 года. Мы надеемся, что Вы и Ваши товарищи сможете послать делегацию на это важное собрание.

С интернационалистским приветом,
Давид Норт.

по поручению редакционной коллегии *Бюллетеня Четвертого Интернационала*

Здравствуйте товарищ Норт!

Я получил от Вас письмо и бандероль с 4 брошюрами. Огромное спасибо!

Дело в том, что я никогда не читал подобного, очень интересно, хотя и не все понятно, но я хочу во всем разобраться сам, а для этого нужно время.

Сейчас я читаю „Бюллетень“ посвященный 50-ти летию со дня убийства... Вы знаете, такой объем информации, что голова идет кругом“.

Особенно меня поразил „Основная программа политической революции“ (стр. 25) ведь положения этой программы очень актуальны для политической жизни моей страны в настоящее время. Причем многое я уже слышал из уст государственных деятелей, газет и телевидения так, что действительно идеи Л. Троцкого очень жизнеспособны...

Еще раз повторяю, что я впервые в жизни знакомлюсь с идеями этого поистине великого революционера. Я буду очень признателен, если и дальше буду получать от Вас материалы о деятельности 4 Интернационала, статьи Л. Троцкого и других революционеров.

Немного о себе. Мне 39 лет. Женат. Двое детей. Работую на молочном комбинате. Моя профессия — машинист-оператор. Филателист. Моя тема: „Соратники В. И. Ленина“, в экспозиции полностью отсутствует тема Л. Троцкого). Буду очень Вам признателен, если Вы вышлете мне марки, открытки, конверты посвященные Л. Троцкому, его жизни и деятельности, его соратникам.

Очень бы хотел получить официальный конверт Интернационального Комитета Четвертого Интернационала (мне он необходим на выставку).

Английский язык знаю со словарем, поэтому мне трудно будет читать книги.

Еще я хотел бы больше узнать о деятельности 4 Интернационала, правда ли, что во всех странах есть приверженцы идей 4 Интернационала, и т. д.

До свидания. С нетерпением жду ответа.
Ваш Ю. 20.1.91 г.

P.S. Вы спрашиваете о событиях на Украине. Я думаю, Вам известно какое сложное время мы переживаем, как в экономической, так и политической жизни. Очень сложно. События в Литве... По разному их воспринимают, кто-то негодует, кто-то приветствует и т. д.

Вообще, Украина как-бы поделена на части в политической жизни. Это Западная Украина и Восточная Украина, Центр и Юг Украины, Донбас.

И везде жизнь политическая идет по разному...

Если Вы желаете знать что-то конкретно, пишите, задавайте вопросы и т. д. Я постараюсь ответить, хотя за объективность не ручаюсь, могу высылать Вам газеты, журналы, книги.

Вообще же жду Вашего письма.

Здравствуй Давид!

Я давно отправил тебе письмо (20.1.91), в ответ до сих пор не получил. Я хотел бы узнать причину твоего молчания.

Немного о себе. Два месяца я находился в больнице, дело в том, что я в 1986 году участвовал в ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, в результате чего я получил дозу облучения 25 рентген. Сейчас часто болею.

Мы «чернобыльцы» или «ликвидаторы», так называет нас народ, в нашем городе создали организацию «Союз Чернобыль». С помощью ее пытаемся помочь тем, кто сильно нуждается в помощи, а таких очень много...

Ситуация в стране очень сложная, «переход к рынку» разорил всех трудящихся, цены очень большие, в основном кооперативные и коммерческие, а в государственных магазинах ничего нет, ни одежды, ни продуктов. Я не знаю, как мы сможем дальше жить.

Очень страдают наши дети, глядя на них сердце разрывается...

Мы видим по ТВ и читаем в газетах, что многие страны оказывают гуманитарную помощь, но в маленькие города Украины она не доходит.

По просьбе «чернобыльцев» я обращаюсь к Вам, Давид, за помощью для наших детей.

Дело в том, что в магазинах нет детской одежды, детской обуви, детского питания. Если это возможно, обратитесь через Лигу американских рабочих ко всем американцам, расскажите о трудностях с которыми столкнулись трудящиеся Украины, их дети... В Вашей помощи прежде всего нуждаются дети...

Детскую одежду и обувь можно присылать не новую, в бывшую в употреблении, я уверен, что во многих американских семьях есть одежда и обувь, которую не носят их дети.

Если Вы желаете к нам приехать в г. Ш., мы с удовольствием Вас пригласим. В свою очередь очень хотелось бы побывать в США, но такие поездки очень дорогие (билеты на самолет, гостиница) и простым рабочим не под силу.

Еще раз передаю в Вашем лице наилучшие пожелания в адрес Лиги американских трудящихся от «чернобыльцев» и жду от Вас ответа.

С уважением к Вам, Ю. 29.5.91.

Дорогой товарищ Ю.!

Ваше письмо за 29 мая пришло вчера. Обычно, письма из Советского Союза берут два — четыре месяца. На этот раз оно дошло за две недели. Будем надеяться, что мы и в дальнейшем будем так удачливы в нашей переписке.

Пожалуйста извините меня за запоздания в ответах. Честно говоря, я нашел Ваше последнее письмо очень интересным и показал его многим товарищам в Рабочей Лиге. Я также признателен за фотографию Вас и Вашей семьи.

Информация, которую Вы нам дали об условиях жизни «чернобыльцев» весьма потрясающая; я ознакомлю с этими фактами все секции Интернационального Комитета Четвертого Интернационала. Мы начнем борьбу за организацию международной рабочей помощи детям чернобыльцев, через публикацию их бедствия на страницах нашей газеты. Было бы весьма полезно, если бы Вы прислали нам больше информации, записали интервью с рабочими семьями, прислали бы нам фотографии.

Хотя политика Горбачева полностью соответствует контр-революционной логике сталинизма и не удивляет троцкистской движение, но все таки смотря на его переговоры с империалистическими лидерами нельзя не испытывать чувств возмущения и отвращения.

Советский Союз распродается сталинцами на империалистическом аукционе; это извиняется с помощью огромной лжи, что реставрация капитализма и превращение СССР в экономическую колонию империалистических держав поднимет уровни жизни советских масс!

В Соединенных Штатах, капиталистическая пресса злорадствует по поводу того, что финансовые «эксперты» Горбачева встречаются с

американскими экономистами, чтоб изобрести методы реорганизации советского хозяйства на капиталистической основе.

Чтоб понять цену таких «советов», следует лишь посмотреть на ситуацию, которая ныне существует в Польше и в бывшей ГДР.

Было бы также полезно рассмотреть хозяйственное положение внутри самих Соединенных Штатов. Печатает ли советская пресса объективные репорты о сокрушительной рецессии, которая приводит к таким ужасным последствиям среди широких масс рабочего класса и мелкой буржуазии? Информировать ли советская пресса народ о фактическом провале банковской системы в Соединенных Штатах, в котором огромная коррупция и паразитизм, характерные капиталистическому подъему 80-х годов, привели к потерям, которые сегодня оцениваются в сотни миллиардов долларов? Вчера правительство призналось, что они не имеют понятия, сколько денег понадобится, чтоб покрыть потери всех банков.

Рассказывает ли Вам правительство, что финансы на покрытие и оплату этого финансового краха берутся от чрезвычайно необходимых социальных программ, которые охраняли бедных людей от голода? Позвольте мне спросить: что знают советские люди о степени нищеты в Соединенных Штатах?

Некоторые из моих корреспондентов сказали, что советским людям дали понять, что большинство американцев сравнительно довольны; что те, кто говорят о нищете в Соединенных Штатах — это кучка политических радикалов, преувеличивающих факты.

На самом деле, социальные условия так быстро ухудшаются, что даже буржуазная пресса выражает опасения. Сегодня, например, влиятельная газета «New York Times» напечатала статью известного комментатора Лесли Х. Гелба (бывшего чиновника в госдепартаменте) под названием «Заметка для мистера Буша». Статья критикует Буша за его отвлечение в сторону от работы над внутренними вопросами и грубо заявляет: «Наша страна погибает».

Смешно, Горбачев молит правительство Буша предоставить фонды для построения полнокровного капиталистического хозяйства в Советском Союзе, а в Соединенных Штатах капиталистическая система идет от одной катастрофы к другой.

Ответ на эти общие проблемы американского и советского рабочего класса — объединенная революционная борьба против империализма и его сталинистских агентов. Нет другого разрешения проблем этого мира, кроме глобальной реорганизации хозяйственных ресурсов этой планеты на научно планируемой социалистической основе.

17 ноября 1991 года в г. Берлине, Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала собирает Всемирную Конференцию Против Империалистической Войны и Колониализма. Мы опубликовали Манифест, объясняющий перспективы, на которых будет построена эта конференция. Я их Вам вышлю. Может быть, Вы найдете возможным принять участие.

С социалистическим приветом,

Давид Норт

• •
• • • •

Здравствуйтесь дорогие друзья!

Я получил ваше письмо два месяца назад и был очень рад. Большое спасибо!
Но.

Я должен сказать, что это письмо было кем-то открыто. Я не ответил немедленно, потому что я пытался узнать, кто за это ответственен. Но это невозможно. Все говорят: это не я! То есть сейчас, никто ни за что не отвечает. Может быть кто-то думал найти в письме что-нибудь ценное. А может быть, письмо из-за границы все еще под контролем.

Пускай!

Но я опасаясь, что я могу не получить книги, которые вы высылаете. Это будет ужасно! Пожалуйста сообщите мне, когда вы их высылали.

Что касается меня, я и мои друзья очень грустны; ситуация в нашей стране очень и очень неопределенная. Я полагаю, что она поворачивается «вправо». Я понимаю, что мир и народ нуждаются в порядке. Но разве это правильно, если этот порядок будет наведен путем диктатуры?

Условия для установления диктатуры очень благоприятны. Во-первых, из-за путаницы. Руководители Советов, государственных учреждений и предприятий не знают каким законом подчиняться: законом Союза или республик?

Несколько дней тому назад я съездил в деревню. Я был поражен ситуацией. Там нет никакой власти, никаких хозяев. Ведь подумайте, люди (крестьяне) выбрали председателя сельсовета. Но председатель колхоза не разрешает ему занять должность, потому что этот человек работает в колхозе. И в нашей области есть много подобных примеров. Между прочим, все важные вопросы все еще зависят, в конечном итоге, от первого секретаря обкома КПСС. Некоторые люди верят Горбачеву, некоторые верят Ельцину. Но большинство никому не верят. Они не рады тому, что происходит и, в то же время, они далеки от активной политической деятельности.

Русские говорят: «Пожижем — увидим». Но я не люблю эту поговорку.

Вот и все мои новости из глубокой России.

Меня очень интересуют ваши отношения к нашей жизни, к последним событиям в Литве, Латвии, к последним декретам Горбачева, к политике Ельцина.

Жду ваш ответ. До свидания!

P.S. Мой английский язык плох. Могу ли я писать на русском?

Хотите ли вы что-нибудь от меня получать? Газеты, может, или что-нибудь еще?

30.1.1991 г.

Дорогой А.!

18.04.91

Я был рад снова получить письмо от Вас. Я не удивлен, что мое последнее письмо было открыто. Это является небольшим, но значительным предметным уроком о фальшивой сути горбачевской гласности. Несмотря на все разговоры о демократии, весь огромный аппарат сталинской репрессии все еще цел и невредим. Шпионы, сексоты и политическая полиция продолжают работать и даже добавлять новые материалы в секретные досье КГБ.

Вы пишете, что вы и многие Ваши друзья угнетены сползанием к восстановлению режима диктатуры. Это, и в самом деле, серьезная опасность; необходимо понять ее настоящие корни.

Уже со времени большой стечки шахтеров в 1989 году, Горбачев, Ельцин и все остальные энтузиасты «рыночной экономики» внутри бюрократии и среди «демократов» поняли, что восстановить капитализм в СССР мирным путем невозможно. Как уже показали события по всей Восточной Европе, восстановление капитализма

означает уничтожение миллионов рабочих мест и обнищание рабочего класса. Несмотря на все еще существующее замешательство среди советских рабочих, они будут жестоко сопротивляться закрытию своих предприятий и созданию массовой безработицы и нищеты.

Несмотря на свои тактические разногласия, все основные фракции бюрократии согласны с необходимостью восстановить капитализм и интегрировать Советский Союз в хозяйственную структуру мирового империализма. Но их основная боязнь — сопротивление рабочего класса. Поэтому, все различные фракции внутри бюрократии, совместно с «про-рыночными» демократами, представляющими интересы новой советской буржуазии, теперь пытаются создать коалиционное правительство. Таким путем, они пытаются преодолеть свои разногласия и создать единый фронт политической реакции против рабочего класса.

Вы спрашиваете меня: что я думаю о Ельцине. Он — типичный продукт сталинской бюрократии: невежественный, некультурный, развращенный и реакционный. Мои товарищи имели возможность наблюдать его поведение, когда он приезжал в Соединенные Штаты год тому назад. Он выступил перед группой в несколько сот студентов в Колумбийском Университете в Нью-Йорке. Большинство студентов было ошарашено его хвалой по адресу американского капитализма. Американская буржуазия предоставила ему, конечно, «люксовый» тур по Соединенным Штатам, покатала его в лимузине, дала ему спать в самых лучших гостиницах и ела самую лучшую пищу. И он принял эту «голивудскую» версию американской мечты за реальность!

Я просмотрел его недавно опубликованную автобиографию; она дает довольно откровенный портрет этого человека. Он прожил всю свою жизнь среди бюрократии, накапливая привилегии и влияние. Он еще меньше знает о марксизме и социализме, чем даже Леонид Брежнев. Во всей своей книге, Ельцин не упоминает ни об одном из важных исторических событий, которые произошли в тот период, когда он делал свою карьеру. Он не упоминает «секретную речь» Хрущева в 1956 году, в которой Сталин был впервые осужден. Он не пишет о смещении Хрущева, вторжении в Чехословакию, суде над Даниэлем и Синявским, ссылкой Солженицына, или о многих других важных событиях. Читатель вынужден сделать вывод, что Ельцин не интересовался ничем, что не имело прямого эффекта на его карьеру.

Если Ельцин и имеет какой-то конкретный талант, то это талант демагога, язык которого не ограничен ни чрезмерными знаниями, ни угрызениями совести. Этот талант делает его полезным, в роли политического представителя все более могучего социального слоя внутри Советского Союза. И в этом заложено объективное политическое значение Бориса Ельцина: в то время, как Горбачев является лидером буржуазно-реставрационной фракции внутри бюрократии, Ельцин в настоящее время является вождем восходящей российской компрадорской буржуазии.

Разница между этими двумя фракциями вовсе не в основных вопросах программы и принципа. Они полностью согласны в конечной цели: восстановлении капитализма. Их разногласия — о том, как осуществить эту цель и, к тому же, как разделить добычу, полученную в ходе распродажи советских ценностей. Незерно, поэтому, называть одного «левым», а другого — «правым». С точки зрения марксизма и интересов рабочего класса, оба политических течения стоят на правом крыле политического спектра.

Чтобы предотвратить какие-либо недоразумения, я не хочу сказать, что те элементы среди бюрократии, которые заявляют о своем сопротивлении восстановлению капитализма, выражают какую-то «левую» оппозицию против бюрократии. Во все нет; они выражают другой вид реакционной политики. Их альтернатива капиталистическому рынку: сохранение «национального социализма».

который бы продолжал давать бюрократии возможность паразитически эксплуатировать государственное хозяйство. Эта политическая линия обанкрочена и реакционна; именно невозможность создания социализма внутри гос-границ Советского Союза привела к нынешнему кризису.

Нужно прийти к выводу, что для советского рабочего класса единственный путь вперед лежит через возвращение к революционно-международным традициям, на которых была основана большевистская революция и которые Троцкий защищал от сталинцев.

Я буду признателен, если Вы сможете посылать описания развития в СССР. Если это легче, то Вы, конечно, можете продолжать писать на русском языке. Пожалуйста дайте мне знать или Вы смогли понять все в этом письме (в английской версии, пер.). Я пошлю Вам копию этого письма на русском языке, после его перевода (это письмо, пер.).

С горячими пожеланиями,

Давид Норт

• • • • •

Дорогие товарищи! 7.3.1991 г.

Неделю назад я получил от Вас пакет с номерами „Бюллетеня Четвертого Интернационала“ (№ 1-3 за 1990 г.) и брошюру „Мировой кризис капитализма и задачи Четвертого Интернационала“. К сожалению бандероль была порвана (на почте или в КГБ?) и я не знаю или в ней были еще другие книги, письмо, или что-то еще.

Я прочел эти документы с огромным интересом, ведь 99,9% населения нашей страны или ничего не знают о Л. Д. Троцком и о троцкизме, или повторяют те же фразы, вошедшие в обиход в сталинское время.

Самыми мягкими кличками были: „ренегат“ и „враг народа“. Но зачем об этом разговаривать? История все равно докажет, кто был прав, кто виноват.

Я согласен со многим из теоретических документов Четвертого Интернационала. В то же самое время, читая эти материалы, у меня появилось множество вопросов, которые не отвечены в работах, которые Вы мне послали. Они заключаются в следующем:

Как будет осуществляться программа перманентной мировой революции? Будет ли это серия вооруженных восстаний, как в Российской революции 1917 года или в дальнейших революциях в Венгрии и Баварии, или буржуазия потеряет свою власть в результате победы революционной партии в голосовании в парламенте?

Какова будет судьба представителей правящих классов, буржуазии и других не-пролетарских и контр-революционных слоев (они представляют значительную часть населения от 5% до 15%) в случае мировой революции? Будут ли они уничтожены, депортированы в концентрационные лагеря или насильно переучены?

Какова будет структура государственного аппарата в революционном государстве? Как будет возможно уберечь этот аппарат от бюрократизации, чтобы революционеры не превратились в „красных хозяев“, как получилось с про-сталинистскими режимами в СССР и в Восточной Европе?

Станут ли фабрики и заводы, земля и т. д. государственным имуществом, или собственностью рабочих коллективов?

Было ли такое, хотя бы короткое, время в нашей или в другой стране, когда идеи Л. Д. Троцкого и его сторонников были претворены в жизнь?

После долгого периода сталинского правления, которое прикрывалось под ширмой коммунизма и социализма, примерно две трети населения нашей страны и восточноевропейских стран развили отрицательное отношение к терминам, вроде „социализм“ и „коммунизм“. Многие считают, что в США, в ФРГ и в других высокоразвитых капиталистических странах существует рай на земле, что революционеры там — это всего лишь несколько чудаков, которые пробуют расстроить народ, вместо того, чтобы наслаждаться жизнью. Поэтому было бы очень полезно, если бы Вы писали в Вашем русском „Бюллетене“ о жизни простых людей в высокоразвитых капиталистических странах и употребляли конкретные примеры. Еще хорошо было бы печатать работы Льва Троцкого, его товарищей и его наследников.

Я думаю, что „Бюллетень“ должен быть не только теоретическим органом Четвертого Интернационала. Пожалуйста печатайте советы, как строить секции Четвертого Интернационала в СССР. Еще Вам нужно включить отдел писем от читателей. Еще, я бы рекомендовал включить небольшие литературные работы, вроде повестей, рассказов и стихов.

Было бы замечательно купить книги, которые Вы предлагаете в рекламных Labor Publications, но эти рекламы вообще то не к месту; ведь меньше 1% советских граждан имеют доллары. Обычно, это бизнесмены из теневой экономики и проститутки, которые работают за валюту и не заинтересованы в такой литературе.

Пожалуйста, напечатайте не только адреса для связи в США, ФРГ и Австралии но также адреса троцкистских организаций в СССР и в Восточной Европе. К примеру, я заинтересован в троцкистском движении в Польше.

Желаю Вам всех удач.

А. К.

P.S. Я посылаю Вам статью о Л. Д. Троцком из „Московских новостей“.

Дорогой товарищ К.!

11.04.91

Спасибо за Ваше последнее письмо. Мы с удовлетворением узнали, что Вы получили нашу посылку с литературой, хотя, кажется, власти и воспользовались возможностью ознакомиться с этим материалом, прежде, чем доставить его по назначению.

Позвольте мне ответить на вопросы, которые Вы затрагиваете в Вашем письме за 3-е марта.

1. Невозможно точно предсказать, какую именно форму примет реализация программы перманентной революции. Позвольте мне, прежде всего сказать, что Четвертый Интернационал не представляет себе Мировую Социалистическую революцию, в виде единого и одновременного международного восстания. Конкретные формы и темп революционного рабочего движения будут различаться в зависимости от специфических условий, существующих в различных странах. Но везде, победа социалистического пролетариата будет зависеть от его полной политической независимости от партий буржуазии и мелкой буржуазии.

Ответ на вопрос, примет ли социалистическая революция форму насилия, или, вернее сказать, какова будет фактическая степень революционного насилия, будет зависеть от взаимосвязи между национальными и международными условиями и, конечно, от степени

политического сознания и организации рабочего класса. Можно представить себе условия, где пролетариат придет к власти с минимальным количеством политического насилия. Такая возможность существовала во Франции в мае-июне 1968 года, когда всеобщая политическая стачка объединила 10 миллионов рабочих и полностью парализовала капиталистический режим генерала Де Голля. Красный флаг развевался над сотнями фабрик и заводов, захваченных французскими рабочими. В течение нескольких революционных недель, политический и военный аппарат одного из самых могучих империалистических государств фактически распался.

Выживание буржуазного режима произошло, почти исключительно, благодаря усилиям Французской Компартии, которая открыто встала против свержения буржуазного правительства. Сталинистское руководство приложило все свои усилия к свертыванию стачек и оккупаций заводов. После нескольких недель, революционная ситуация прошла и правительство Де Голля воспрянуло духом.

Вы уже, наверно, прочли в программном документе Интернационального Комитета, *«Мировой кризис капитализма и задачи Четвертого Интернационала»*, что конец 60-х и начало 70-х годов знаменовались величайшими массовыми восстаниями рабочего класса со времени окончания Первой Мировой войны. Если французский пролетариат пришел к власти в 1968 году, течение мировой истории было бы, несомненно, изменено.

Во всяком случае, говоря реалистично, хотя особенно благоприятные условия могут сдержать и уменьшить степень необходимого насилия при взятии власти рабочим классом, нельзя впадать в глубочайшую политическую ошибку и думать, что социалистическая революция может быть осуществлена через посредство буржуазных выборов. Как неоднократно доказала история, — в частности в Чили в 1973 году, — буржуазия не смирится с демократической потерей государственной власти.

2. Что касается судьбы буржуазии после завершения удачной социалистической революции, то и это зависит от конкретных условий, преобладающих после захвата власти рабочим классом. Каждый настоящий социалист надеется, конечно, что революция приведет к минимуму человеческих жертв, включая и членов бывших правящих классов. Целью победоносного рабочего класса не станет, конечно, кровавая и бессмысленная месть против индивидуалов, лишь из-за их социального происхождения. А что касается миллионов людей из не-пролетарских социальных слоев, то социалистическая революция не может совершиться вне привлечения значительной части этих сил на сторону рабочего класса. Кроме того, по завершению социалистического переворота, знания и техническое умение тех из них, имеющих опыт в довольно сложных способах капиталистического управления и организации сыграют важную роль в хозяйственном развитии нового общества во время длительного переходного периода.

Размышляя о характере будущей социалистической революции, всегда необходимо помнить, что условия, которые будут преобладать в Соединенных Штатах, Великобритании или Германии, — которые уже достигли весьма высокого уровня экономического развития, — будут, как небо от земли, отличаться от условий отсталой России в 1917 году.

3. Что же касается государственных форм, которые примет по-революционное общество, то Четвертый Интернационал предвидит переходное государство советского типа, то есть, государство основанное на демократически избранных рабочих советах, представляющих весь рабочий класс. Нет, конечно, стопроцентных гарантий, что такие советы не будут извращены; но неверно полагать,

что такая дегенерация неминуема. Дегенерация советского государства явилась результатом конкретных исторических условий: во-первых — отсталость российского хозяйства, во-вторых — продленная изоляция Советского Союза из-за поражений пролетарской революции в Западной Европе. Материальные условия, окружающие рабочий класс после захвата власти в Соединенных Штатах, Японии или Западной Европе, будут коренным образом отличаться от положения российского пролетариата в 1917 году. Есть еще один немаловажный фактор: международный пролетариат прошел через опыт Российской революции и ее сталинистской дегенерации. Несомненно, рабочий класс, обладающий величайшим политическим сознанием, являющимся предпосылкой захвата власти, будет настороже по отношению к своим представителям и будет бдительно остерегаться любых намеков на бюрократизм и разложение.

4. По отношению к конкретным формам собственности, опыт показал, что и после революции социалистическое правительство должно в этой области продвигаться с большой осторожностью. Конечно, рабочее правительство возьмет под свой контроль банки и основные индустрии. Но, вполне возможно, что оно не попробует немедленно национализировать большинство средних и мелких производств. Вероятно, потребуются более или менее длительный период «мирного сосуществования» между государственными и частными предприятиями.

Что касается эксплуатации гос-промышленности, то нет никаких принципиальных причин полагать, что национализация не может мирно ужиться с широкой степенью местной автономии. Сверх-централизация, на которой настаивали сталинцы, была продиктована не экономической необходимостью, а политическими интересами бюрократических паразитов, пытавшихся все контролировать.

Мы намерены последовать Вашему совету и обратить больше внимания в *«Бюллетене Четвертого Интернационала»* на факты и детали связанные с условиями жизни в Соединенных Штатах и в других капиталистических странах. Как Вы увидите в последнем номере, мы уже включили некоторое число корреспонденций от читателей. Мы также готовы опубликовать материалы на литературную и художественную темы.

В своем первом письме Вы спрашиваете о деятельности нашего движения. Рабочая Лига является троцкистской партией в Соединенных Штатах и состоит в политической солидарности с Интернациональным Комитетом Четвертого Интернационала. Из-за реакционного анти-социалистического закона в нашей стране, нам не разрешается формально вступить в Четвертый Интернационал.

Секции Четвертого Интернационала существуют в Европе, Азии и Австралии. Вдобавок, мы получаем сведения от сторонников из стран всего мира.

В настоящее время у нас нет секции в Польше.

Мы получаем большое количество писем из Советского Союза и начинаем объединять наших сторонников в новую секцию Интернационального Комитета. Мы уверены, что публикация *«Бюллетеня Четвертого Интернационала»* явится важным шагом вперед к установлению надежных теоретических и политических основ для построения новой революционной партии советского рабочего класса.

16-17 ноября 1991 года, Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала соберется на международную конференцию в Берлине для организации борьбы международного пролетариата против империалистической войны и нео-колониализма, опасность которого так явно показана недавней войной в Персидском Заливе. Мы

приветствуем делегатов из Советского Союза и надеемся, что, возможно Вы будете в их числе.

С самыми теплыми пожеланиями,
Давид Норт

по поручению редколлегии «Бюллетеня Четвертого Интернационала»

• • •

Письмо к московскому экономисту.

Дорогой С.И 15.1.1991 г.

Я пишу вам из Германии, где я в настоящее время встречаюсь с моими товарищами из Bund Sozialistischer Arbeiter. Товарищ Петер шлет привет вам и вашей семье.

Так много произошло за прошлый год. Дорогой Сергей, интересно, или вы все еще верите, что реставрация капитализма в Советском Союзе может произойти мирным путем, не принося огромных страданий советскому народу?

Следите ли вы за экономическим развитием в Соединенных Штатах? Печатают ли советская пресса репорты о быстро ухудшающейся хозяйственной ситуации, которая принимает размеры огромного спада? В первый раз со времени Великой Депрессии 30-х годов, появились признаки массовой дефляции – краха ценностей – которая может иметь катастрофические последствия на всю хозяйственную структуру американского и международного капитализма.

В последние несколько месяцев наблюдается резкое повышение числа безработных. Значительная характеристика нынешней рецессии – ее последствия на широкие слои среднего класса, большое число которых теряют свою работу. Эра «американской мечты» прошла!

Вдобавок к хозяйственному кризису, появился спектр войны, который, как кошмар пугает миллионы рабочих семей. Когда вы получите это письмо, кровопролитие наверное уже начнется. Пренебрегая жизнями 500.000 молодых американцев, Буш публично угрожал уничтожить Ирак – в интересах могучих нефтяных компаний, доминирующей общественной жизни в нашей «демократической» стране. Да, Сергей, вы собственными глазами видите, что империализм, не сказка придуманная Лениным, а ужасная политическая реальность.

Между прочим, всем уже ясно, что в обмен за поддержку американской колониальной войны в Персидском Заливе, Горбачев заполучил одобрение Буша по отношению к применению насилия в Прибалтике. И это только начало.

Я прилагаю копию политической декларации, выпущенной Рабочей Лигой в связи с войной в Персидском Заливе. Я уверен, что вы ее внимательно прочтете.

С дружеским приветом, Давид Норт.

Заказывайте журнал Интернационального Комитета Четвертого Интернационала на русском языке:

«Бюллетень Четвертого Интернационала»

Специальный учредительный выпуск,
1989 год.

Долой с империализмом и сталинизмом!
Советские и американские рабочие – объединяйтесь!
Заявление Политбюро Рабочей Лиги (США), май 1988 года.....1

Горбачев пресмыкается перед Уолл Стрит. Статья
Давида Норта из номера Bulletin (США) за 9 декабря 1988
года.....7

Мировой кризис капитализма и задачи Четвертого Интернационала.
Резолюция о перспективах принята Интернациональным Комитетом
Четвертого Интернационала в августе 1988 года.....стр 11 – 63

#1, январь 1990

Давид Норт: «Перестройка против социализма».

2, июнь 1990

Конференция на верхах – заговор против рабочего класса.....	1
Ответы на вопросы советского журналиста.....	5
Письмо советскому другу.....	14
Манифест Лиги Социалистических Рабочих, германской секции Интернационального Комитета Четвертого Интернационала.....	20
Единственный выбор – программа социалистической революции.....	47
Чаушеску – сталинистский агент мирового империализма.....	57
Письмо советскому историку.....	59
Ответ Государственному договору – Захватывайте заводы! Организуем рабочие советы.....	62

Л. Д Троцкий: «Еще и еще раз о природе СССР».....68